

ISSN 2311-4053

ИЗДАЕТСЯ
С 13 АВГУСТА 2001 ГОДА

информ

2014,
№ 2 (184)

ПРОСТРАНСТВО

WWW.INFORMPROSTRANSTVO.RU

Издательство «БЕЛЫЙ ВЕТЕР»
МОСКВА
2014

При творческом участии:

АГУДАС ХАСИДЕЙ ХАБАД (МОСКВА)

МОСКОВСКИЙ ОРТОДОКСАЛЬНЫЙ ЕВРЕЙСКИЙ СОЮЗ

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ МОСКВЫ

ИНСТИТУТ МОДЫ, ДИЗАЙНА И ТЕХНОЛОГИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОБЕЛ–2000»

Главный редактор:

Евгений БЕНЬ

Общественный совет:

Лев АННИНСКИЙ, Сергей БЕЛОРУСЕЦ, Танхум БУСИН,
Леонид ГОМБЕРГ, Владимир ЕНИШЕРЛОВ, Кирилл КОВАЛЬДЖИ,
раввин Ицхак КОГАН, Анатолий КОЧАНОВ (председатель),
Аркадий ЛИВШИЦ, Давид МАГИДСОН, Евгений МИНИН,
Галина НЕРПИНА, Сергей ПОДРАЖАНСКИЙ, Ольга ПОТЕМКИНА,
Николай ПРОПИРНЫЙ, Игорь ХАРИЧЕВ

Оформление и верстка:

Андрей ЯШИН, Дмитрий БАЙБАРА

Веб-поддержка:

Дмитрий БАЗОВ

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ /

- Ицхак Коган. *Ребе*..... 4
Макс Койфман. *Золотая листва памяти. Михаил Давидович Ромм*..... 25

ОЧЕРКИ /

- Танхум Авраам Бусин. *Творение великого Маарала*..... 55
Александр Рыбалка. *Тайны Голиафа*..... 59

ПУБЛИЦИСТИКА /

- Анатолий Кочанов. *Все-таки в демографии главное — здоровье*..... 72

ЭССЕ /

- Ольга Потемкина. *Легенда кино: Юрий Норштейн*..... 75
Татьяна Кузовлева. *Азарт к перевоплощению. О Евгении Веснике*..... 90
Лев Аннинский.
Между столетиями. Из наблюдений над молодой поэзией..... 96

ПРОЗА /

- Евгений Бень.
Наиновейшая трагедия несовершенного мира. О романе Игоря Харичева..... 99
Игорь Харичев. *Азарт ощуцизма. Рассказ сенсоапарации*..... 102
Кирилл Ковальджи. *Бессарабский случай. Конспект романа*..... 119
Сергей Белорусец.
Рассказцы. Из прозаической ретрописи «Песни для чтения»..... 123
Эльга Злотник. *Дед*..... 139
Дмитрий Мнухин. *Такие черные глаза*..... 144

ПОЭЗИЯ /

- Михаил Яснов. *Отчасти. Из стихотворений 2010–2013 годов*..... 148
Николай Проппирный. *В городе и во времени*..... 157

В ОБЪЕКТИВЕ /

- Мария Аннинская. *Немое фото*..... 164

РЕЦЕНЗИИ /

- Александр Городницкий. *Путь через столетия*..... 167
Леонид Гомберг. *Дело всей жизни*..... 170
Противостояние..... 172

ВОСПОМИНАНИЯ

Ицхак Коган

РЕБЕ

Ребе Менахем Мендл Шнеерсон

Раввин Ицхак Коган

Аудиенция

В Израиле я удостоился аудиенции VII Любавичского Ребе Менахема Мендла Шнеерсона вместе со своей супругой. Меньше чем через три недели после приезда нам предложили отправиться в Нью-Йорк. С самого начала встречи не покидало ощущение, что я приехал к очень близкому человеку, такому, каким может быть только отец.

Первый вопрос, который он нам задал: «Почему вы не взяли с собой своих детей?» Те, кто помнит, как выезжали тогда из Советского Союза, понимают, что у нас не было денег даже на себя, — нам купили билеты...

Ребе интересовался, как проходил наш выезд из Советского Союза. Потом он сказал на идише: «Власти хотят меняться, не надо им мешать». Уже тогда, в 1986 году, он почувствовал, что в СССР грядут перемены.

Во время аудиенции Ребе неожиданно спросил, какова ситуация с миквой в синагоге в Марьиной роще...

А история эта довольно печальна. Долгие годы миквы там вообще не было. Однажды ребята ее все-таки построили, используя для этого свои отпуска, проверили — никаких протечек не было... Ночью пришли сотрудники КГБ, засыпали ее и сверху покрыли паркетом. На это было ужасно смотреть.

И вот Любавичский Ребе интересуется миквой...

Что ему ответить?

«Наверное, Ребе знает, что микву в Марьиной Роще засыпали...»

А Ребе смотрит на меня и улыбается: «А там есть отдельный вход для женщин?»

Миква одна — и для мужчин, и для женщин, просто были установлены разные часы посещения. Но я не был уверен, что отдельного входа для женщин не было, и сказал, что не знаю.

А Ребе продолжает улыбаться: «У меня есть сведения из достоверных источников, что в синагоге в Марьиной Роще миква будет работать...»

Сразу после аудиенции звоню в Москву, чтобы уточнить, есть ли отдельный вход для женщин?

Мне отвечают, что — нет, но можно сделать через комнату раввина Довида Карпова...

И как только там сделали отдельный вход для женщин, пришли сотрудники КГБ и сказали, что они готовы разрешить открыть микву для пользования. Вот так Ребе умел все предвидеть! Он понимал, что публично пройти через главный вход женщины стеснялись, а через боковую дверь могли войти, не привлекая к себе внимания.

И еще одна вещь произвела на меня потрясающее впечатление. Ведь в течение одной недели вместе с супругой мы дважды удостоились встречи с Ребе. Это было в четверг с 9 на 10 кислева, и еще раз с 16 на 17 кислева, когда мы уезжали из Нью-Йорка.

Перед первой аудиенцией мне сказали, что я ничего не должен просить у Ребе. Я решил, что для себя ничего не стану просить. Но у моего любимого ученика, Мойше Реувена Асмана, теперь главного раввина Украины, никак не шел шидух с дочерью еще одного моего ученика из Харькова Зуси Любарского. На аудиенции я вытащил из кармана фотографию и говорю Ребе: «Там в России остался мальчик — он мне как сын, — и у него не идет шидух... Может, вы благословите его?»

Ребе посмотрел на фото, увидел, что Мойше без бороды и спросил: «Это мейделе (девочка)?» И продолжал: «Пусть берет штурмом, и все будет хорошо!»

После аудиенции я позвонил в Ленинград Мойше: «Ребе сказал — брать штурмом!»

Было раннее утро пятницы, канун Субботы. Он сел на самолет, полетел в Харьков к отцу своей девушки и сказал: «Ребе велел — брать штурмом!»

На что Зуся ответил ему: «Если Ребе сказал, как я могу быть против!»

Через неделю мы опять были на аудиенции.

Я поблагодарил Ребе: «Ваше благословение подействовало, у молодых скоро будет свадьба!»

«Кто будет делать хупу?», — спросил Ребе

«У нас всегда делает хупу реб Авром Медалье. Сейчас он болен, у него был инсульт. Слава Б-гу, есть ваш посланник Шмуэль Эбер...»

Ребе посмотрел на меня серьезно. «Передайте Шмуэлю Эберу, — сказал он, — чтобы не забыл зайти к реб Медалье и взять у него посланничество».

Вот так взгляд Ребе пронизывал пространство даже через моря и океаны: ни в коем случае нельзя обидеть старого раввина! Шмуэль Эбер мог ставить хупу только после того, как реб Медалье сделает его своим посланником. Что это, как не подлинная любовь к каждому еврею, вне зависимости от того, где тот находится и в какой ситуации оказался, — абсолютно безграничная любовь, которую Ребе всегда проявлял к своему народу!

...Перед встречей с Ребе я ужасно волновался. Нас с женой привезли в «Севен севенти», дом Ребе в Нью-Йорке, на утреннюю молитву. Мне сказали, что я должен встать впереди. Когда Ребе выйдет из своего кабинета, необходимо сказать благословение... У меня сердце просто выпрыгнуло из груди. Наконец, Ребе вышел, мы встретились глазами, и я произнес благословение. Мне показалось, что в этот момент я стал другим. Причем перемены не происходили постепенно, мало-помалу, как это обычно бывает, — все изменилось прямо здесь, в этот момент... Ребе дал мне силы и желание смотреть на этот мир сверху. У нас, евреев, которые жили религиозной жизнью в России, всегда был комплекс подполья: мы скрывались и смотрели на этот мир снизу, из подпола. В фильме «Раввин» я сравнил ситуацию с подводной лодкой, которая ходит под перископом. И вдруг понимаешь, что находишься на палубе корабля, когда все видно вокруг и все видят тебя. Это состояние мне и, наверное, многим другим подарил Ребе после встречи: ты причастен к переустройству мира. Это и есть публичная декларация веры, добра, милосердия, которую Ребе принес в этот мир.

Врата в Святую землю

Ребе сказал, что надо строить город для тех, кто приедет из Советского Союза, — это было как бомба. До него об этом никто не говорил.

Выезд из страны каждого человека сопровождался гонениями: власти били тех, кто оставался. Что-то происходило обязательно: какие-то посадки или репрессии — по-другому не было. Я очень переживал... В течение трех недель после нашего приезда места себе не находил. Ходил к Стене

Плача. Много выступал, где-то что-то рассказывал. Но никакого успокоения не было. Выезд такой ценой не планировался.

Однако Ребе сказал мне, чтобы я готовился принимать репатриантов из России, которые скоро начнут приезжать без ограничения. А потом, через четыре месяца, он заявил об этом публично. И пояснил, что специально для них нужно строить город ХаБаДа в Иерусалиме. Это прозвучало как откровение. Ведь в ту пору, в 1987 году, еще уезжали по капельке, никто не понимал, что скоро образуется огромный поток. Но и эти единицы нужно было где-то селить. Иерусалим не был готов к алии. В городе действовали только два центра абсорбции — «Гило» и «Мевасерет Цион». Последний — в основном, для высокопоставленных отказников и американцев. Вскоре я понял, как организовать прием. Надо снять квартиры и везти туда людей прямо из аэропорта. В Израиле есть неписанный закон: где еврей положит голову в первую ночь, там ему потом захочется жить.

Ребе говорил, что для репатриантов из Советского Союза нужно приготовить три вещи: работу, жилье и еще создать условия для каждого, позволяющие почувствовать, что он совершил духовное восхождение. Тогда и появилась идея создать духовный центр для евреев из СССР.

Созданию города ХаБаДа в Иерусалиме Ребе предавал большое значение. На протяжении года весь ХаБаД жил этой идеей. В начале 1988 года, когда мы начали заселять коттеджи, Ребе послал уважаемых и состоятельных людей принять участие в закладке первого камня Духовного центра евреев из Советского Союза; среди них были Шолом Бер Дризин, Иосиф Ицхак Гутник из Австралии, Рональд Перельман из Филадельфии. Но дальше этого дело тогда не продвинулось. Правда, Ребе лично дал чек на десять тысяч долларов на это строительство — такого прежде никогда не было — и послал специальную телеграмму с благословением. Понадобилось двадцать два года, чтобы в 2010 году духовный центр и синагога «Ор Менахем Мендл. Бейт Соша» были открыты.

В ту пору у меня установилась регулярная переписка с Ребе. Я писал ему каждую неделю, а он отвечал мне... Фактически Ребе назначил меня ответственным за прием репатриантов и за будущий город ХаБаДа. Я понимал, что нужно срочно снимать квартиры. Нам дали немного денег — пять тысяч долларов. Тогда месячная аренда квартиры стоила от двухсот до двухсот пятидесяти долларов.

Софа была в положении, и мы решили уйти из центра абсорбции, тем более что кое-какие деньги мы уже заработали. Это позволило нам снять пятикомнатную квартиру в Гило за триста долларов, причем сначала она стоила двести пятьдесят, а уж потом хозяин увеличил цену.

Мы начали принимать людей в заранее снятые квартиры. Это была экстренная мера — на первое время. Потом они находили жилье сами. Репат-

триантам начали выдавать деньги на съем квартир. Раньше они получали только «корзину абсорбции» и жили в центрах абсорбции, пока не устраивались. Никто не предполагал, что вскоре в Израиль приедет столько евреев, что никаких центров уже не хватит. А Ребе это предвидел. И требовал строить жилье. Но пока мы сняли около полутора десятков квартир, некоторые из них близкие нам люди сдавали вообще очень дешево...

Так началась абсорбция в Иерусалиме. Это было очень важно: для евреев, приезжающих в Израиль, Иерусалим — святой город.

Первые репатрианты, приехавшие в Израиль в конце восьмидесятых годов, в основном были отказниками. И многие из них придерживались еврейского образа жизни. Так уж сложилось. Были те, кто носил большие бороды, были и те, кто ходил вовсе без бороды. Кое-кому надо было объяснять, что если в религиозном районе женщина пойдет в короткой юбке, то рискует получить тухлое яйцо в спину. Их туда не селили. Им предлагали в основном районы со смешанным, религиозным и светским населением — Гило и Рамот Алеф.

В городе, который предполагалось строить по указанию Ребе, должны жить люди, которые уже следуют еврейской традиции, и те, кто готов идти этой дорогой. Не обязательно, чтобы они уже соблюдали все законы, — важно, что они хотят этого. Мы понимали, что это значит, — мы же из Советского Союза, а не из района Меа Шеарим...

Ребе поставил задачу найти площадку под строительство домов. Он требовал искать разные варианты. Был дешевый вариант в Неве-Яков — Ребе не согласился. Был еще вариант в районе Арнов, где в основном живут американские евреи, — с очень хорошими, почти готовыми квартирами по приемлемой цене — шестьдесят тысяч долларов в среднем. Ребе сказал — нет. Он, видимо, хотел что-то уже более или менее готовое к заселению. Когда мы нашли в Рамоте пятьдесят два коттеджа, уже почти построенные, и он сказал: «Всевышний дал благословение на это место». Меня назначили ответственным за заселение. Все спрашивали: откуда ты наберешь пятьдесят две семьи, которые захотят жить вместе, в соответствии с еврейской традицией?

Вскоре все коттеджи были заняты, хотя они стоили достаточно дорого. Трехкомнатный дом стоил от шестидесяти до шестидесяти пяти тысяч долларов, а четырехкомнатный от восьмидесяти шести до восьмидесяти девяти тысяч долларов. «Машканта», ссуда на квартиру, была гораздо меньше этой суммы. На семью для приобретения трехкомнатного коттеджа давали только тридцать три тысячи долларов. И еще на восемь тысяч долларов можно было взять «машлиму», ссуду, которая предоставлялась под девять процентов годовых. Этого явно не хватало и покрывало, может быть, только половину стоимости жилья.

Ребе призвал евреев помочь новым репатриантам обосноваться в Иерусалиме.

В Америке нашелся очень богатый еврей Рональд Перельман, который пожертвовал два миллиона долларов на эту программу. Мы стали делить эти деньги на пятьдесят два дома, но никак не удавалось распределить эту сумму на всех...

Я написал Ребе, сообщил, что нам не хватает денег, приложил список жителей и все расчеты. Я понимал: надо ехать в Америку, вопрос слишком серьезный. Ребе ведь мог предложить с кем-то встретиться, обратиться к кому-то лично... Приезжаю. Иду к секретарю Лейблу Гроннеру и говорю, что хочу передать письмо Ребе.

«Хорошо, — отвечает, — пожалуйста».

В этот день Ребе уехал на Огель, могилу VI Любавичского Ребе, — он всегда там молился по понедельникам и четвергам. В эти дни хасиды обычно ждали, когда Ребе вернется, чтобы помолиться вместе с ним «минху» и «маарив». Я тоже решил подождать. Еще до начала «минхи» секретарь Ребе сказал мне, что уже есть ответ. Очень хорошо! После молитвы захожу к нему, он отдает мне записочку. Написано на иврите: «Я помянул вас, когда молился на могиле VI Ребе...»

И все?! А где деньги?

«Это ответ», — говорит Гроннер.

«Но мне деньги нужны!»

«Таков ответ».

«Так я должен вернуться сейчас в Израиль?»

«Если тебе здесь больше нечего делать, возвращайся!»

Чтобы в тот же день вернуться, надо было еще доплатить за билет...

Я возвратился в Израиль очень расстроенный, потому что, как мне казалось, ничего не сделал и не знал, что будет дальше.

На следующий день, наверно, единственный раз в истории Израиля, произошло резкое падение курса доллара. Он стоил 1.65 шекеля, а стал — помню как сейчас! — 1.52. Стоимость квартир была в долларах, а «машканты» — в шекелях. Разница выразилась точно в той сумме, которой нам не хватало. Эта ситуация продержалась какое-то время, а потом курс поднялся до двух шекелей за доллар. Ах вот, оказывается, что значит: «Я помолился за вас на могиле VI Ребе»!

Потом, правда, у нас возникли проблемы, но это уже другая история...

Первые три года вообще ничего не надо было возвращать. Рассрочка была рассчитана на семнадцать лет. Только потом люди поняли, что им надо платить. А пока все думали, что это подарок Ребе. За это время произошел колоссальный эмоциональный подъем жизни в шхуне, нашем микрорайоне: люди приглашали друг друга на Субботы, ходили в гости, устраивали праздники прямо на улице, разъезжали по центрам абсорбции и собирали людей...

Но, как оказалось, не все были в этом заинтересованы.

Что поделаешь? Это дело живет, но, надо сказать правду, не в той мере, как того хотел Ребе... Он ведь хотел город, а пятьдесят два коттеджа — всего лишь микрорайон. Конечно, если собрать всех, кто жил и родился в этом районе, может, и в самом деле, получится город! У нас ведь есть дети, имеющие уже своих детей, — и не по одному или двум! — которые родились в этом районе...

Первым был наш Йосик.

«Проворные увидят царя в поле»

И все-таки многие боялись селиться в этом районе — казалось очень дорого. Они не понимали, каким образом будут расплачиваться. Ведь «машканта» и «машлима» — тоже большие деньги, которые придется вернуть. Я написал Ребе, что есть несколько человек, которые уже решились на покупку домов, но, в основном, люди опасаются — цена слишком велика. Был месяц элул, предшествующий празднику Рош-а-шана. И Ребе ответил мне на иврите: «Проворные увидят царя в поле». Эта аллегория означает, что преддверие нового года — месяц тшувы, возвращения к В-вышнему. Еврей, делающий тшуву именно сейчас, не должен, идя к царю, проходить все инстанции — министров, канцелярию, охрану. Все проще: Царя можно встретить в поле. Иными словами, с Ним можно общаться напрямую.

И мы решили, что будем обосновываться в этом городе: Саша Фейгин, Мойше Гойхберг, наша семья, еще несколько человек... 18 элула, в Субботу, наметили собрать первый миньян. Но для этого нужен свиток Торы. Я стал спрашивать, но никто не хотел одалживать... Я расстроился. Мне посоветовал обратиться к местному врачу, каббалисту. «У них отдельный миньян — может, тебе и дадут...» Я стал разыскивать человека, который может решить этот вопрос. Его звали Давид Царфати. Оказалось, что у него стоматологическая поликлиника.

«Мы евреи из России, — говорю ему, — собираемся молиться в нашем поселении, но у нас нет свитка Торы, хотим одолжить у вас».

«Хорошо, берите, только не забудьте вернуть...»

И он дает мне свиток, но не на двух ручках, а один круглый — как у сефардов... Можно молиться и с таким.

«А у меня жена тоже стоматолог», — рассказываю своему новому знакомому.

«Ну, раз стоматолог, пусть зайдет. Поговорим, может, я ей чем-то помогу...»

Мы помолились со свитком... А со свитком нельзя меньше трех раз в новом месте молиться...

В понедельник, как обещал, возвращаю. Давид сам мне напоминает: «Пусть твоя жена-стоматолог зайдет, не стесняйся, может, я ей помогу...»

Так Софа стала у него работать... А потом она его спасла. В-вышний все выстраивает...

Дело в том, что Давид с семьей бежал из Марокко. У него все документы пропали, семья оказалась в Израиле практически голой. Но у него были свидетели — врачи, которые вместе с ним учились. Они подтвердили его квалификацию. Он получил разрешение на работу. Но потом у него случился конфликт с пациенткой: у нее возникли претензии, и она натравила на него всю израильскую прессу. Тогда открылось, что у Давида нет настоящего диплома, а только какие-то свидетельства. У него отбирают клинику!

Софа приходит домой расстроенная.

«Давид попросил перевести его клинику на мое имя — я ведь дипломированный врач. Иначе он потеряет все. А мне говорят, чтобы я этого не делала, — в прессе пошел звон, и это может плохо отразиться на моих делах.»

К этому времени у Софы уже была своя клиника, и Давид помогал ей во всем.

«Но мы ему должны, по Торе должны, — ответил я, — мы брали у него свиток, он взял тебя на работу... Ты должна ему помочь. Иначе нельзя. Что будет, то будет. Сколько всего про нас говорили в России. Ну, будут теперь говорить еще и в Израиле! Так — что?»

И она переписала клинику на свое имя. Я думаю, что и до сегодняшнего дня она числится за Софой... Волна прошла. А человек продолжал работать.

В-вышний ни у кого в долгу не остается...

Проходит месяц или два. К Софе, в клинику Давида, — она уже большую часть времени работала и в своей собственной клинике — приводят девушку лет двадцати, которой за всю ее жизнь ни один врач не мог вылечить зубы, потому что от зубной боли у нее начинался дыхательный спазм, — какая-то особая чувствительность! Ей сказали, что есть одна еврейка из России, у которой хорошие руки. И в самом деле, Софа лечила ее несколько раз, и ни одного спазма не было.

После этого случая молва о враче с необыкновенными руками быстро распространилась. У нее появились очереди, она не справлялась. Равнины посылали к ней больных, чтобы она лечила им зубы, — часто без денег. Она и к этому была готова. Только однажды сказала: «Я не знаю, что делать, — людей присылают для бесплатного лечения — как буду платить налоги?»

Первые годы, когда мы только начинали работу на Большой Бронной, Софа буквально спасла своими заработками синагогу. Она помогала нам выжить: в начале девяностых никаких денег у нас не было... Пятьдесят долларов в неделю не могли собрать на синагогу.

У нас родился сын!

Наш сын Иосиф родился в Израиле. Я думаю, что его рождение во многом связано с VII Любавичским Ребе. К тому моменту, когда мы впервые встретились с Ребе, у нас были только девочки. Мы, конечно, ничего не просили, но через девять месяцев и четыре дня после этой встречи у нас родился мальчик. Видимо, мощное желание родить мальчика сработало у моей жены... на высшем уровне.

Софа на удивление легко носила Иосифа. Она говорила, что улыбка Ребе, которую она увидела при встрече, придала ей силы. Причем весь период беременности она была очень активна, что ей вообще-то несвойственно. Она читала лекции, училась на курсах повышения квалификации врачей-стоматологов.

В понедельник 20 элула (14 сентября) 1987 года Софа должна была читать лекцию. Она попросила подвезти ее на машине, чтоб избежать неудобств городского транспорта.

«Куда ты собралась? — спросил я ее. — У тебя уже живот до пола достает».

«Все нормально, — отвечает. — У меня сил достаточно. Поедем. Я чувствую себя хорошо».

А мне тоже предстояло выступление, но в другом месте. В те дни мы много выступали в Израиле. Садимся в машину. И тут она говорит: «Ты был прав, поехали в родильный дом».

Мы поехали в госпиталь «Шаарей Цедек». Софу сразу направили в родильное отделение и сказали, что и я могу ее сопровождать. Я очень удивился: никогда не думал, что мужчина вообще может там находиться! К ней подключили приборы, и было очень тревожно наблюдать, как они показывают какие-то цифры, а потом вдруг останавливаются... Я же не знал, что все это означает. Прошло какое-то время, и меня попросили выйти. Выхожу. И уже через пять минут мне говорят, что сын родился.

Я тут же позвонил бабе Еве, как ее называют дети, — моей теще Еве Давыдовне.

«У нас сын!», — говорю. А она мне в ответ: «Изя, ты хорошо проверил?»

Так родился Йосик.

Я сразу послал Ребе факс с благодарностью, попросил благословения...

Монета царя Соломона

Чез неделю у Йосика был брит, который собрал очень много народу. Имя мальчику давал реб Мойше Вебер. Ребе говорил: если кто-то хочет увидеть праведника в Иерусалиме, он должен посмотреть на реб Мойше

Вебера. Это был уникальный человек. У него не было своих детей, но его любовь к людям была безгранична.

Я хотел делать обрезание сам. Но мне сказали: если хочешь оказаться поближе к сыну, будь лучше сандаком. И я стал сандаком у Йосика. Ему дали имя дедушки: Хаим Иосеф Илиягу — раньше это было невозможно, потому что в семье не было мальчиков.

Как только громко сказали это имя, открылась дверь, в комнату вошел посланник Ребе господин Менди Дерен и сообщил, что нам из Америки передали небольшой пакетик. Открываю пакетик и обнаруживаю старинную монету. Рядом со мной стояла моя мама, она едва не упала в обморок. И не мудрено — у этой монеты своя особая история. Дедушка купил ее еще перед Первой мировой войной на ярмарке восточных древностей. Монета была выпущена во времена царя Соломона. Надпись на ней гласила: 482 год со дня выхода из Египта, 3 год правления царя Шломо. Я помню ее очень хорошо. Она была изготовлена из «дутого» металла. На монете изображено холодное оружие, вроде искривленной сабли или ятагана, по окружности расположены плоды граната. Старинная монета была фамильной реликвией нашего дома.

Дедушка задолжал много денег в связи со строительством миквы, значительная сумма ушла также на спасение евреев от несправедного суда во Львове. Он решил продать монету и принес ее в Эрмитаж; там ему сказали, что вещь подлинная и предложили самому назначить цену. Дедушка понимал, что она стоит дорого, но, конечно, не знал настоящей цены. Он попросил музейщиков оценить раритет. Но ему ответили, что аналогов у них нет, — мол, сколько попросите, столько дадим.

Дома он рассказал эту историю моей маме: «Ривочка, если монета представляет такую ценность для неевреев, как же она должно быть дорога еврейскому народу!»

Подумав, он решил не продавать монету, и она осталась в нашей семье. Долгое время она была спрятана дома у моей мамы. Подав документы на выезд в Израиль, я оказался первым из нашей семьи, кто официально заявил о своем желании уехать на историческую родину. Впрочем, впервые хотели заявить о своем желании уехать в Эрец Исраэль еще мой дедушка и мама в 1936 году. Маме было тогда всего пятнадцать лет. Но документы пропали; наверно, маме и дедушке повезло — ведь их не арестовали и не уничтожили. Но, во всяком случае, желание жить в Израиле всегда жило в нашей семье. И моя мама сказала: «Изя, ты первый, кто едет в Израиль, я хочу, чтобы монета была у тебя».

Но поскольку в домах отказников часто бывали обыски, я боялся держать раритет у себя. Когда из Америки к нам в гости приехали Долорес и Артур Портные, я попросил их сохранить монету до лучших времен. Прошло время, их семья распалась, муж и жена разошлись, потерялись все

контакты. Но вот случилось так, что в день обрезания моего сына Иосифа, в тот момент, когда ему дали имя моего деда, эта монета снова нашла нас. Видимо, люди, у которых она до сих пор хранилась, сочли, что настало время через Менди Дерена вернуть ее нам. Это было символично.

Мы решили, что монета должна быть у Ребе. Я отвез ее в Америку и отдал ему. Сейчас она хранится в столе у Ребе.

Танцующий в облаках

В 1987 году Ребе взял меня танцевать вместе с ним. И он сказал тогда, что дает благословение всем евреям России.

На праздник Симхас Тора у Ребе собирается очень много людей, больше, чем в какой-либо другой день в году. Ведь это апогей вслед за праздником Суккот — день радости, свидетельствующий о том, что евреям и по сей день принадлежит Тора. И Ребе, глава нашего поколения, возглавляет всеобщую процессию радости. Он всегда брал с собой танцевать одного человека — мужа сестры своей жены, его звали Рашаг. Но в тот год Рашаг заболел. Я был в Америке, и Ребе взял меня.

Сейчас я готов заявить публично — тогда я постеснялся об этом говорить: я увидел, как Ребе танцует в облаках. Вернувшись из Америки, я сказал об этом только в своей семье и еще раввину Мойше Гойхбергу. Ребе делал движения танца, а я видел так, как будто это происходит на облаке. Я подумал тогда: скажут, что у Изи крыша поехала. Много лет спустя, когда я уже вернулся из Израиля работать в Россию, в Москву приехал раввин Гальперин, чтобы провести молитву на праздник Рош-а-шана. Он сказал мне: «Ты помнишь, когда Ребе взял тебя танцевать, какой туман стоял в зале?!» Для него это был туман, а для меня — облака, среди которых танцевал Ребе.

Посланник

Мое возвращение в Москву после нескольких лет, проведенных в Израиле, было весьма необычным. Тогда еще не были восстановлены дипломатические отношения, и можно было получить визу только через советское посольство в Австрии. Мы выехали в Вену и оттуда, уже с визами, отправились в СССР. Прилетели в канун Субботы. Весь день мы молились дома — идти до синагоги в Марьиной роще было слишком далеко. Вечером нам надо было как-то начинать свой путь в Чернобыльскую зону — белорусские города Гомель, Калинковичи и Мозырь. Ведь у нас очень мало времени — визы нам дали всего на несколько дней. Необходимо безотлагательно разыскать машину, которая провезет нас по этим городам. Да еще мы хотели по дороге заехать в Любавичи.

Было лето, преддверие праздника Швуэс, — Суббота кончается поздно. Только уже ближе к полуночи я вышел на улицу для поисков автомобиля. Остановилось такси. Я объясняю водителю, что нужно сделать большой круг — через Любавичи, Гомель и еще несколько городов. Дорога, понятно, неблизкая: только от Гомеля до Мозыря почти триста километров.

«Ладно, — говорит, — два счетчика платить будете?»

«Договорились!» — отвечаю.

«Придется еще заехать в гараж. Когда я выезжаю за пределы Москвы, должен брать путевку».

Это действительно был посланник Всевышнего! Три тысячи километров со всеми остановками мы проехали за тридцать шесть часов на 24-й «Волге». Водитель спал только во время наших встреч с детьми и их родителями.

Мне особенно запомнился Гомель — в городе висели таблички с показаниями радиоактивности. И это выглядело устрашающе. Словно призраки, двигались люди зелено-желтого цвета — не только взрослые, но и дети. В других городах это было не так заметно.

В результате поездки у нас всех сложилось мнение, что детей, которых необходимо отправлять в Израиль, немало, но желания, чтобы они уехали, а тем более готовности нас поддержать, — нет и в помине.

Мы вернулись в Москву в понедельник вечером, а во вторник нам надо было уже улетать. Мы связались с офисом Ребе и передали информацию. И тут же получили ответ: «Берите всю ответственность на себя и везите детей в Израиль». Однако срок действия виз заканчивался, и наш отъезд был неизбежен.

Праздник Швуэс я провел в Израиле. И сразу после праздника вылетел в Советский Союз уже один. Вернулся собирать детей для отправки в Израиль. Мне удалось договориться о визе на более долгий срок. В трех городах Белоруссии я должен был проверить, что к отправке готовятся действительно еврейские дети и что все документы оформлены. Был назначен день отъезда. Это было 9 Ава. Я спросил Ребе, как нужно вести себя в этот день. С одной стороны, это радостное событие — самое настоящее спасение, с другой — день печали и скорби. Ребе сказал, что выезжать надо все равно, но обязательно учитывая традиции 9 Ава — без песен, веселья, без выражения радости.

Сам я находился в Гомеле, где собралась самая большая группа детей, туда еще привезли ребят из небольшого поселка Речица. Накануне отъезда старший гомельской группы Лев Моисеевич Шапиро, у которого я остановился, буквально ошарашил меня:

«Автобусы мы заказали, но нам запретили вывозить на них детей в аэропорт».

«Что будем делать?»

«А деньги у тебя есть?» — спрашивает он.

«Есть!»

«Тогда снимем поезд. Но только надо отправляться часа в четыре ночи, пока все спят...»

Я дал ему три тысячи рублей. Две тысячи восемьсот восемьдесят рублей стоил поезд: четыре вагона в четыре часа утра должны были выехать в Минск.

«Могу ли я теперь спокойно ехать в Мозырь?» — спрашиваю у Шапира.

«Езжай, — отвечает. — Мы здесь сами управимся».

В Мозыре все было в порядке. На место сбора уже прибыли дети и из Калинковичей. Никто нас останавливал. В пять часов утра в сопровождении милиции мы отправлялись от памятника Ленину. Там собралось много народу — детей провожали родители. Так с эскортом мы отправились из Мозыря в минский аэропорт.

Я попросил приехать в Минск еще нескольких своих друзей из Ленинграда, которые оказали мне неоценимую помощь, — не знаю, как бы я один справился. Они постоянно общались с ребятами, в трудные минуты подбадривали их. Как оказалось, не так-то скоро нам удалось вылететь.

В аэропорту все группы собрались к двенадцати часам дня. Вскоре должны были прилететь самолеты из Бухареста, и в два часа пополудни мы рассчитывали отправиться в путь. Но оказалось, что транспорт задерживается. Через аэропорт до меня дозвонились из Израиля и сказали, что самолеты не пропускают через границу. Я понял, что что-то затевается.

Вокруг недовольно гудела огромная толпа: двести двадцать шесть детей и около четырехсот родителей, дедушек и бабушек. И тут прямо среди них начал работать настоящий провокатор, отец одной из девочек. Он стал публично выступать, утверждая, что никакие самолеты детям не заказаны, что нас никуда не увезут, что вся эта затея — провокация и обман, а советское государство сейчас вышлет за детьми автобусы и развезет всех по домам. Я, разумеется, не мог вступить в открытую конфронтацию. Спокойно объяснил, что случилось простое недоразумение, самолеты полностью готовы к полету, но, к сожалению, до сих пор не получено разрешение на пересечение границы. «Если вы сейчас уедете, больше вас уже невозможно будет собрать, и, значит, ваши дети не поедут в Израиль». Мне удалось уговорить и родителей, и детей. Все остались — не было ни одного, кто бы покинул аэропорт. Но кто-то распорядился закрыть все точки питания, здание оцепили, к нам никого не пускали. Я вынужден был ночью тайком пробираться к такси, чтобы достать детям хоть какое-то питание и воду. Спали мы на гранитном полу, поскольку мест на скамейках хватило только для самых маленьких.

Противостояние длилось двое суток. Оно началось 31 июля и только 2 августа в семь сорок вечера мы улетели. Что самолеты прибудут, стало известно уже в час дня.

За всей этой операцией по спасению детей стоял Любавичский Ребе, он отслеживал каждый наш шаг. Увидев, что нам не дают вылететь, он обратился к медиа-магнату Роберту Максвеллу и бизнесмену Арманду Хаммеру, имевшим значительное влияние в СССР. Ребе попросил их обратиться за помощью лично к Михаилу Горбачеву. И президент дал разрешение на пролет через границу.

Узнав об этом, на радостях я взял машину и поехал на колхозный рынок, накупил детям фруктов, поскольку за эти два дня они очень ослабели. И вот в семь сорок вечера (7.40!) мы начали посадку. Каждый ИЛ-18 вмещал только сто восемь человек. Я загрузил первый самолет, но во втором оказалось слишком много народу — сто восемнадцать детей. Десять человек остались без места. Себя не считаю, я был единственный сопровождающий на два самолета. Бортпроводники второго самолета сказали, что десять человек придется оставить. Я категорически отказался, пригрозил, что не полечу сам и тогда транспорт лишится сопровождающего. Я предложил, чтобы дети постарше взяли маленьких на колени и пристегнули теми же ремнями безопасности. А сам я, как стюард, буду помогать — мне вообще никакого кресла не надо. Я их уговорил. У них не было выхода: я должен был подписать необходимые бумаги, в противном случае они могли бы лишиться солидной суммы денег.

Наконец, мы вылетели. Но когда самолеты поднялись в воздух, стало ясно, что мы не можем лететь в Израиль. Началась война в Персидском заливе. Ирак атаковал Кувейт. Ничего этого мы не знали. Нам сообщили, что мы летим в Израиль через Лондон: на «Ил-18» мы должны долететь до английской столицы, а там пересесть на «Джамбо» — «Боинг 747», который доставит нас в Израиль. В Лондоне нас посадили на каком-то запасном аэродроме. Посланники Ребе привезли нам питание, и мы ожили. Но я ужасно боялся, что дети не смогут лететь дальше. Это были ребята от шести до восемнадцати лет, и многие из них плохо перенесли перелет от Минска до Лондона, который длился около пяти часов. В это время в Кувейте иракцы атаковали аэропорт, и самолет «Джамбо» не смог прибыть в Лондон. Мне звонит Роберт Максвелл...

«Исаак,— говорит он, — вы полетите на тех же самолетах, но нужно сменить экипажи. Они уже находились в полете от Бухареста до Минска и от Минска до Лондона, дальше по инструкции летчики лететь не могут. Я послал свой личный самолет, там четырнадцать мест — на два экипажа по семь человек, которые произведут замену».

«Дети устали, я боюсь их везти; повезу дальше, только если получу благословение Ребе!»

Запросили Ребе. И уже через час он ответил: «Летите, все будет хорошо!»

В пять часов утра уже 3 августа 1990 года самолеты взяли курс на Израиль.

Если во время первого перелета детей тошнило нещадно, то во время второго, от Лондона до Тель-Авива, они все спали. Проснулись, только когда лайнеры стали спускаться. Чувствовалось, что самолеты летят с перегрузкой: из двигателей валил дым, образовались черные шлейфы отработанного топлива.

Приземлились, слава Б-гу! Нас встретили. Субботу мы уже праздновали в Израиле. Вот такой у меня был день 9 Ава в 1990 году!

Вспоминается еще один очень важный момент тех дней...

9 Ава утром евреи молятся скромно, не одевают ни тфилин, ни талес, — и так до «минхи». В минском аэропорту было много евреев. С помощью ребят, которые приехали ко мне из Ленинграда, мы собрали миньян. Вдруг ко мне подходит очень пожилой человек и просит позволить ему молиться с нами. Говорит, что хочет быть в нашем миньяне хазаном на «минху» 9 Ава.

«Пожалуйста, — отвечаю ему, — у нас никто на это не претендует».

«А почему вы не спросите, с какой стати я вдруг решил молиться?»

«Почему?»

«Это не просто так... В юности я учился в ешиве. Потом пережил гетто, расстрелы, смерть близких. Я перестал молиться после войны, потому что стал свидетелем Катастрофы. Я не понимал, как весь этот ужас совместить с моей верой. Но когда здесь молятся люди, посланные Любавичским Ребе, чтобы спасти моего внука, я хочу сказать спасибо Б-гу».

Он молился хорошо, он ничего не забыл. А ведь пятьдесят лет прошло!

Вот еще один пример того, как Ребе воздействует на каждого еврея. Он послал нас спасать чернобыльских детей, но его влияние распространялось не только на них. Но на детей — в особенности...

А Ребе требует, чтобы немедленно везли вторую группу.

На все мои попытки возобновить контакт с тем, чтобы получить приглашение для формирования следующей группы чернобыльских детей, власти отвечали дипломатично: сначала мы хотим убедиться, что дети хорошо приняты и нормально устроены в Израиле. Для этого мы должны были за свой счет принять группу, в состав которой вошли бы медики, а также представители родителей и общественности. В общем, выдвигали совершенно нереальные условия. Я был расстроен. Однажды я встретил своего близкого друга Сашу Фейгина и поделился с ним своей бедой: Ребе потребовал немедленных действий, а я ничего не могу сделать. Саша посоветовал обратиться к известному российскому общественному деятелю, ректору Государственной еврейской академии им. Маймонида Веронике Ириной-Коган.

«Она находится сейчас в кибуце, рядом с Бейт Шемешем, — добавил он, — поехали к ней».

У меня не было никакого выхода, и я, как утопающий, уцепился за эту соломинку. Я нахожу эту совсем невысокого роста женщину. Оказывается, она привезла группу из Советского Союза по программе обмена студентами. Уже дня через два после возвращения в Москву Вероника звонит мне и сообщает, что вопрос решен положительно. «Можешь приезжать, — сказала она, — будем собирать всех в Москве...».

Спустя три недели, 25 августа, я выехал в СССР. Когда я понял, что после моих встреч с родителями их кто-то вводит в заблуждение, стал объяснять, что эти люди, может быть, в чем-то заинтересованы, и для получения объективной информации я советую поговорить с родителями детей, которые уже живут в Израиле, — не сомневаюсь, это станет самой лучшей рекомендацией.

Мы стали собирать в Москве белорусских детей, которые не смогли улететь в первой группе. Для этого я организовал лагерь в Истре под Москвой. Впервые в истории отношений между Израилем и СССР был отправлен самолет рейсом Москва — Тель-Авив, на нем летели наши дети из Чернобыльской зоны. Это произошло 6 ноября 1990 года. Власти, правда, еще побоялись на стойке вылета написать «Тель-Авив» и написали «Ларнака». Но этот рейс № 611 летает до сих пор.

К началу формирования третьей группы мы привезли из Израиля десять тонн кошерных продуктов, без таможенного досмотра, в нашем распоряжении была синагога. Наступила Ханука.

Произошло чудо. Всего за несколько лет из района Чернобыля в Израиль было вывезено больше трех тысяч детей. И здесь немалая заслуга Ребе. Ведь это тоже исход. Исход состоит из двух этапов: на первом нужно вывести самого себя, на втором — других.

Так вот Ребе не был подвержен внутреннему изгнанию, поэтому и помогал другим. Он помогает и сегодня.

В ожидании и надежде

В 1990 году, после того как я привез в Израиль вторую группу чернобыльских детей, мне позвонил глава молодежной организации ХаБаД в Израиле раввин Аронов. Он интересовался, не может ли Вероника Ирина, ректор Российской государственной еврейской академии им. Маймонида, с помощью своих связей организовать встречу с министром культуры СССР для переговоров о судьбе книг из библиотеки Любавичского Ребе.

«Хорошо, узнаю», — ответил я.

Позвонил Веронике и передал ей вопрос, который задали мне.

Через несколько дней она сообщила, что в Министерстве культуры готовы принять представителей из Израиля и обсуждать этот вопрос. Об этом сообщили Ребе. Ребе сказал, что ехать надо немедленно и пригласить меня для участия в переговорах. Вместе со мной в группу вошли раввин Аронов, главный раввин ХаБаДа в Калифорнии рав Кунин и профессор Левинсон, раввин, глава библиотеки Ребе в Нью-Йорке. Нашу «четверку» Ребе назначил представителями ХаБаДа в Советском Союзе. В сущности, это была дипломатическая миссия. О своем статусе мы узнали уже в Москве. Ребе наделил нас особыми полномочия, когда мы уже приехали в российскую столицу.

Двадцать пятого ноября мы приземлились в Москве, а на 7 декабря, в воскресенье, была назначена презентация книг М.С. Горбачеву. Но ее отменили.

В течение этих двух недель Ребе не только определил нашу роль как его полномочных представителей, но и точно сформулировал нашу задачу: книги необходимо вывезти во что бы то ни стало. Ответственность за руководство нашей группой коллеги возложили на меня. Послали эту информацию Ребе. Он согласился. Ведь я не так давно из России, еще не забыл российские реалии, и было понятно, что это только начало.

Первое время мы жили в гостинице «Международная» бывшего «Хаммер-Центра». Арманд Хаммер предоставил нам офис для работы. Но в декабре 1990 года бизнесмен скончался. Последнее написанное им письмо было ходатайством перед советскими властями о возвращении книг Любавичского Ребе.

В гостинице мы прожили около двух месяцев и поняли, что такое жилье обходится слишком дорого. Мы сняли двухкомнатную квартиру на улице Яблочкова, д. 25, кв.50. Но Ребе потребовал, чтобы его представительство в Москве занимало отдельное здание. Причем он хотел решить этот вопрос буквально за пару дней, до ближайшей Субботы. Договорились, что в строении на улице Немировича-Данченко предоставят комнату для представительства Любавичского Ребе. Вскоре там появилась вывеска.

Как только переговоры начались, у меня возникло ощущение, что книги нам вернут, если не завтра, то уж точно очень скоро. Атмосфера была доброжелательной, даже дружелюбной. Мы встретились с заместителем директора библиотеки, он пригласил двух гебраистов, которые подтвердили, что «библиотека Шнеерсона» находится в фондах «Ленинки». Нам предоставили все документы, но несмотря на то, что уже была назначена дата церемонии возвращения книг, что-то в последний момент сломалось, — возможно, противникам Михаила Горбачева по политбюро удалось взять верх.

Торжество было назначено на воскресенье, в дни ханукальных праздников. Из Израиля привезли великолепный ханукальный светильник, который мы хотели передать в знак благодарности. Нас попросили принести

подарок заранее для проверки спецслужбами. Когда в воскресенье мы пришли за ханукией, нам сказали, что передача книг откладывается. Как? Что случилось? Внятного ответа тогда не было.

Швуэс в 1991 году

Официально здание синагоги на Большой Бронной мы получили 8 мая 1991 года. Приближался Швуэс. Мои коллеги, посланные Ребе для переговоров по библиотеке Шнеерсона, вынуждены были уехать из Советского Союза. Им не продлили визы. Я остался один.

Вдруг выходит распоряжение Ю.М. Лужкова, занимавшего тогда пост заместителя мэра, о передаче здания нам. Конечно, я понимал, что процесс передачи имущества займет какое-то время. Но я тут же начал готовиться к празднику.

Отправился к директору Межсоюзного дома самодеятельного творчества, организации, разместившейся в здании бывшей синагоги Поляковых. Пришел к ней с огромным букетом цветов.

«Вопрос уже решен, — сказал я. — Дело лишь в том, будем ли мы сотрудничать ко всеобщему удовольствию или начнем военные действия».

«Что вы предлагаете?» — спрашивает она.

«У нас грядет праздник, и чтобы нам не пришлось толпиться вокруг здания, пока идет передача материальных ценностей, мы готовы снять у вас все помещение на три дня. Заплатим, сколько вы скажете».

Три дня — потому что сначала выпала Суббота, а потом еще два дня праздника Швуэс.

«Хорошо, — соглашается директор, — давайте составим договор». Вопрос был решен.

Главная заповедь праздника — прослушать десять заповедей во время чтения Торы. Мы сделали объявления по всему городу. Радиостанция «Эхо Москвы» сообщила, что открылась синагога на Большой Бронной улице и приглашает всех на праздник. Собралось очень много народу, в том числе и детей. Я организовал празднование так, чтобы каждые два часа приходила новая группа. Зал не мог вместить всех. Это был настоящий человеческий порыв: нам вернули синагогу!

Сейчас еврейские дети в Москве получают немало знаний, а тогда, в 1991 году, было не так...

Еще до начала праздника я написал Ребе о том, что собираюсь праздновать в синагоге на Большой Бронной Швуэс. Ребе всем прислал благословения, но написал также, что и Субботу нужно тоже отметить здесь. Я ответил Ребе, что о Субботе тоже договорился.

«Не меняйте свои планы!»

19 августа 1991 года в Москве появились танки. Сперва позиция ГКЧП представлялась очень сильной, и было совершенно непонятно, чем обернется путч. В то лето мы впервые организовали еврейские загородные лагеря. Среди наших воспитателей было немало людей, приехавших из-за границы. Мы тревожились за их судьбу: все указывало на то, что в стране совершен государственный переворот, и заранее предсказать действие путчистов не было никакой возможности. Мы обратились к Ребе. Он сказал: «Не меняйте свои планы».

Планы мы не поменяли. Но люди, ответственные за финансирование наших лагерей, жили не в Советском Союзе, а за рубежом. Деньги к нам перестали поступать, и дети просто голодали. Моя дочь Сима работала в лагере воспитательницей вместе со своими израильскими подругами. И я решил, что не могу оставаться в стороне; узнав, что детям нечего есть, я поехал в лагерь. Все-таки, что ни говори, а я — человек, связанный с еврейским пищепромом.

По дороге у меня отлетело заднее колесо — моя старая машина буквально разваливалась. Я, конечно, нашел его, поставил на место, закрепил, — одним словом, доехал. Вижу, рядом с лагерем в кустах стоят четыре девицы. Три ревут, одна губу закусил. Это была моя дочь Сима. Дети голодные, а им нечем их накормить.

Я говорю: «Сима, садись в машину, поехали на базар за продуктами!»

Привезли машину с продуктами: картошку, овощи, яблоки... Тут вспомнил, что я — шойхет!

«Поехали еще раз, — говорю дочери. — Попробуем купить кур».

Приехали на базар. А тут как раз привезли совхозную птицу. И продавали очень дешево — по десять рублей. Мы забили полную машину курами...

Но ведь их надо не только порезать, но и ошипать.

«Дети, у вас сегодня будет урок кошерного питания, — сказал я. — Живую курицу надо сначала кошерно порезать, а потом проверить, годится ли она на кошерный стол. Я хочу, чтобы вы разбились на несколько групп. Я дам вам по курице, вы ее ошиплете, потом мы ее вместе вскроем и проверим...» Так можно сказать, играя, мы этих кур ошипали. Среди детей была одна девочка, Двира, — ну просто аристократка! Надо было видеть, как она снимала перо. Когда говорят о самопожертвовании, всякий раз это надо воспринимать на определенном психологическом уровне — у каждого свой порог. Эта девочка никогда в жизни не держала в руках неошипанных птиц, потому что в Израиле кошерные куры продаются уже готовыми к употреблению в пищу. Она делала свою работу буквально с дрожью... Но все-таки преодолела себя.

В результате я детей все-таки накормил и уехал.

Слава Б-гу, через пару дней это все закончилось.

Рядом с Ельциным

... Но пока еще была осада Белого дома, мы решили пойти к Б.Н.Ельцину. К слову, все кордоны мы прошли довольно легко. У входа в Белый дом стояли казаки. Каково же было мое удивление, когда у одного из них я увидел цитит... Никогда бы не подумал, что казаки отождествляют себя с евреями!

Мы вошли в Белый дом, но Ельцин нас не принял. Нас встретил помощник Ельцина Лев Суханов. Мы сказали: от имени Любавичского Ребе хотим передать Борису Николаевичу, что все останется по-прежнему и никаких перемен к худшему не произойдет.

«Завтра войска ГКЧП будут атаковать Белый дом, а силы у нас неравные», — ответил Суханов.

«Так Ребе нам сказал, а мы передаем вам».

Назавтра мы снова приходим к Белому дому. А уже все закончилось.

Суханов говорит: «Ваш Ребе — великий человек!»

«Это правда, — отвечаю. — Но когда вернут по праву принадлежащую ему библиотеку?»

Когда окончательно победили сторонники Ельцина, на площади собралась огромная толпа. И мы оказались рядом с ним.

«Борис Николаевич, надо отдать книги Ребе!» — сказали мы ему.

Ельцин отвечает: «Скоро, скоро отдадим!»

Ну вот, а оказалось — совсем нескоро.

Первого декабря 1991 года в Кремлевском дворце съездов прошло празднование Хануки, и по спутниковому каналу связи передавали выступление Любавичского Ребе. А еще через тридцать дней не стало Советского Союза.

Октябрь 1993-го

В октябре 1993 года противостояние было еще более ожесточенным. Третьего октября — воскресенье. Праздник Суккот. В Доме культуры железнодорожников на Комсомольской площади устроили вечер. Меня попросили сказать несколько слов. Перед выступлением раввин Лазар мне говорит: «В Москве стреляют. Нужно людей успокоить и распустить по домам».

Я вышел и предложил всем вместе сказать псалом Ребе; и еще сказал, что в городе очень сложная обстановка, предложил разойтись, благословил...

А сам вернулся в синагогу. Мы решили ночевать прямо там — пять человек. Мы очень волновались: уже шли разговоры, что захватили Останкино, идут бои в мэрии. Мы боялись за синагогу, потому что понимали: с теми, кто

поднял путч, нам точно не по пути. Мы расположились прямо у входа в здание. Мне не спалось. На утро 4 октября у меня был билет на самолет, я должен был лететь в Нью-Йорк, к Любавичскому Ребе на Суккот. Но как я смогу показаться перед Ребе, когда у нас тут переворот! Я понял, что билет пропал.

В четыре часа утра я услышал обращение Егора Гайдара, который призывал прийти на помощь защитникам Моссовета, еще он сказал, что они там мерзнут в холодную осеннюю ночь. Я вскипятил кастрюлю горячего чая, взял лаваш и варенье. Больше у нас ничего не было, синагога тогда жила бедно. Один из нас остался в синагоге дежурить, а остальные поехали на нашей машине к Моссовету.

Подъезжаем к Пушкинской площади — это была как бы первая линия обороны. Конечно, сооруженные укрепления не представляли серьезного препятствия для атаки, — я хоть и не военный человек, но понял это сразу. Всего там было две-три тысячи человек, не больше. Когда мы вышли из машины, я услышал крик: «Бей жидов — спасай Россию!»

Нас спросили, зачем мы приехали?

Я ответил: слышали, что просили привезти горячего, вот мы привезли то, что у нас было.

Нам сказали: машину оставьте здесь и несите то, что принесли.

Мы стали раздавать чай. Там было три заслона. Уже на втором кончились наши припасы. Я оставил ребят раздавать то, что осталось, а сам поехал, чтобы привезти еще. Вскипятил чай и еще взял четыре вида растений для благословения на праздник Суккот. Возвращаюсь обратно и говорю: зовите всех евреев, которые здесь есть, — благословив этот «букет», мы приносим добро всем. Ко мне стали приводить евреев. Пока ребята раздавали чай, евреи благословляли четыре вида растений. Вдруг слышу какой-то шум. Оказалось, что командир БТРа, стоявшего около Моссовета, был евреем. Ему говорят: иди, делай благословение! А он отвечает: не могу оставить машину. Тогда я подошел к БТРу, и он повторил за мной благословение.

Так прошло несколько часов. В десять часов утра стали стрелять по Белому дому. Потом объявили, что обороняющиеся выбросили белый флаг и сдались. Все потихоньку начали расходиться.

Когда мы с ребятами уходили, нам кричали: «Виват, хасиды!»

Макс Койфман

ЗОЛОТАЯ ЛИСТВА ПАМЯТИ

Михаил Давидович Ромм

Памятник Михаилу Давидовичу Ромму на кладбище в Чимкенте

Титульный лист книги Михаила Давидовича Ромма «Я болею за «Спартак»» (1965) с дарственной надписью автора Макс Койфману с автографами известных советских футболистов (1977). Под названием — подпись Эдуарда Стрельцова

Судьба наделила Михаила Давидовича Ромма многими талантами. Капитан сборных футбольных команд Москвы и России, первый в истории российский футбольный легионер (играл в Италии), первый в СССР футбольный радиокорментатор, специальный корреспондент газеты «Известия» в арктических экспедициях, участник первого восхождения на пик Сталина, тренер сборной команды Москвы по футболу в 1928 году, теоретик футбола, юрист, журналист, писатель. После сталинских лагерей долгие годы жил в Казахстане — в Кызыл-Орде и Чимкенте. Ромм — автор книг «Как играть в футбол», «Тактика современного футбола», «Архипелаг ста островов», «Рычаг Архимеда», «Штурм пика Сталина», «Чемпион мира», «Пути далеких странствий», «Повесть о пережитом», «Я болею за «Спартак».

Я долгие годы дружил с Михаилом Роммом и написал воспоминания об этих встречах.

Алма-атинский стадион бурлил всеми страстями: надеждой и разочарованием, ожиданием победы и страхом поражения: «Кайрат» сдерживал натиск чемпиона Уругвая — команды «Националь».

Помню, как среди общего волнения выделялся своим олимпийским спокойствием писатель Михаил Ромм. Помню и молодую блондинку, сидевшую слева от Ромма. Когда кто-то из кайратовцев приближался с мячом к воротам противника, блондинка вскакивала, как ошпаренная, скандируя в тон стадиона: «Шай-бу! Шай-бу! Шай-бу!» Но как только атака срывалась, блондинка фыркала, выкрикивая: «Сапожники! Козлы! Котелки!», а взгляд испепелял соседа слева, который был совершенно спокоен.

— Вам бы, дедуля, во дворе забивать «козла», а не сидеть тут, как му-
мия! Хоть бы «шайбу!» кричали!

Ромм промолчал, и, улыбнувшись, продолжал наблюдать за зеленым полем. Я же восхищался азарту бойкой блондинки, которая явно не знала, с кем имеет дело...

...Памятный матч 1964 года катился к концу, а на табло все еще скучали одинокие нули. Но тут полузащитник-уругваец, подхватив мяч у центрального круга, стал быстро продвигаться вперед. Ромм наклоняется ко мне и тихо шепчет, но так, чтобы блондинка его услышала:

— Сейчас будет гол.

Блондинка тут же окинула Ромма таким насмешливым взглядом, что даже мне холодно стало. Хотя мне тоже казалось, что положение на поле явно не обещало гола. Такое уже случалось, когда один из уругвайских полузащитников неожиданно перехватывал мяч, но гол из этого не получался. А тут — все неожиданно стихло в ожидании непредвиденного. Еще мгновение, и замерший от волнения стадион увидел, как мяч нервно затрясся в сетке кайратовских ворот...

Разочарованные болельщики покидали стадион, а с ними — и наша по-никшая блондинка. Мне хотелось догнать ее, остановить и сказать, что ее сосед по трибуне вовсе не «дедуля», забивающий во дворе «козла». Вовсе не случайный болельщик футбола, а его живая история...

Мы познакомились с ним в Кзыл-Орде, что на юге Казахстана. В кабинет директора типографии вошел высокий старик в коротком черном полушубке. Представился: Михаил Ромм, писатель. Директор жестом руки пригласил его сесть. И пока вошедший усаживался, не зная, куда девать длинные ноги в нестандартных ботинках, я все вспоминал, где и когда я слышал это звучное имя? Когда гость закончил свои дела и скрылся за дверью, я вдруг вспомнил, что еще мальчиком читал книгу «Штурм пика Сталина», на обложке которой пестрела фамилия Ромм. Я догнал старика... Так началась моя счастливая дружба с этим удивительным и по сей день любимым мною человеком...

Как-то Ромм заглянул к нам в гости и прямо с порога выдал на ломаном казахском языке:

— Как живет молодой доктор в Кзыл-Орде?

Я удивился: Ромм — и по-казахски. Иное дело по-английски, по-итальянски, по-французски или, скажем, по-немецки, где он чувствовал себя, как рыба в воде. Прочитав на моем лице удивление, промолвил:

— Не волнуйтесь, друг мой, конкуренции я вам пока не составлю. А заглянул я к вам за словарями казахского языка. У вас их вон гора, какая. Презентуйте мне парочку на энное время, потом, быть может, и сразимся на языковом ристалище по-рыцарски, разумеется, а судьей нам будет писатель Аскар Токмагамбетов.

Отбывая ссылку в Кзыл-Орде, Ромм, зашел в местное отделение Союза писателей. Комната была полна молодежи. Один из начинающих молодых писателей читал свой рассказ. За столом восседал этакий дородный, круглолицый, очень уютный и благожелательный литературный аксакал — Аскар Токмагамбетов. Иногда, лукаво поблескивая глазами, он вставлял короткие реплики...

Ромм сидел в стороне, наблюдая, как умело и ненавязчиво вел семинар Аскар Токмагамбетов. Потом, когда гости разошлись, Аскар предложил Ромму перевести на русский язык свой роман «Отец и сын».

— Так я по-казахски и пяти слов не знаю, — заметил Ромм.

— А это, коллега, уже немало. Но у вас будет замечательный подстрочник молодого литератора Оразбека Бодыкова, так что не беспокойтесь. Работы другой у вас пока нет, а перевод, это хоть и небольшие деньги, но на хлеб хватит...

Работая над переводом романа «Отец и сын», Михаил Давидович Ромм не переставал удивляться Аскаром Токмагамбетовым. Его талантом, умением тонко подмечать и чувствовать своих героев, родную природу, где степь то «сверкает росой в летнее утро, то хмурится туманом, то холод-

ной осенью, то грозит человеку ураганами и смерчами». Нравился Ромму и главный герой романа батрак Аманжол. Спасаясь от преследования бая, он бежит с женой и сыном из родного аула на станцию Тимур, намереваясь уехать в Ташкент. В степи беглецов захватывает ураган, Аманжол теряет в песчаных вихрях жену и добирается только с сыном до Тимура. Он хочет идти на поиски жены и просит пожилую женщину, которую встретил на перроне, приютить сына до его возвращения...

Потом Ромм переведет и детскую повесть Аскара Токмагамбетова: «Четыре года — четыре часа». В книге шла речь о пожилом писателе, который летит самолетом из Кзыл-Орды в Алма-Ату. И вспоминает, как много лет назад он, сын бедняка, жил на окраине Кзыл-Орды. Как бежал от родного очага, а потом долгих четыре года добирался до Алма-Аты. Теперь он проделывал этот путь на самолете за четыре часа, прокручивая мысленно все пережитое им за эти годы...

Когда Ромм появлялся на пороге, в комнате сразу же становилось весело, каскадом рассыпались шутки, оживали воспоминания далеких лет. Благодаря его чудесным рассказам, в комнату врывалась величественная Венеция с ее музеями, великолепными дворцами и чудесными площадями. Из Венеции мы неожиданно переносились в загадочную Испанию и вместе с Роммом прохаживались по набережной Гвадалквивира, где некогда Проспер Мериме повстречал молодую цыганку в рваной мантилье, за знакомство с которой он поплатился золотым брегетом и лишь случайно остался жив. Цыганку звали Кармен...

— Помните его знаменитую новеллу и оперу Бизе? — улыбаясь, спрашивал Ромм и, ритмично пощелкивая символическими кастаньетами, то есть кончиками пальцев, насвистывал столь знакомую нам мелодию: «Тореадор, смелее в бой!»

Потом мы слушали рассказ о тореро и корридах, которые Ромм видел в Испании. Из Испании мы перебрались в Париж, где с террасы Эйфелевой башни разглядывали город, гуляли вдоль набережной Сены, бродили по древним переулкам, музеям и зеленым бульварам. Очутившись в Тбилиси, мы шатались по проспекту Шота Руставели и узким улочкам старых кварталов, отдыхали в забегаловках, пили шикарное грузинское вино и весело уплетали чахохбили из кур и лобби по-армянски. Карабкались мы и на гору Давида, у подножья которой прижался старый монастырь, где в нише за железной оградой в притаившейся тишине покоились останки русского писателя Александра Грибоедова и его красавицы-жены — Нины Чавчавадзе. Затем наше «путешествие» станет более прозаическим...

...Когда немцы подбирались к Москве, Ромм, будучи корреспондентом газеты «Известия», находился возле села Бородино. И тут он возьми да предположи, что Сталин, наверное, на время оставит Москву, как это в свое время сде-

лал великий Кутузов, чтобы потом дать решающий бой на Бородинском «Поле русской славы». И этого исторического сравнения Ромму хватило, чтобы потом проделать путь длиною в семнадцать лет, полных боли и унижений...

За Роммом пришли ночью, вытащили из постели, переворошили все, что только могли: книги, рукописи, письма... И никакой крамолы, если не считать небольшую деревянную скульптуру Исаака Иткинда — «Футболист». Ромм чуть, было, не спросил: «А она-то в чем провинилась?». Но промолчал. На Ромма надели наручники и вывели во двор, где уже ждал «черный ворон»...

Пройдут годы, и я спрошу Ромма, о чем он думал в ту ночь, когда за ним явились трое в длинных шинелях. И Ромм, улыбаясь, рассказал, что вспомнил, как во второй раз он отправился на Землю Франца-Иосифа со своей женой Валентиной Соловьевой, диктором Центрального радио. И что на обратном пути, когда их ледокол «Малыгин» входил в Баренцево море, пассажиры стояли на палубе, любуясь утренней тишиной. Но тут начался шторм, и море, разозлившись, обрушило на них свои могучие волны. Волны то накрывали ледокол «водяным покрывалом», то валили на бок, то поднимали над водой, то погружали вглубь моря. И тут Ромм увидел, как очередная волна, перевалившись через борт ледокола, подхватила Валентину. Ромм бросился к Валентине и вырвал ее у разбушевавшейся волны...

Но в ту ночь, когда Ромма повели к выходу, он неожиданно обернулся. Валентина стояла, не шевелясь, опустив голову. А когда глаза их встретились, ему показалось, что она вот-вот набросится на непрошенных гостей и скинет их «в море», чтобы спасти его. Но этого тогда не случилось: та ночь навсегда разлучила их...

Будучи в Москве по работе, я набрался храбрости и позвонил Валентине Соловьевой. Сказал, что близко знал Ромма и хотел бы с ней повидаться. «Хорошо!» — ответили на другом конце провода...

Валентина была родом из Вильно, отец ее был полковником царской армии. Когда в семнадцатом к власти пришли большевики, они велели русским офицерам явиться в комендатуру, якобы для регистрации. Те поверили и дружно объявились в комендатуре при всех регалиях и орденах, только оттуда они больше не вернулись...

Отцу Валентины, Сергею Петровичу Соловьеву, тогда повезло: он в это время находился в госпитале: старые раны давали о себе знать. О нем забыли, да он не забыл, так и жил в страхе, боясь, что на него донесут. В страхе жила и его семья. Затем страх поселился, и в доме Валентины после того, как арестовали Ромма. Вот и ждала она, что за ней тоже придут...

...Мы встретились в кафе, в далеком шестьдесят девятом, спустя два года, как Ромма не стало. Невысокая, постаревшая, но все еще красивая женщина с приятной улыбкой и умными глазами сидела напротив меня. И я,

как замороженный, слушая ее безупречно спокойный и звучный голос, опасался, что наша встреча вот-вот оборвется, а я так и не успею спросить, как случилось, что она поверила, что ее муж... Но всякий раз меня что-то сдерживало. Да и какое, собственно, я имел право вторгаться в чужую жизнь, будить в ней то, что спрятано глубоко в душе, подальше от чужих глаз. Я старался понять, что же это было за время, когда никто никому не верил, когда от стука в дверь и шороха шагов замирало сердце, бросало в дрожь, когда жизнь людей зависела от клеветы и доноса, да и само слово «жизнь» давно уже потеряло свое истинное значение. Валентину не допрашивали в подвалах Лубянки, не таскали за волосы, не ломали ребра и не ссылали неизвестно куда... Ее чудесный голос по-прежнему звучал по Центральному радио, но жизнь в Москве была для нее мучением. Ей грубили, угрожали по телефону, а соседи по дому обходили стороной, не решаясь заговорить, чтобы не навлечь на себя ничего «подозрительного». Она вставала чуть свет и неслышно спускалась с этажа на этаж, смывая со стен подъезда надпись незнакомого «доброхота»: «Соловьева – жена врага народа». Так и жила она с этим, как с занозой в сердце, ожидая своей очереди. Да и на работе ей было неуютно, хотя к ней и относились с пониманием... Но на каком-то этапе ее убедили, что ее муж... и она — поверила...

— Теперь-то я знаю, что Миша ни в чем не был виновен, но уже, к сожалению, очень поздно, — с грустью рассказывала Валентина. — Я когда-то послала ему много посылок в лагерь, но ни одна из них не дошла. Это я сейчас знаю. А тогда... вдруг получаю телеграмму, уже из Кзыл-Орды, куда его сослали после лагеря, с просьбой прислать ему брюки. Надо же, подумала я, рассердившись, — опять что-то требует от меня. Вместо брюк я послала ему телеграмму: «Миша, ты эгоист!» А он ответил: «Эгоисту тоже нужны брюки!»

В 1929 году Валентина Сергеевна после окончания Института слова сдавала экзамен на дикторское отделение в престижный на всю страну Радиокomiteет. Один из членов приемной комиссии блистательный артист Василий Иванович Качалов, когда услышал ее голос, воскликнул: «Эту девочку нужно принять обязательно!..»

Валентина улыбнулась и рассказала, как она познакомилась с Роммом, и как он, глядя на нее с высоты своего чуть ли не двухметрового роста, неожиданно выдал:

- Ты будешь моей женой!
- Вы в этом уверены?
- Конечно!..

Я же, желая подольше находиться рядом с Валентиной, напомнил, как во время сирены и бомбежки она забралась с Роммом на крышу их многоэтажного дома, чтобы в случае необходимости утихомирить «подарок» с неба. И

как зимой сорок второго, когда она вела передачу из Дома звукозаписи, где играло московское трио — виолончелист Святослав Кнушевицкий, пианист Лев Оборин и скрипач Давид Ойстрах, неожиданно погас свет. Музыканты на какой-то миг застыли. И чтобы наступившее молчание в эфире из-за погасшего света не посеяло панику у радиослушателей, Валентина нащупала под рукой газету, скрутила фитиль, осторожно зажгла и освещала им клавиатуру рояля, за которым сидел Лев Оборин. Когда же факел стал гаснуть, в ход были брошены тексты уже прочитанных передач... И тут Валентина вспомнила, как однажды в Колонном зале Дома Союзов, стены которого периодически вздрагивали от грохота бухающих зениток и раскалывающихся бомб, она вела концерт, где звучала музыка Дмитрия Шостаковича. И как она во время воздушной тревоги предложила зрителям спуститься в бомбоубежище, но никто из них так и не поднялся с места, настолько сильно звучала музыка...

После ГУЛАГа Ромма сослали в Кзыл-Орду. Ни родных, ни жены, ни детей, ни гроша в кармане. Хорошо милиция пристроила Ромма в захудалом сарае с дырявой крышей, мрачными стенами, узким зарешеченным окном и земляным полом. Да еще предупредила, чтобы он подыскал себе квартиру, работу и два раза в неделю являлся в милицию «для особой отметки». Но на Ромма достаточно было бросить взгляд, чтобы понять, кто он и откуда прибыл. Старая ватная шапка, потрепанная телогрейка с заплатами на спине, застиранная рубашка неопределенного цвета, не по росту короткие брюки и брезентовые ботинки со стертymi подошвами. А в его прошлое, что он был когда-то капитаном сборной Москвы и России по футболу, как и в то, что он — писатель, никто, конечно, не верил. И, наверное, прошло бы еще немало времени, не попади в город журнал «Спортивные игры», выпущенный по случаю шестидесятилетия русского футбола. Да еще с броским заголовком: «Международный матч-футбол, 22-го августа 1911 года. Англия — против сборной команды лучших русских футболистов Петербургских и Московских клубов» с фотографиями футболистов, среди которых возвышался капитан — Михаил Ромм...

Но все это было потом, а пока он бесцельно бродил по улочкам и переулкам города в поисках комнатухи. Перед ним захлопывали двери, закрывали калитки, его принимали за бродягу, нищего, сумасшедшего, за кого угодно, но только не за нормального человека. И на работу не брали: стоило услышать, что он из заключенных, да еще «политических», как ему сразу давали понять, что разговор окончен. А он был готов подметать улицы, работать грузчиком, сторожить магазин... лишь бы заработать на кусок хлеба. Но отовсюду он уходил подавленным, никому не нужным, пока однажды его не остановила женщина.

— Небось, квартиру ищите?

— Я бы и от уголочка не отказался.

- Работаете?
- Раньше работал, книги писал.
- Так я вам и поверила.
- Нехорошо, когда человеку не верят.
- А в лагере за что сидели?
- Да я и сам толком не знаю.
- Не иначе, как политический?
- Вроде, политический.
- А живете где?
- В сарае.
- Все шутите, а сами с утра, поди, без крохи хлеба во рту.
- Это верно.
- Коли не боитесь, приглашаю на чай.
- Это было бы здорово!

Женщина, позвавшая Ромма к себе на чай, работала няней в больнице, жила в тихом переулке, на окраине города, где снимала комнатку с небольшим двориком и одиноким деревцем возле калитки. Стоя на пороге этой невзрачной, но чистой каморки, Ромм не знал, что придет день и он напишет на своей новой рукописи «Я болею за «Спартак» — «Жене и другу Евдокии Ромм посвящается». Как и не знала Евдокия, что соседки, когда прослышат про «политического», да еще «обрезанного», нарекут ее, русскую по отцу и матери, «яврейкой» и будут сплетничать за ее спиной, будто обрезанный-то «пельмень» слаще русского...

Как только в стране запахло «потеплением», Ромм признался милиционеру Абике, у которого отмечался, что он надумал сбежать в Москву. Абике насторожился:

- Как, в Москву? У тебя же...
- Мне бы правду узнать...
- Вот чудак-человек, кому нынче твоя правда нужна?
- Мне, Абике. Мне.
- А что, если проверка? И меня, сам знаешь, по головке не погладят.
- Все верно, только я никуда не денусь. У меня тут жена...
- Вот что, писатель, ты мне ничего не говорил, а я ничего не слышал.
- И на том спасибо.
- Спасибо потом скажешь, а вечером я к тебе забегу.

И забежал — со стареньким отцовским полушубком, теплой ушанкой, кирзовыми сапогами, с наполовину срезанными голенищами, теплыми портянками и котомкой с продуктами.

— Теперь не замерзнешь, да и в дороге будет что поесть, — сказал Абике и тут же скрылся за дверью.

В Москве Ромму повезло не сразу. В людях все еще сидел страх прежних лет. Стоило ему позвонить кому-нибудь из своих прежних приятелей, друзей, как один вешал трубку, другой — ссылался на нездоровье, третий — на занятость... Позвонить Валентине Ромм не решался. И двоюродного брата-кинорежиссера Михаила Ильича Ромма не хотел тревожить: у него и своих хлопот хватало. И Ромм махнул на стадион «Динамо», где его встретили как родного человека, накормили, предложили душ, подыскали угол для ночлега. Да еще помогли с «аудиенцией» в Главной Прокуратуре, где ему пообещали... но при условии, что он первым же поездом отбудет в Кзыл-Орду...

Когда Ромм вернулся в Кзыл-Орду, он прямо с вокзала направился в милицию, к Абике. Абике слушал «беглеца», не перебивая, а в конце сказал:

— Пока ты, писатель, по Москве правду искал, я для тебя работу подыскал. Не гадай, все равно не угадаешь. В книжном магазине.

— Но я же...

— Не волнуйся. Я за тебя поручился, да и депеша подоспела из Алматы, что ты... восстановлен в правах члена Союза писателей...

В тот же день Ромм потоптался возле книжного магазина, открыл дверь, сбросил полушубок, закатал рукава и стал наводить порядок. Разделавшись с пылью и паутиной, он вымыл окна, пол, разложил книги по полкам на свой вкус, а затем спустился в подсобку. И — оторопел: под томиками вождей революции он разглядел книги, которых давно надо было сжечь. И среди тех книг он узнал и свой «Штурм пика Сталина»...

Всякий раз, когда Ромм упоминал имя Абике, мне хотелось пожать ему руку и сказать хорошее слово. Но в милиции, где работал Абике, никто толком не знал, куда он подевался, да и в доме жили теперь другие люди.

Прошло немногим больше года, когда звонок «Скорой» ворвался в мой обычный будничнейший день, предупредив, чтобы я никуда не отлучался: за мной уже выслали машину, и в аэропорту меня поджидает «кукурузник». И что он подбросит меня к метеорологу, в семье которого заболел ребенок...

В то утро небо как нарочно затянули тучи, и казалось, не то что «кукурузник», но и птица никуда не полетит. Но в середине дня самолет все же поднялся в небо. За штурвалом сидел Василий Козлов, в прошлом — военный летчик. Он взял на себя ответственность за вынужденный вылет. Единственным пассажиром его «кукурузника» был я, тогда еще совсем молодой врач. Помню, как меня мутило и подбрасывало на «воздушных ямах». Кислородная подушка летала вместе со мной из стороны в сторону. Испуганный, покрытый холодным потом, я пытался дотянуться до поручня, но всякий раз падал, как от нокаута. Хотелось, чтобы летчик не видел моей жалкой физиономии и не подумал, что я струсил. Я все-таки ухватился за поручень и, еле шевеля ногой, подтолкнул к себе походный саквояж с

медикаментами, вынул оттуда флакончик с нашатырным спиртом и жадно вдохнул спасительный аромат. В узких просветах туч мелькали развалины старой крепости в окружении древних, как мир, песчаных барханов да торчащих корявых стволов саксаула, прикрытых шапками снега. Но что это? Как ослепительно блестят крылья самолета? И как низко мы летим над барханами? Казалось, что самолет вот-вот срежет голову одному из них, заодно непременно поломав свою. Я кричу в спину летчика:

- Что за блеск на крыльях?
- Лед! — сквозь треск услышал я, и меня как током ударило: обледенение.
- Что теперь?
- Уносить ноги!
- Но мы же над самой юртой?
- Самолет посадить не сможем!
- Может, сбросим медикаменты?
- Это дело!

Польщенный похвалой летчика, я кое-как вывел на листочке, что за лекарство дать малышу на случай высокой температуры, одышки... Прячу листок в саквояж с медикаментами, перетягиваю его брючным ремнем и подаю знак летчику, мол, все готово... Василий опускается совсем низко над юртой, притулившейся возле развалин Бок-Дока — крепости, мимо которой когда-то пролегали тропы, некогда могучего Чингисхана. И — наша «скорая» камнем летит вниз. Мы разворачиваемся и выбираемся из зоны ледяной полосы...

Путь назад казался куда легче. Наверное, потому, что летели домой. Вот только на душе было скверно. Столько страха — и все зря!

Наконец-то шасси коснулось земли. В ушах все еще шумело, тело ныло, а ноги казались чужими. В дежурке нам, как особо отличившимся в воздушной пустыне, выдали по рюмке коньяка, по шоколадке, рассказали пару историй из жизни «небесных конников». Только я, все еще находясь под впечатлением пережитого, а они такие сильные, веселые и совсем спокойные...

Я еще не отошел от всего того, что пережил в небе, но виду не подавал, храбрился, как мальчишка, даже предложил Козлову слетать туда завтра, если погода позволит. Я ведь отлично понимал, что капризы «воздушной конторы» неумолимы, что не мы, а она пока что диктует нам свои прихоти и причуды. И нет ей дела ни до метеоролога песчаной пустыни, ни до его малыша, которому так нужна была наша помощь...

И опять мы на взлетной полосе. Было воскресенье не только у нас, но, вероятно, и у погоды. Она отдыхала, радуясь тихому солнечному дню, а я все равно крепко держался за поручень до самой посадки самолета.

Шасси судорожно касается земли, и я тороплюсь к юрте. У входа, к моему удивлению, расстелен красный домотканый ковер. Пытаюсь его обойти, чтобы не оставить следов от ботинок, но встречавший нас метеоролог опережает:

— Нет-нет, проходите!

И я иду по ковру, страшно смущаясь, и в глубине души немного гордясь. Я ведь догадался, как много этим хотел сказать метеоролог с суровым лицом охотника.

— Вижу, здорово вам вчера досталось. Вы уж извините, что рисковать пришлось. Все мы в жизни понемногу рискуем, не без этого...

Старая женщина поднимается навстречу и протягивает пиалу с чаем.

— Выпей, сынок, совсем продрог. Зима нынче суровая.

— Потом, потом, — говорю я. — Мне бы воды теплой, руки помыть.

...Малыш с трудом глотал воздух. А вокруг столько воздуха: чистого, свежего — целое море! Губы синие, в легких — стена хрипов. Готовлю шприцы, медикаменты, перетягиваю жгут, нащупываю вену и медленно ввожу в нее пенициллин, глюкозу, аскорбиновую кислоту... И жду, когда у малыша порозовеют губы, стихнет одышка, спадет температура... Бросаю взгляд на этажерку с книгами. И вижу «Штурм пика Сталина». Переворачиваю первую страницу, и — сразу же узнаю знакомый почерк: «Спасибо тебе, Абике». Я украдкой поглядываю на хозяина юрты: так вот ты, какой, Абике!.. Но тут Козлов подает сигнал: надо торопиться, погода — дама капризная. Я еще раз бросаю взгляд на малыша и даю добро: мать заворачивает малыша в теплое одеяло, и мы идем к самолету. И уже у самолета я поворачиваюсь к метеорологу:

— Спасибо тебе, Абике!

— За что?

— За Ромма!

— Вы его знаете? Кто он вам?

— Хороший человек и большой друг.

— Вот и я тогда тоже подумал: хороший он человек!

Самолет разгоняется и плавно отрывается от снежной полосы...

...Сборная России по футболу готовилась к Олимпиаде 1912 года. Ромма включили в олимпийскую команду, назначили капитаном. На тренировке Ромм повредил ногу, обратился в олимпийский комитет — к Бертрану и показал ему отекавшее колено. Но тот даже не потрудился взглянуть на поврежденную ногу. А вечером Бертран сообщил Ромму, что он дисквалифицирован «за неявку на тренировку». Когда же Ромм напомнил ему, что еще утром он приходил к нему... Бертран с притворным удивлением пожал плечами, мол, никакого Ромма он не видел... И Ромм, разозлившись, что его отстранили от игры в сборной, отправился путешествовать по Европе.

3 октября 1963 года мы провожали Ромма в Москву, где должна была состояться встреча на кубок Европы: советские футболисты играли против прославленной футбольной команды из Италии. Ромма нельзя было узнать. Глаза его светились. От него исходила сама радость от предстоящей встречи с Москвой, от которой он был долго оторван, потеряв привычную жизнь, работу, жену, футбол, стадион «Динамо»...

Ромм писал: «Я прошел на свое персональное место в сорок пятом ряду западной трибуны, против одной из линий ворот. Отсюда, сверху, отлично просматривалось великолепное футбольное поле, похожее на гигантский бильярд, расчерченный белыми линиями. Сверкали белизной ворота с оттянутыми назад сетками. Трибуны были уже заполнены до последнего места. Сто три тысячи зрителей с билетами и никем не учтенное, но немалое количество безбилетных, проникших им одним ведомыми путями сквозь все преграды, сквозь милицейские кордоны, сквозь длинную цепь контролеров, ждут начала матча. ... Моросит холодный осенний дождь, поле потемнело и намокло. Случилось то, чего больше всего боялся Фаббри, о чем мечтал Бесков: на мокром поле потускнеет главное оружие итальянцев — отточенная техника, но зато сильнее скажется неисчерпаемая выносливость наших игроков. А ведь до сегодняшнего дня два с половиной месяца стояло безоблачное, московское «бабье лето», и только этой ночью набежали тучи. Вот уж, поистине, дома помогают не только стены, но и погода... Но вот на стадионе воцаряется тишина... Свисток. Понедельник вводит мяч в игру, советские футболисты, пренебрегая разведкой, бросаются в атаку. Стремительно проходит по левому краю невысокий коренастый крепыш Хусаинов, и вот уже завязывается его первая дуэль с капитаном итальянцев Мальдини. Финт, еще финт, неожиданный, резкий, стремительный, и оторопевший Мальдини обойден. Гуарнери вынужден, покинув свое место, спешить к нему на помощь; в образовавшуюся брешь немедленно врывается Понедельник и получает точную передачу от Хусаинова. Сильнейший удар, мяч угрожающе проходит над самой штангой итальянских ворот...

Но быть может, это только удачный эпизод? Нет, ураганная атака советских футболистов продолжается. Оттягиваются назад, на помощь защите, Ривера и Сормани. Не помогает. Неудержимый Хусаинов буквально рвет на части оборону гостей, Иванов, Численко, Понедельник проникают в образовавшиеся пустоты, мяч не раз проходит рядом с боковыми штангами итальянских ворот. Техническое преимущество гостей — а оно, несомненно, — пасует перед этой стремительной, динамичной игрой, с неожиданными, быстрыми перемещениями, непрерывной сменой тактических комбинаций. Итальянцы смяты, они только обороняются. И вскоре приходит развязка: Хусаинов издали бьет по воротам, вратарь отбивает мяч, он

отскакивает к игрокам — двум итальянцам и Понедельнику. Ростовчанин, как всегда, начеку. Не успевают итальянцы опомниться, как он мощным ударом забивает гол.

Нужно ли описывать, что творится на трибунах!? Гости начинают с центра, но советские игроки тотчас же перехватывают мяч и продолжают атаку.

Проходит немного времени, и снова прорывается Хусаинов, обходит Мальдини и Трапатони и посылает мяч в центр Иванову. Вратарь бросается ему в ноги, капитан сборной СССР спокойно, словно на тренировке, выкладывает мяч своему соседу Численко, и тот посылает его в ворота. 2:0! Итальянцы начинают с центра, но через минуту уже опять кипит борьба у их штрафной площадки». ...После памятного матча «Кайрат» — «Националь» мы не сразу вернулись в Кзыл-Орду. Уже на другое утро мы отправились в «Медео», в известный спортивный комплекс, расположенный в живописных горах Заилийского Алатау, близ Алматы. Надышавшись горным воздухом, мы возвратились в город и махнули в картинную галерею имени Тараса Шевченко, где Ромма нельзя было оторвать от работ скульптора Исаака Иткинда. Ромм поманил меня к себе и, наклонившись над самым ухом, прошептал:

— Как ты думаешь, чьи это работы? Вот к нему-то мы сейчас и нагрянем...

В дирекции музея мы легко раздобыли координаты скульптора, вышли на улицу, тормознули такси, назвали адрес. По дороге Ромм рассказал, как однажды он случайно прочитал в газете, что, если не помочь скульптору Исааку Иткинду, Россия может потерять гения. Ромм собрал свои скудные сбережения и поспешил к гению. Но гений ни за что не хотел брать деньги у Ромма и отмахивался от них, как от холеры. Тогда Ромм предложил гению продать, хотя бы одну из его работ. Обрадовавшись, как мальчишка, Иткинд воскликнул: «Пекасно!» и стал приглядываться к скульптурам. Но, увы, ни одна из них ему не приглянулась. Тогда он вытащил из-под кровати корягу непонятной формы, повертел ее в руках и радостно прохрипел: «Хо-го-шо!» Растворившись в улыбке, он взялся за тесак, придавая своей находке приличный вид. Когда фигура «Футболиста» была готова, скульптор вырезал на ней свое имя и протянул Ромму...

Такси свернуло в короткий переулочек и подкатило к дому скульптора. Мы толкнули калитку, и перед нами тут же выплыло, как из сказки, худощавое чудо живой природы — Иткинд, собственной персоной: светящиеся добрые глаза со смешинкой, растрепанные белые волосы до плеч, и такого же цвета пышная борода, плотно прикрывавшая шею в глубоких морщинах. Внешне это «чудо живой природы» больше походило на короля Лира, блаженного, на доброго доктора Айболита, но только не гения. Скульптор прищурился, с недоумением уставился на Ромма, а затем, улыбнувшись, торжествующе выпалил: «Футболист!»

Иткинд затащил нас на кухню и настойчиво «спаивал» чаем с вареньем из листьев красных роз. Говорил он обычно громко, сбивчиво, ужасно коверкая слова из русского языка, идиш, литовского, польского, немецкого, начисто игнорируя правила русской грамматики. Мне казалось, что из «перлов» этого гения можно было бы состряпать недурную книжицу: «Нагочно не пидумаешь»...

В свои девяносто с «довеском» в четыре года Иткинд держался бодро, хотя и заходил в кашле, а в бронхах все клокотало, как у старого астматика. После чая гений снял со стены свою допотопную скрипку, прошелся смычком по слабо натянутым струнам и — заиграл. Вот только что — не припомню. Затем он вытащил из тайника стола потрепанные листочки и, откашлявшись, торжественно объявил: Исаак Иткинд. Рассказ. «Блоха и Цадик». И стал читать: «Я получил из Какастринки телеграмму о том, что мой ребе, реб Довид, опасно болен. Я хватаю субботнюю капоту и бегу на вокзал. Приезжаю в Какастринку. Ребе успел сказать мне всего лишь несколько слов...». Читал Иткинд рассказ с выражением, как артист, жаль только, что его перебивал кашель...

И этого смешного и веселого еврея из глухой деревушки Дикарки долго и нудно допрашивали кэгебешники, добиваясь, чтобы он не был болваном, рассказал, «с кем путался», «на кого работал»... Но до Иткинда не доходило, что, собственно, от него хотели, вот и доказывал, что никакой он не шпион, что это на него не похоже, что он никогда не поносил Сталина, что у него и мысли такой не было. Что он только скульптор, что его работы знают в нашей стране, Риме, Париже, даже в Нью-Йорке, где ему, между прочим, обещали «большие деньги». Но они ему ни к чему, ему и здесь хорошо. И радовался, что он уже вырезал «Пьяного монаха», «Жертву фашистского погрома», «Отца в тюбетейке»... и даже «Умирающего Пушкина»... Когда же гения просили назвать имена людей... то тут он основательно «запутался». Ведь это «чудо» знало Максима Горького, Сергея Есенина, Владимира Маяковского, Сергея Коненкова, Марка Шагала, Василия Качалова... Что за их порядочность он может поклясться равнином из «Какастринки». Но как только до него дошло, что не сегодня-завтра его расстреляют за шпионаж... он онемел, как камень. Иткинда не расстреляли, его сочли «чокнутым», бросили в тюрьму, а затем в лагерь, откуда его потом сослали в забытую Богом, Зеренду, что на севере Казахстана...

Как-то в Зеренду заглянул партийный босс Ашимбек Бектасов. Когда ему показали «чокнутого», он понял, что перед ним человек умный, необычный, хотя и «не от мира сего». Он-то и перетащил Иткинда в Алма-Ату и помогал, как мог, только бы это «чудо» творило и радовало добрых людей. Не будь их, кто знает, увидели бы мы «Философа», «Паганини», «Поля Робсона»,

«Старика-казаха», «Отдыхающего Джамбула»... Может завтра, кто-то подарит нам свою «Мелодию», свою «Песню», свое «Чувство вины»... Но это будет «завтра», а пока это сделал великий скульптор Исаак Иткинд!

Когда Иткинд рассказал, что пришлось вынести ему при «допросах», Ромм вдруг понял, почему у него при обыске конфисковали скульптурку «Футболиста», на котором было выведено: «Ромму от Иткинда». И тут Ромм, улыбаясь, поведал, как на этапе, по дороге в лагерь, их колонну погнали в баню. Вернувшись после душа в предбанник, Ромм ахнул: у него украли все — вплоть до трусов. А на дворе мороз за тридцать. Что делать? Кого звать? Кого просить, когда ты всего лишь беззащитный зэк!? Хорошо еще, что старшим банщиком оказался грузин — заядлый болельщик футбола. Ему-то Ромм и пожаловался, да еще сказал, что он друг Бориса Пайчадзе из тбилисского «Динамо». И Ромму вернули штотки, да еще выдали дали на дорогу булку хлеба с луковицей и головкой чеснока — целое богатство...

Как-то нашего приятеля-инженера Гришу Колодизнера, занесло в холодный Архангельск. Остановившись в гостинице, он заглянул в ресторан: все столы были заняты. И только возле окна, за столом «для персонала» сидел один посетитель. Это был Юрий Левитан, в прошлом диктор Центрального радио... Ничто же сумняшеся, Гриша подошел к Левитану и, извинившись, поинтересовался, нельзя ли ему пообедать за этим столом.

— Да, да, пожалуйста, — промолвил Левитан.

Гриша заказал обед и, помолчав ровно столько, сколько это требуется для приличия, спросил Левитана, знакомо ли ему имя Михаила Давидовича Ромма? Левитан оживился:

— Даже очень знакомо! Ведь я работал на радио вместе с его женой Валентиной Соловьевой. Я всегда с большим удовольствием читал его рассказы, книги. А потом его арестовали. С тех пор я ни разу не встречал этого незаурядного и умного человека.

И уже на следующий день Гриша дал Левитану почитать книгу Ромма «Я болею за «Спартак»... А накануне нового 1966 года Левитан написал Ромму: «Десятилетия три тому назад, Вы, я помню, называли меня «Юре». Я всегда вспоминаю красивого, большого и обаятельного Ромма. Очень рад, что Вы до сих пор бодры и пишете...».

Ромм приходил к писателю Аскарму Токмагамбетову не только, чтобы прочитать ему очередную главу своего перевода. Он приходил к нему, чтобы просто поговорить о новой книге, появившейся на прилавке книжного магазина. Случалось, что Ромм брал и меня с собой, за компанию. Гостеприимный хозяин приглашал нас к столу, а его жена с добрыми карими глазами ставила перед нами пиалы и фарфоровый чайник, из горлышка которого пробивался запах свежезаваренного индийского чая. И тут же следом

она подавала горячие лепешки, сливочное масло и разные сладости, среди которых выделялись темно-коричневые ломтики сушеной бухарской дыни с удивительным вкусом меда.

За чаем Аскар много шутил, острил, охотно читал свои стихи. Аскара было любо слушать, он буквально заражал нас своей радостью и веселым мальчишеским задором. Не отставал от него и Ромм, он, как и Аскар, забавлял нас эпизодами из жизни великих артистов, шахматных гениев или футбольных звезд. Рассказывая, Ромм, как бы нарочно вставлял в свою, и без того красивую речь, поговорки и пословицы из книг Аскара Токмагамбетова, отчего тот, расплываясь в улыбке, часто повторял: «Ай да шайтан, ай да черт», не забывая при этом подлить нам в пиалу кумыс — напиток из кобыльего молока.

Наблюдая за этими двумя «обаятельными аксакалами», я обычно молчал, мне было интересно видеть их дружеские перепалки, слышать яркие шутки, остроты, словом, все, что исходило от них. Но тут во дворе зарычала собака, и Аскар многозначительно заметил:

— Жди добрых гостей.

И уже через какую-то минуту дверь распахнулась, и на пороге показался стройный, по-военному подтянутый, незнакомый мне человек с наметившейся проседью в висках.

— Гость на пороге — счастье в доме, — промолвил Аскар, приглашая гостя к столу.

Приветливо улыбнувшись, гость представился:

— Бикинеев — и протянул руку Аскару, кивнул Ромму и мне.

Когда же хозяйка дома сменила чайник, Аскар, шутя, напомнил:

— Почетным гостям — почетное угощение.

Одарив Аскара улыбкой, эта маленькая, пышнотелая женщина с блеском в глазах ответила пословицей на пословицу:

— Суетливый в спешке садится задом наперед на коня, а я пока что передом сажусь на коня.

Мы улыбнулись. А она перед тем, как удалиться на кухню, сказала, что скоро к столу будет подан бешбармак.

Когда Ромм, к слову, сказал, что ему не раз приходилось сталкиваться с «неприличными людьми» из КГБ, Бикинеев заметил:

— Я, кстати, тоже из тех самых «неприличных людей», но оставался доволен, если мне удавалось кому-то из ссыльных помочь...

В комнате наступила тишина. Ромму стало не по себе. Все наши шутки, смех отошли в сторону. А Бикинеев продолжал рассказывать, как он, будучи в Кармакчах, повидался с Эстер, вдовой поэта Переца Маркиша, расстрелянного вместе с другими еврейскими писателями, артистами. И как бы, между прочим, намекнул, что ходят разговоры, что срок ее ссылки бу-

дет сокращен, да и потом был рад, когда помог ей перебраться из унылого и мрачного Кармакчи в Кзыл-Орду... И как потом ему, бывшему фронтовику, пришлось учиться в вечерней школе, где немецкий язык преподавал старший сын Эстер — Шимон Маркиш.

Читая книгу воспоминаний Эстер Маркиш «Отражение света», я снова встретился с майором Бикинеевым из Кзыл-ординского областного управления МВД.

Ромм, рассказывая о своих встречах с Эстер Маркиш, отбывавшей ссылку в Кзыл-Орде, восторгался ею и ее детьми: Шимоном и Давидом, литературное дарование которых он «заподозрил», когда они были еще подростками...

Посчастливилось и нам с женой познакомиться с этой замечательной семьей, правда, случится это спустя годы, уже в Израиле. Мы передали Эстер письма ее старшего, ныне покойного сына, к Ромму.

Как-то Ромм показал мне письмо от писателя Федора Чирвы из Чимкента. «Уважаемый Михаил Давидович! — писал Чирва. — Извините, что я без Вашего согласия дал в газету «Южный Казахстан» Ваш рассказ. Надо, крайне надо, чтобы люди знали о Вас. Буду рад, если Вы пришлете мне что-нибудь еще. Мне хочется вообще держать с Вами более тесную связь. Дела у нас общие, трудные, а литература требует много сил, ко всему прочему мешает разобщенность. У нас много солнца, море дынь, яблок. Так что перебирайтесь к нам в Чимкент».

И Ромм засуетился, не зная, как ему быть: то ли ехать в Чимкент, то ли сидеть в Кзыл-Орде. Обратился за советом к Шимону Маркишу.

«Михаил Давидович, — писал Шимон, — поздравляю Вас с добрыми намерениями и желанием жить в другом городе. Чимкент я видел проездом из Фрунзе, из окна вагона. Тогда была ранняя и очень холодная осень. И город был под снегом, поэтому ничего определенного не могу сказать. У нас, слава Богу, никаких видимых перемен. Живем по-прежнему. Давид (младший брат — М.К.), к сожалению, чувствовал себя неважно, но теперь гораздо лучше. Бабуся стареет. Я тружусь, увы, не с прежним усердием — нервы очень шалят, истощились проклятые... А в Чимкент все-таки перебирайтесь: там больше солнца и зелени — океан...»

И Ромм подался в Чимкент: в город зелени и солнца... А следом за ним, правда, с опозданием в один год, перебрались туда и мы...

...В 1965 году в Алма-Ате вышла новая книга Ромма: «Я болею за «Спартак». Мало сказать, что она сразу же исчезла с полок книжных магазинов, но автора буквально завалили письмами, телеграммами и телефонными звонками. Писали друзья по футболу, по перу, по лагерю и ссылке. Ромм как бы заново родился... Он повеселел, помолодел и в приподнятом настроении взялся за новую рукопись...

«Подумать только, — удивлялся Лазарь Лагин, автор повести «Старик Хоттабыч», — я не раз видел Ваше имя в Справочнике союза писателей! Но мне и в голову не приходило, что это Вы и есть тот самый Ромм, с которым я когда-то путешествовал в Арктике. Ведь о Вашей судьбе я имел в свое время самые мрачные сведения. Буду очень рад, если мне придется почитать Вас в Москве и пожать Вам руку».

«Имя Михаила Ромма хорошо знакомо старшему поколению и почти неизвестно молодым. И все потому, что злая судьба забросила этого талантливого человека далеко от Москвы. Потом пройдет немало времени прежде, чем он, оправившись от тяжелых невзгод и несправедливости, вновь подаст весть о себе...» — писал в газете «Футбол» спортивный журналист Александр Вит, с которым Ромм одно время работал в газете «Красный спорт». А в личном письме к Михаилу Давидовичу Ромму признавался:

«У меня камень с души снят. Я, правда, хотел написать что-то другое, более теплое и душевное, но не хватило ни таланта, ни времени. Все хвалят меня за то, что написал, и ругают за то, как написал. Одни говорят, что я слишком возвеличил роль Ромма в футболе, другие, что недостаточно подчеркнул, что Ромм не спортсмен, а писатель-профессионал. Я отгавкиваюсь, но на всех не угодишь».

«В книге М. Ромма «Я болею за «Спартак», — писал Геннадий Стариков, в прошлом заслуженный мастер спорта, а затем видный издатель спортивной литературы, — интересно все — и воспоминания старого спортсмена, и плавания, и восхождения. Книги такого диапазона с таким богатым содержанием еще не было в спортивной литературе. В ней пленяет и легкий, образный, сочный язык, и широкое, всегда объективное восприятие автором любых событий: говорит ли он о современности или воскрешает «дела давно минувших дней».

Не забыл М. Ромма и Дима Попов, бывший актер из Ленинграда. В письме к Ромму он писал:

«Однажды я стоял возле киоска за свежим номером газеты, и один мой приятель рассказал, что недавно он приобрел книгу старого футболиста Михаила Ромма: «Я болею за «Спартак». Когда я услышал это имя, меня сразу же осенило: Ромм, тот самый, из лагеря! И я не мог не разыскать Вас, не написать и не вспомнить о нашей жизни за забором с колючей проволокой... и гаденыша Писаренко по кличке «писарь» с глазенками хищной змеи. Он и по сей день является мне во сне, сокрушает матом и пускает в ход кулаки, а потом берет за горло и — душит, приговаривая, что это еще «по-божески»! Да черт с ним — с этим жалким и ничтожным человечком. Единственное, чтобы я пожелал, чтобы ему и на том свете было так же жутко и беспокойно, как тогда нам. Что до меня, то я как мальчишка шатаюсь по Питеру — его улицам, музеям, мостам и, как губка, впитываю в себя всю теплоту и красоту жизни...»

Вспомнила Михаила Ромма и Светлана Воронова из Нижнего Тагила:

«Ваша книга помогла мне по-иному взглянуть на жизнь, на ее красоту. А то страшное, что мне пришлось вынести в лагере, как бы отодвигалось, уходило в сторону, уступая дорогу зеленым тропинкам и светлым ручейкам жизни... Мне кажется, что я почти все время нахожусь в состоянии тихой радости...»

Написал Ромму и Матвей Гольдин, один из старейших московских футболистов и хоккеистов:

«Приношу Вам мою искреннюю благодарность за присланный мне подарок. Ваш «Спартак» вернул меня к дорогому прошлому каждого спортсмена... Мне она очень понравилась, я ее прочел, не вставая с кресла».

Немало трогательных, полных юмора писем, написал Ромму и Александр Рубайло, товарищ по лагерю:

«В Вашей книге «Я болею за «Спартак» и культура слова, и замечательное видение поэзии жизни, и юмор, и искренность, и все это в стиле доброго старого времени, который был, есть и пребудет как норма. Может быть, от книги будут отклоняться по невежеству, неумению и некультурности духа, но она сохранится. Вашу книгу не перевяжешь никаким бинтом, она обязательно найдет свой путь, чтобы доставить людям радость от пережитого или даже открытия нового мира...»

«Моя Елизавета, это маленькая, кругленькая женщина, подвижная, как колобок, дотошно изучает карту: мы надумали двинуться в сторону Иссык-Куля. А на обратном пути собираемся забежать к Вам, в Чимкент: и на Вас поглядеть, да и вспомнить дела не так давно минувших дней».

...Запомнилось, с какой любовью он говорил о литературе, о музыке, о жизни — и ни слова о том, сколько унижений и обид ему пришлось вынести в лагерях и в ссылке. Спокойно и непринужденно он читал стихи совершенно незнакомых мне поэтов, среди которых я впервые услышал «Падучую звезду» Ивана Макарова:

*Смотрю я в глубь лазури ясной,
Бог весть, откуда и куда
Из звезд сияющих прекрасных
Одна скатилась звезда...*

И совершенно неизвестное мне стихотворение великого Федора Шляпина:

*Пожар, пожар! Горит восток!
На небе солнце кровью блещет,
У ног моих пучина плещет,
И сердце бьется и трепещет,*

*И жизнь меня зовет вперед.
В лицо мне ветер свежий бьет.
И тьмы уж нет; и утра луч
Разрезал глыбы темных туч.*

Слушая этого седовласого интеллигента с задумчивыми серыми глазами, я буквально пьянел, как от хорошего бокала вина... И только после того, как не станет Ромма, я познакомлюсь с письмами этого удивительного человека — Александра Рубайло... Эти письма могут заменить хорошую повесть...

«...Меня этапировали на участок, куда перебралась литейка и механический цех. Работал я там всяко: и нормировщиком, и бухгалтером, и просто кантовался. А потом нас, «политических», стали собирать на участке, что был по соседству с Полиной Марковной, где Вы там одно время были библиотекарем. Оттуда нас намеривались забросить под Красноярск, но пока собирались, я выполнял разную работу. Незадолго до окончания срока, я дал взятку вольному доктору, и он перевел меня в инвалиды. А тут волею божьей помер наш славный «отец и учитель», и наши сборы что-то утихли. Я жил среди инвалидов, изредка ходил на кухню чистить картошку и ждал дня, когда окажусь на воле...

...Первого мая пятьдесят третьего года у меня кончился срок, но по случаю праздника меня задержали еще на три дня. Четвертого мая я вышел на вахту и сразу же убрался в город Тагил... Рисковать ехать домой, в Сергиев Посад, где у меня была квартира, библиотека, и все такое, я не стал: опасался, как бы я своим приездом не навредил своей жене и детям. В Тагиле меня приветливо принял секретарь горкома Кожевников, душевный человек, хотя и молчаливо суровый с виду. Благодаря его стараниям я попал в пединститут: поначалу на должность инспектора заочного отделения, а потом я стал и почитать. Студентам мое читиво нравилось. И все было бы хорошо, если бы в институт не прислали нового директора, который сразу же стал освобождаться от «бывших»...

...В 1955 году я смотался в Москву. Там я мыкался по прокуратурам, добиваясь реабилитации, надоедал в Минпросе и Министерстве высшего образования. Единственно, чего я добился, это — восстановления моей ученой степени и звания. С этими «данными» я и вернулся к жене, в Сергиев Посад. Дочь жила в Москве, работала учительницей математики, а сын был еще студентом. Я начал с того, что рассылал документы по всем городам страны, где объявлялись конкурсы. Меня, конечно, браковали, а из Армавира мне даже подробно ответили:

«Как же ты, сукин сын, фашист, осмеливаешься на идеологическое святая святых и все такое...».

Чую, что стена чуть ли не сплошная. Но тут на мое счастье прислали вызов из города Чарджоу, что в Туркмении. И я помчался туда. В институте и в об-

коме мне сказали: работайте спокойно. Но как только студенты очень тепло отозвались о новом лекторе, против меня ополчился «западник» по фамилии Вайнберг, потрясающий невежда и косноязычный лектор. Он бегал то в обком, то в комитет госбезопасности, то в областной отдел просвещения и вопил: «Помилуйте, вчерашний «пятьдесят восьмой» на кафедре, на идеологическом участке и все такое...» Ну, я ему потом припомнил и по реабилитации в 1957 году выпер этого «западника» из института без мундира и пенсии.

Работал я и с неким Куриленко — кандидатом и все такое. Его знания были на уровне нынешнего десятиклассника, но претензий — как у сотни Энштейнов. Мне он напоминал одного украинца с Запада, который удоставлял своим снисходительным вниманием одного меня. С другими же у него был один разговор: «Я образованный человек, а ты г...!»

Он когда-то окончил львовскую семинарию. Про Чернышевского — не слышал, про Золя, Бальзака — тоже. И вообще весь мир у него заключался в одном гении — Тарасе Шевченко. Но вскоре и он куда-то исчез».

...В 1962 году я ушел на пенсию, перебрался в Сергиев Посад, живу в большой хате со своей старухой. Но летом наезжает тьма народу: дети, внуки. У меня сад, виноградник, и все такое прочее: куры, петухи, коты, воробьи и обстановка времен Ивана Грозного — керосиновые лампы и сама хата по-своему виду отнюдь не городская. Но мне почему-то нравится, эдакий зоологический и растительный привкус моего бытия...

...Я про себя вспоминаю те времена и нередко испытываю странное чувство. Я не могу понять, почему вспоминается только хорошее? Думается, что тут отчасти играет роль: бездумность, диогенность существования, и вот отзвуки его в душе и порождают такое противоречие в восприятии этого прошлого. А вообще трудно, наверное, разобраться человеку со своей собственной душой. Я как-то наблюдал вечером в Чарджоу, как кранами срывали скульптуру Сталина, по чьей вине мы отдали самую драгоценную часть нашей жизни и, знаете, мне стало почему-то его жаль, ей Богу — ругайте меня, но это так...»

«...Несказанно рад Вашему письму. А еще больше — памяти обо мне. Рад за Вас. Вам повезло чрезвычайно со второй женой из глухой деревушки, что этот род женщин неизмеримо лучше, душевнее, сердечнее, проще, искреннее, чем коснувшиеся культуры — мне известно было очень давно. Вы помните Тимона из «Очаровательной души» Роллана и его рассуждения о том, что человеку в известных отношениях с женщиной нужен теплый живот, на который можно было бы спокойно прилечь головой. Так вот, у «прикоснувшихся к культуре» нет такого живота. Он есть просто у женщин...»

...Читаю и перечитываю Вальтера Скотта — его милые рассказы, которые так фильтруют твою душу, что после них как-то даже свет становится яс-

нее, прозрачнее, легче дышится. Мне страшно нравятся скоттовские люди. Чего стоят одни их клятвы: «Клянусь бородой святого Дунстана», «Клянусь плащом святого Себастьяна», «Клянусь небом и богородицей сломанных копий», «Клянусь жезлом Моисея» и все такое... Прелесть, не правда ли?»

Читая письма этих искренних людей с их надеждами, житейскими и будничными невзгодами, я не перестаю удивляться красоте их души и сердечной доброте. Будучи несчастными, униженными, они не потеряли веру в прекрасное время, которое обязательно постучится к ним в дверь. А сколько их ушло, так и не дождавшись встречи с родными, друзьями! И хотя эти люди тебе не знакомы и далеки, а вот заглянешь в их письма, и сразу представляешь их бодрыми, живыми и такими близкими.

...В далеком 1966 году мы с Роммом смотрели документальный фильм «Обыкновенный фашизм» — фильм кинорежиссера Михаила Ильича Ромма, двоюродного брата Михаила Давидовича. Когда мы покинули зал, Ромм, заметил: «Какая могучая правда о войне». И тогда же я узнал, что Мура (так звали близкие Михаила Ильича) передал в своем фильме не только правду о войне, но и то, что когда-то жило в душе его отца, который ненавидел ложь, презирал пошлость, человеческую ничтожность и несправедливость.

Отец Муры, Илья Моисеевич Ромм, жил в Москве, в Замоскворечье, на Пятницкой. Он был невысокого роста, живой, подвижный, носил рыжую бородку, работал врачом-бактериологом. Позже в «Устных рассказах» Михаила Ильича Ромма я прочту: «Отец был необычайно добрым, более доброго человека я просто не видел, не встречал, хотя одновременно был и очень вспыльчив, принципиален и нетерпим, всегда говорил то, что думал...»

Илья Моисеевич прекрасно играл с Мурой в четыре руки Бетховена, Шуберта, Моцарта. Рассказывая о Муре, Михаил Давидович что-то упускал, не договаривал, а спросить я не решался.

Отец Михаила Давидовича Ромма был недоволен своим сыном, который вместо того, чтобы заняться серьезным делом, как его двоюродные братья Саша, Миша и их сестра Ида, «носился» по футбольному полю или бился на ринге, «как дурак». Он во всем обвинял свою маленькую, тихую и хрупкую жену, упрекая ее, что она не занимается воспитанием единственного сына. А когда ему однажды сказали, что Миша один из лучших беков России, он ответил, что это его мало волнует. Утихомирился лишь в 1913 году, когда его Миша вернулся из Флоренции чемпионом в составе футбольного клуба «Фиренце».

Михаил Давидович был старше своего двоюродного брата Михаила Ильича на десять лет. Когда речь заходила о Муре, он тут же уходил от разговора, хотя фильмы его смотрел с удовольствием, особенно ему нравились «Девять дней одного года» и «Обыкновенный фашизм». Даже после

возвращения из неволи и реабилитации отношения между двумя братьями так и не наладились. Но зато Михаил Давидович охотно рассказывал о родном брате Муры Александре и сестре Иде.

Александр был прекрасным поэтом (в этом можно легко убедиться, прочитав сборник его стихов «Ночной осмотр») и замечательным переводчиком произведений Генриха Гейне, Андре Шенье, Шарля Бодлера, Шандора Петефи... романов Эмиля Золя, Герберта Уэллса, Джона Рида, Гюстава Флобера, Ги де Мопассана, а также поэтов из республик нашей бывшей страны.

С первых дней Великой Отечественной он ушел на фронт, служил на флоте, участвовал в боевых действиях, был награжден Орденом Красного Знамени. А в сорок третьем он написал Сталину письмо, в котором сообщал о безобразиях на флоте, после чего его очень скоро отозвали из армии и направили на работу в тыл, в город Сочи. Но уже осенью того же года его родным написали, что Александр Ильич Ромм покончил с собой...

Когда Ида Ильинична узнала о смерти брата Александра, она обратилась к его бывшему начальнику с просьбой написать ей, где и кем работал ее брат, что он натворил, что нарушил, что привело к самоубийству, что обнаружили врачи, производившие вскрытие? Ответа, конечно же, не последовало, хотя со слов боевого товарища Александра — В.А. Маслеева она знала, что «Саша не раз ставился в такое положение, когда на белое он должен был говорить черное, а на черное — белое. Но он не боялся называть черное — черным, и это не всем нравилось...» Остается лишь поставить вопрос: кому было угодно, чтобы человек, который говорил правду, писал и переводил трогательные стихи, великолепную прозу, не успев до конца распахнуть свою красивую душу перед миром, который он так любил, трагически ушел из жизни? Но вопрос этот, разумеется, риторический...

Находясь в Москве по работе, я безуспешно пытался дозвониться до Михаила Ильича Ромма. Но однажды мне все же повезло, как в лотерее: сам Михаил Ильич поднял трубку. Я назвал свое имя, попросил прощения за мой идиотский звонок, рассказал, что его двоюродный брат Михаил Давидович Ромм незадолго до смерти признавался, что он сожалеет, что столько лет держал обиду на брата и осуждал то время, которое надолго проложило между ними глубокий овраг недоверия и молчаливой обиды. Михаил Ильич, извинившись, что он из-за нездоровья не может позвать меня в гости, ответил, что ему было бы «чрезвычайно приятно», если бы я всякий раз, когда буду на могиле его брата, оставлял цветы и от его имени. Теперь, когда не стало и Михаила Ильича, земля снова сблизила братьев и уже — навсегда.

Однажды я принес Михаилу Давидовичу книгу Натальи Кончаловской «Песня, собранная в кулак» — об Эдит Пиаф. Ромм взял книгу и, перелистывая страницы, заметил: «Я, кажется, знал Наталью Кончаловскую.

Правда, было это давно. Но я хорошо помню маленькую трехлетнюю девочку, бойкую, шуструю и играющую почему-то под столом в гостиной».

Потом Ромм написал Кончаловской о своих впечатлениях от ее книги. Ответила Ромму и Наталья Кончаловская:

«Я очень благодарна Вам за великолепную рецензию об Эдит. Редко, когда так точно характеризуется основная задача книги. Но должна Вас огорчить: мы с Вами никогда не встречались. Вы были знакомы с Наташей, дочерью Дмитрия Петровича Кончаловского, моей двоюродной сестрой. Это она была дикой, угловатой девочкой. Я же дочь Петра Кончаловского, внучка Сурикова. Я была толстой, курносой и веселой девочкой. Но все равно мне было бы радостно познакомиться с Вами. Недавно вышла моя новая книга: «Дар бесценный» — о Сурикове. И мне бы очень хотелось, чтобы Вы прочли ее».

Позже я попросил Наталью Кончаловскую прислать мне копию письма Ромма на ее книгу об «Эдит Пиаф». Не прошло и двух недель, как в почтовом ящике меня дожидалось ответное письмо:

«К сожалению, я не могу выполнить Вашу просьбу, поскольку письмо М. Ромма я передала в Париж, моей двоюродной сестре. Для нее это письмо представляло большой интерес. Получить обратно это письмо нет сейчас никакой возможности. Но при случае — я постараюсь Вам помочь».

Однажды ночью я сел в поезд «Алма-Ата – Москва». Свет от боковой лампочки тускло освещал купе. Проход между нижними полками купе, на которых мирно и спокойно спали пассажиры, был заблокирован огромными бухарскими дынями, расточавшими пьянящий, нежный аромат. Верхняя правая полка также была плотно завалена коробками с янтарным виноградом, помидорами «бычье сердце» и краснощежими яблоками. А на столике царствовала жареная курица в окружении малосольных огурчиков, узбекских лепешек и трех бутылок с минеральной водой. Я пристроил свой походный чемоданчик рядом с дверью. И только хотел взобраться на свободную полку, как пассажир вдруг зашевелился, приоткрыл глаза и на мое тихое «извините», позевывая, пробормотал:

— Не стоит, мы люди дорожные, ко всему привыкшие, — и тут же заинтересовался: — Что за станция?

— Чимкент, — тихо ответил я.

— В этом городе умер мой давний приятель...

— И кто? — осторожно спросил я.

— Ромм... Миша...

— Вы знали Ромма? — удивился я.

— Я знал Ромма еще по Москве, до войны...

— А я его здесь хоронил...

Худощавый, невысокого роста пассажир тут же рывком поднялся, пригладил редкие с легкой проседью волосы, поправил помятую пижаму и, выпрямившись как восклицательный знак, протянул руку:

— Алдан-Семенов, писатель.

— Очень приятно, — сказал я и, назвав свое имя, горячо надеялся, что он не спросит, что я читал из его книг, ибо ни одну из них я и в руках-то не держал.

Алдан-Семенов осторожно расталкивает женщину:

— А ну-ка, женушка, вставай, пока Ромма не проспала.

— Какого еще Ромма? — спросила женщина спросонья.

— Мишу. Мишу Ромма.

— Он же умер...

— Он-то умер, а вот друг его — рядом.

И меня тут же завалили вопросами: Как жил? Что писал? Как Евдокия? Здорова ли? Увлечшись воспоминаниями, мы даже не заметили, как пробежало утро, и мы едва не прозевали чай. За завтраком мы быстро разделались с курицей, фаршированной ломтиками великолепной айвы и черносливом. Алдан-Семенов, когда увидел, что я нажимаю на айву, сделал безразличное лицо и пододвинул ко мне целую горку этой вкуснятины, заметив, что он этот фрукт не любит. Я тогда принял это за чистую монету, и скоро от этого дара природы не осталось и воспоминаний.

— Видно, вы в Узбекистане жили, там айву все любят, — заключил писатель, и мы перешли к более «пролетарской» еде — соленым огурчикам и пышным лепешкам.

Потом от души попиwali отменный зеленый чай с горным медом, продолжая вспоминать еще совсем недавнее ушедшее время. Особенно тронул меня рассказ Алдана-Семенова о молодом татарине, которого перевели к ним в барак, а эзковцы почему-то решили, что новенький — стукач. Больно часто в карманах его телогрейки они находили то кусок хлеба, то ломтик сала, то теплые, совсем еще неношенные носки, то майку. Вот и решили: прикончить стукача, когда погонят их на лесоповал. И уже в лесу был устроен перекур в неглубокой яме. Конвоир остался наверху, прислонившись к дереву. Окружив стукача, зеки зажали ему рот и набросили удавку. Алдан-Семенов, как самый грамотный в бригаде, зачитал «приговор». И как только стали затягивать удавку, новичок заорал так, что казалось, деревья вздрогнули. В яму бросился конвоир, едва выдавив из себя: «Сы-н-ок!»

Новичка оставили в лагере. Вот только отец его больше в лагере не появлялся...

...В 1968 году, через год после смерти Ромма, в газете «Известия» были приведены вопросы по спорту, среди которых нужно было назвать... и имя первого радиокомментатора футбольных баталий нашей страны. Я тут же отправил

открытку, где написал, что первым... был Михаил Давидович Ромм. А недели через три получаю письмо из газеты: «К сожалению, редакция такими сведениями не располагает». И подпись: В. Водолажский. Даже обидно стало: ведь тот, кто составлял вопросы, должен был знать имя первого футбольного репортера страны. Сколько я потом не доказывал, что первым был Ромм, а не легендарный Вадим Синявский. А тут, разбирая роммовский архив, я вдруг наткнулся на письмо Владимира Титова, из Калуги: «Я — ровесник Октября. Еще мальчиком я с утра до вечера гонял в футбол. Я мечтал стать большим футболистом. Ваша книга «Футбол» была моей настольной книгой. В юности я часто слышал Ваши первые радиопередачи о футболе: «СССР — Турция», «Москва — Чехословакия». Затем вы затерялись: исчезли из эфира и со страниц спортивных газет и журналов. А футболиста из меня не получилось. В двадцать три года я ушел на войну. Вернулся инвалидом. И теперь по восемь-десять месяцев в году я не встаю с постели. Но это, однако, не мешает мне по-прежнему увлекаться футболом — его историей и статистикой. Я слышал, что Вы написали книгу «Я болею за «Спартак». Ищу ее больше года. Но нигде не могу найти».

И книга «Я болею за «Спартак» ушла в Калугу... И только десять лет спустя, я, наконец-то, с облегчением вздохнул. В еженедельнике «Футбол-Хоккей» Александр Богданов, известный в свое время судья Всесоюзной категории, назовет первую троицу футбольных радиокomentаторов страны: Михаила Ромма, Абрама Зискинда и Михаила Козлова.

Когда родился наш сын, то мой тесть, Яков Григорьевич Вольф, прислал телеграмму из Кокчетова с просьбой назвать его внука Григорием — в честь прадедушки, погибшем в сентябре сорок второго, в Каунасском гетто. Моя жена Циля страшно не хотела это имя и страдала, не зная, как выкрутиться из этого неудобного положения. Но тут Ромм пришел в роддом, встал около открытого окна палаты и начал бубнить, уткнувшись в книгу мужские имена: Ерофей, Евстигней, Ефремий, Евтихий... — все с той же чудной, хитрой улыбочкой. Так он успокоил Цилю, показав, что есть имена namного хуже и некрасивее. Мы потом еще долго вместе с Роммом в шутку называли нашего сына Григория Евтихием.

Как-то к Ромму постучалась чернбровая брюнетка — новенькая медсестричка. Когда в дверях показался хозяин, она спросила, испытывая смущение перед этим высоким стариком, который был не просто больным человеком, а писателем:

— Вы писатель Ромм?

— Нет, я кардинал Ришелье, — прозвучало в ответ.

Девочка оказалась умной и начитанной, не испугалась, а подыграла этому удивительному юмористу.

— Тогда я царица Савская.

— И зачем дряхлеющий кардинал понадобился обладательнице неслетных соковищ?

— Чтобы забить кардиналу гол в его ворота.

— И чем это он вас так разгневал?

— Тем, что вовлек Францию в Тридцатилетнюю войну...

— Видно, сударыня, история ваша слабость. И вы хотите мне, старому кардиналу, забить, простите, гол в ворота? Ну как я могу отказать юной фее, да еще в ранге царицы. Я к вашим услугам, голубушка...

Ромм ходил в гимназию, где учились и сыновья великого русского певца Леонида Собинова. Каждый год, когда его мальчики переходили из класса в класс, Собинов пел для гимназистов бесплатно. И никому из них не надо было подолгу торчать у театральной кассы, отказывать себе в ужине и папиросах, чтобы сколотить деньги на счастливый билет — «на галерку».

Накануне концерта директор гимназии обычно вызывал к себе Ромма и поручал ему подобрать крепких ребят «для личной охраны» Собинова — от его «горячих поклонниц».

Ромм очень гордился, что ему не раз доводилось быть «телохранителем» знаменитого певца, чей чарующий голос он помнил всегда, куда бы его не кидала жизнь.

Помню, как Ромм с улыбкой рассказывал нам о своей мимолетной встрече с Владимиром Маяковским. Оба они влюбились в рыжеволосую гимназистку, из-за которой чуть было не подрались. Спасибо рыжеволосой, она заранее предупредила, что оба они не в ее вкусе. Когда я спросил Ромма, как звали ту гимназистку, он так не вспомнил — «подвел склероз», однако, Маяковского он с тех пор считал трусом, а по его победной улыбке было ясно, что героем в этой истории был, конечно, он сам.

Я знал, что Ромм очень грустил по Москве, куда бы он ни отправлялся корабль его странствий, он всегда возвращался в этот красавец-город, который был для него непреходящей любовью. Даже хорошая квартира в Чимкенте и налаженный быт не могли его удержать: он рвался в Москву...

Осенью 1967 года М. Ромм послал депешу в Москву своему давнишнему другу — писателю Степану Лунину и просил «приютить» его на недельку. Лунин со свойственным ему юмором ответил: «Условия жилищные у меня те же: однокомнатная отдельная квартира, но сами-то мы меняемся, особенно я. До столетия мне еще пятнадцать лет, а я уже того — инвалид: и зрение упало до самой низкой отметки, и сердце дает сбои, если я нарушаю режим, предписываемый строгими врачами, и проклятая гипертония по-прежнему протекает по ежедневному расписанию. Но независимо от того — лечусь я или хожу будто здоровый, душевно рад буду снова повидать Ромма в моей тесной и веселой комнатенке».

Когда писатель Лазарь Лагин узнал, что его старый друг всерьез надумал перебраться в Москву, он тут же написал: «Дорогой Миша! Если бы Вы, однако, хотели моего мнения насчет переезда в Москву, то я бы Вам лично не советовал. В Чимкенте Вы литературная персона, один из немногих литераторов. А в Москве нашего брата хоть пруд пруди. И большинству из них очень трудно по части изданий своих сочинений. И ваш покорный слуга в этом отношении, увы, не представляет исключения...» И еще от Лазаря Лагина: «Ради Бога простите, что задержался с ответом по более или менее основательной причине: лежал, хворал, уложен был врачами по случаю «острого нарушения коронарного кровообращения». Но недельки уже через три передовая врачебная мысль пришла к выводу, что мне все же можно вставать со своего одра и даже отбыть в достославную Малеевку. Там я собираюсь погонять лодыря денька два, а потом примусь за правку моего нового романа «Голубой человек», выход которого ожидается в 1966 году. Буду ждать депешу: «Вылетаю. Встречай!» Не волнуйся. Встречу с «перцовкой», по обычаю русского гостеприимства».

Написал Ромму и Евгений Пиотровский, журналист из Москвы: «Миша, я понимаю тебя и твою тоску по Москве со всем тем, что она дает. Но прежняя Москва, доминирующая в нашем воображении, не похожа на современную Москву, живущую новыми ритмами и темпами. Эти ритмы настолько интенсивны, что пожилому человеку не просто все это вынести, «переварить». Находясь в Москве, ты фактически можешь оказаться за скобками, но, зная твою эрудицию, энергию и упорство, ты, вероятно, освоишь эти темпы, если тебе позволит сердце. Взвесь все, что тебе может дать Москва. Если баланс будет в пользу Москвы, надо действовать и уже сейчас. Объективно ты имеешь все права, чтобы жить в Москве. Одно то, что ты сделал для нашего спорта, уже было бы достаточно, чтобы создать тебе условия для возвращения в Москву...».

Получил Ромм письмо и от Александра Рубайло: «На мой взгляд, Вы уже подняли «коня» еще в Кзыл-Орде, и опустить его следует только в московском квадрате, и это надо сделать скорее. Семьдесят четыре года — это решительно ничего не значит. Пока человек живет, думает, чувствует, действует — какая, в сущности, разница — тридцать или восемьдесят лет ему. Самое скверное в жизни ощущение, когда человек настраивается не на жизнь, а на «доживание». Думаю, что такого состояния у Вас не бывает. Отсюда еще раз — в Москву. Вы москвич по рождению. У Вас право на Москву самое неопровержимое. Что можно возразить человеку, который хочет провести остаток своей жизни в Москве? И кто сможет доказать, что преступная и бесчеловечная акция по отношению к Вам, признанная ныне и оцененная как преступная и бесчеловечная, может существовать в качестве основания для того, чтобы Вы жили в обстоятельствах, внутренне неприемлемых всем Вашим существом? Какая-то дичь и страшная непоследовательность».

Ромм надолго задумался и остался в Чимкенте...

Когда Ромм основательно захандрил, нам стоило немало усилий уложить его в больницу. Он согласился. И пока мы ждали «Скорую», он открыл ящик стола, извлек оттуда несколько писем и попросил, чтобы я прочитал их вслух, а сам уселся в свое любимое кресло, откинувшись на спинку. Ромм слушал меня молча, а я еле сдерживал слезы, понимая, что он мысленно прощался с людьми, которых знал и всегда помнил.

«Дорогой Михаил Давидович! — писал Шимон Маркиш из Москвы. — Ваше почти месячной давности письмо попало мне в руки только сегодня, но отвечать, разумеется, нужно мне, как старшему в семье мужчине. Очень грустно, что наша регулярная переписка стала эпизодической. Зима была полна тяжелых тревог общего характера. Поэтому я не ответил вовремя на Вашего «Спартака». Простите великодушно. Мы все, не исключая мамы и бабушки, прочитали Вашу новую книгу в рукописи. Хотя мы и не болельщики футбола, но книгу читали с увлечением и большим удовольствием. Может быть, отчасти потому, что горячо болели за ее автора и очень его любили, и еще потому, что чисто спортивная стихия подчинена в ней человеческой. Житье наше не переменялось, слава Богу. Разумеется, и мы не стали моложе. Бабуля жалуется на ноги, дядя — на сердце и почки. Но это не беда. Это естественно. Давид учится на высших сценарных курсах. Написал неплохой сценарий о Памире... Привет от всей нашей семьи. Ваш Шимон Маркиш».

И тут Ромм говорит: «Если тебе когда-нибудь повезет встретиться с кем-нибудь из семьи Маркиша, передай им, что я их всегда помнил и очень любил».

Читаю еще одно письмо к Ромму — от Ангелины Галич, жены известного поэта, драматурга и барда Александра Галича: «...Время летит на рысях — его не замечаешь. Ужасно, как мы давно не виделись. Этим летом мы снова были в Малеевке, и я очень часто вспоминала наши с Вами прогулки и чудесные беседы. Помня Ваш лозунг «Красота лечит», я в полной мере пользовалась этим неизменным лекарством и лечилась красотой. Там по-прежнему хорошо и красиво, особенно деревья... У нас за это время было много всякого. Несколько раз болел Саша. Он много работал. Два раза он уже успел побывать в больнице и за границей. «Третья молодость» не принесла ему творческой радости, но зато он три раза по месяцу жил в Париже и там работал. Саша теперь пишет очень много стихов и песен. Дошли ли до Вас его пленки? Их много. Это целый цикл песен, которые он поет под гитару».

Тогда, читая это письмо, я не думал, что очень скоро Шаши не станет и что похоронят его не в стране его чудесных песен («Ой ты северное море», «До свиданья, мама, не горюй, не грусти»), а на чужбине, под Парижем, на кладбище, где на могиле будет выбито: «Блажени изгнани правды ради». И в том же году в парижской квартире задохнется от дыма и его любимая Нюша — Ангелина Галич...

В один из воскресных октябрьских дней 1977 года команда чимкентского «Мелиоратора» принимала у себя на Центральном стадионе звезд большого футбола: Эдуарда Стрельцова, Галимзяна Хусаинова, Александра Пахомова, Геннадия Гусарова, Сергея Рыжкова, Анзора Кавазашвили... И я задолго до конца первого тайма пробрался к запасной площадке москвичей. Спросил начальника команды. Мужчина невысокого роста в модной кожаной тужурке назвал свое имя: «Владимир. Владимир Поляков». Рассказываю Полякову, что здесь, в Чимкенте, на старом городском кладбище, покоится прах известного футболиста Михаила Ромма. Что было бы правильно, если бы его «звездные» ребята побывали на могиле... И слышу в ответ: «Как же, как же, оживился Поляков, правда, видеть Ромма не приходилось, а вот книги его про футбол читали. После матча поговорю с ребятами. И цветы у нас есть. И автобус, так что ждите!»

И я ждал... А в голове все стучало: только бы не отказали... Не отказали...

Как сейчас вижу застенчиво робкого и пополневшего «футбольного патриарха» Эдуарда Стрельцова, обаятельного красавца-вратаря Анзора Кавазашвили, маленького и стремительного книжного эрудита Галимзяна Хусаинова, темпераментного и грозного Геннадия Гусарова, всегда подтянутого и волевого Александра Пахомова, веселого и быстрого Капличного, блестящего нападающего Валентина Иванова... Вижу и себя по-мальчишески счастливым и радостным: ведь я сижу в одном автобусе с прославленными мастерами большого футбола...

По дороге к кладбищу рассказываю, как и почему Ромм оказался далеко от Москвы, как жил и грустил по стадиону, по любимому футболу... Что был он ярким, что от него исходили тонкий интеллигентный юмор, сопровождаемый лукавой улыбкой и при этом совершенно серьезным выражением лица! Что от общения с ним ты становился красивее, духовно богаче, и что это чувство входило в твою жизнь, как само собой разумеющееся, как дыхание, как желание тоже подарить кому-то ощущение радости и тепла. Что именно поэтому мы тянулись к нему, как дети, и всякий раз находили повод для встречи с ним...

Книгу «Я болею за «Спартак» я отдаю в руки легендарных футболистов и прошу их оставить на ней свой автограф. «Звезды» переглянулись, улыбнулись и стали расписываться на той самой странице, где рукой Ромма было написано: «Милому, вдохновенному, пламенному Максусу от старого Ромма».

Потом мы сфотографировались на могиле Ромма, постояли у надгробия, притихшие, взволнованные. Ясный прозрачный день стоял над нами. И деревья, тронутые осенью, неслышно устлали землю золотой листвой...

ОЧЕРКИ

Танхум Авраам Бусин

ТВОРЕНИЕ ВЕЛИКОГО МААРАЛЯ

Согласно преданию, раввин Маараль, подобно мудрецу эпохи Талмуда Рава, во второй половине XVI века в Праге изготовил Голема — как можно сказать сейчас, биоробота. В талмудическом трактате Сангедрин 65 б повествуется о том, как Рава, руководствуясь указаниями «Книги Творения», создал «человека» и продемонстрировал его другим мудрецам. Маараль же использовал своего Голема, которому он дал имя Йоселе, для защиты евреев Праги от нападений и антииудейских преследований (Сарей амеа, 3:12).

Раби Йехуда Лейб (Лива) бен Бецалель (Маараль из Праги; ок. 5272–5369/1512–1609) — выдающийся законоучитель, мыслитель и каббалист; духовный лидер еврейских общин Польши и Богемии. Он был прямым потомком царя Давида. Его же потомками являются р.Шнеур Залман Борухович из Ляд (Алтер Ребе), основатель любавичского хасидизма, и идущая от Алтер Ребе династия Шнеерсонов.

Вообще же Голем — это рукотворное существо, созданное раввинами на основе тайных знаний, для выполнения конкретных задач. Голем Мааралья, в частности, по преданиям, был сделан на берегу Влтавы из глины и соломы, то есть из подручных средств.

Упоминание о Големе не раз встречалось еще в Талмуде. От того, что один раввин послал к другому Голема и вплоть до дискуссии о том, можно ли учитывать Голема в миньяне (ведь, подобно тому, как В-вышний создал первочеловека, человек создал Голема). Естественно, в конечном итоге следовал вывод, что нельзя.

На тему Големов написано множество текстов, снималось кино. Однако истории о нем большею частью были зафиксированы современниками в устных преданиях. Согласно одному из таких преданий, когда жена одного из пражских раввинов попросила Голема принести воды, а сама ненадолго вышла по делам, то, вернувшись, обнаружила в своем доме просто-таки наводнение. И Гolem все продолжал таскать воду в дом. Гolem был устроен таким образом, что он выполнял сугубо конкретные указания, которые нуждались в детализации. В этом смысле он представлял собой что-то вроде современного компьютера. В принципе Големы создавались для выполнения конкретной работы. Гolem Мааралья в первую очередь охранял территорию и делал хозяйственные работы в пражской синагоге. Големы могли обладать невероятной физической силой и выполнять ту или иную прикладную работу в любом объеме.

Некоторые думают, что все, что связано с Големом, не более чем красивая легенда. Но большинство религиозных евреев полагают, что Гolem в действительности существовал, ибо система каббалистических знаний дает возможность его сделать. Понятно, что этими тайными знаниями и сейчас обладает очень ограниченное число людей. (Современная же наука с использованием высоких технологий вплотную подошла к созданию того, что называется биороботами. Но это — особая отдельная тема).

По преданию, на лбу у Голема Мааралья было написано «эмет» («истина»). Когда же Мааралю потребовалось, чтобы Гolem перестал быть «живым», он стер букву алеф, и осталась надпись «мет» («умер»). По другому рассказу, в рот пражского Голема вкладывался некий пергамент с расширенным именем В-вышнего, который систематически извлекался изо рта на время шабата, чтобы Гolem от первой звезды пятницы до первой звезды субботнего дня останавливался.

Есть еще одна из точек зрения на происхождение Голема. В мире существует вид существей, созданных Б-гом — шедим. Они живут в параллельном с нами мире и редко пересекаются с людьми. Как известно, есть четыре энергии — земля, вода, воздух и огонь. Так вот у шедим — только две энергии: воздух и огонь, для материального существования шеду требуется привязка — земля или вода. Отсюда произошли домовые, лешии, водяные... Сказки разных народов не возникали на пустом месте. Наша традиция говорит, что шедим подчиняются раввинскому суду, если чувствуют за ним силу святости. Известно, что Йоэль Баал Шем, последователь Мааралья, при помощи раввинского суда успешно изгнал шедим из одного дома.

По преданию, ночью на берегу Влтавы Голема делали Маараль с двумя учениками (по другому мнению, зятьями), т.е. практически бейс-дин. Так вот Маараль силой своей святости и авторитета заставил служить себе

некоего шеда, дав ему материальную оболочку — вылепленное из глины тело. В результате чего шед начал выполнять приказы Маарала и служить ему, охраняя синагогу. Сохранились свидетельства, что спустя полтора века после смерти Маарала созданный им Голем все еще находился в своей комнатухе на чердачном этаже пражской Альтнойешуль (Старо-Новой синагоги в Праге). Последним, кто видел там Голема, был выдающийся законоучитель раввин Йехезкель Ландо, ставший главным раввином Праги в 5515/1755 году. Он распорядился, чтобы более никто не посещал Йоселе, и дальнейшая судьба Голема малоизвестна (Праким бетолдот Исраэль, ч.2). Впрочем, рассказывают, что то, что осталось от Голема Маарала, до сих пор хранится на чердаке Старо-Новой синагоги в Праге. Каббалистические знания Маараль передал своему ученику р. Элияу Лоанцу из Вормса, прозванному Элияу Баал Шемом.

И до нашего времени посторонние люди, попав на чердак Старо-Новой синагоги в Праге, испытывают чувство животного страха, переходящего в ужас, во всяком случае за две мировые войны и оккупации никто даже не попытался причинить синагоге ущерб, в том числе гитлеровцы. Как видно, некая сущность все еще охраняет эту синагогу.

Существует немало свидетельств, что Маараль был великим знатоком практической каббалы.

Рассказывается, что он обладал исключительным ясновидением. Когда из Британского музея были похищены драгоценные камни с нагрудника первосвященника иерусалимского Храма (эта реликвия была привезена в Лондон из Рима), Маараль, находившийся тогда в Праге, на огромном расстоянии «заметил» пропажу, а затем, не покидая своего города, мистическим воздействием заставил вора вернуть похищенное (Арье шебахохмей).

В Праге Маараль работал над своими первыми книгами. В 5338/1578 году в пражской типографии был напечатан его комментарий на Пятикнижие, названный Гур арье (Львенок): в этой книге подвергнут углубленному анализу классический комментарий РаШи на Тору.

Там же, в Праге, была написана и книга Гвурот Ашем (Свершения Все-вышнего), повествующая об исходе евреев из Египта. Центральная тема книги — осознание роли народа Израиля в истории. Маараль неоднократно упоминает, что евреи «называются сыновьями В-вышнего» и Его «первенцами».

Мысли, изложенные в этой книге — да и во всех последующих — Маараль обильно черпает из источников Каббалы, как правило, он облекает каббалистические идеи в форму философских размышлений и логических построений. Особый раздел книги содержит комментарий

на Пасхальную агаду, а также законы проведения пасхального седера. Впервые книга Гвурот Ашем была издана в 5342/1582 году в Кракове без указания имени автора.

В 5349/1589 году, во время своего второго пребывания в Праге, Маараль работал над комментарием к этическому трактату Авот, входящему в состав Мишны. В этой книге, получившей название Дерех ахаим (Путь жизни), сочетаются подходы философии и каббалы, а также содержится множество наблюдений этического характера.

В третий день месяца адар 5352/1592 года король Богемии Рудольф II пригласил Мааралья на аудиенцию — предполагают, что монарх, увлеченный алхимией и другими оккультными науками, рассчитывал получить от Мааралья ключи к ряду секретов магии. Источники того времени сообщают, что беседа продолжалась полтора часа, и король оказал еврейскому мудрецу особый почет.

Наряду с углубленным постижением письменной и устной Торы Маараль на протяжении всей жизни основательно изучал целый ряд наук: математику, астрономию, естествознание, географию и историю, ибо знал, что «еврею разрешено и даже следует изучать астрономию и другие науки». Не случайно один из ближайших учеников Мааралья — раввин Давид Ганз стал авторитетным историком и выдающимся астрономом.

Александр Рыбалка

ТАЙНЫ ГОЛИАФА

Предисловие. Начало другой истории

Мудрец РаМБаМ (рабби Моше бен Маймон), описывая движение планет, в конце признавался: «Я окончательно запутался».

В самом деле, невозможно объяснить видимое движение планет Солнечной системы, исходя из геоцентрической картины мира.

Противоречия все накапливались и накапливались, пока к XVI веку не стало ясно, что геоцентрическая теория больше не работает. Тогда Коперник и показал, что в центре нашей системы стоит Солнце.

Сегодня та же ситуация сложилась в исторической науке. Прежняя теория: шумеры — египтяне — и т.п. на наших глазах рассыпается в прах. Некогда необъятный земной шар превратился в глобальную деревню, всю излазанную археологами, и все чаще люди задают вопросы:

— Скажите, а кто построил эти мегалиты? А кто возводил пирамиды в Боснии? И почему им 12000 лет — значит, до шумеров была еще какая-то цивилизация? А вот эта гора в Сербии — почему у нее такие ровные грани?

Кто строил Нан-Мадол? Кто строил Йонагуни? Кто возводил Стоунхендж? Плиты Баальбека по 800 тонн — как их воровали? А вон та плита — видите — тысячу тонн весит! И мы сегодня не знаем, как ее поднять! Как это делали примитивные (в технологическом плане) люди две тысячи лет назад?

Таких вопросов уже накопилось очень много. Постепенно люди начинают понимать: старая модель истории больше не работает. Вообще.

Одна из версий, позволяющая объяснить загадки археологии — то, что мы не первая цивилизация, живущая на этой планете.

Об этом писала Блаватская в «Тайной доктрине» (нашу цивилизацию она считала пятой). Уже в наше время об этом писал Фрэнк Рипель, Великий Иерофант устава Мемфис-Мицраим, Император Масонства.

Цивилизацию, предшествующую нашей, они считали цивилизацией гигантов.

В своей новой книге «Тайны Голиафа: гиганты древнего мира» я попробовал посмотреть на ситуацию без всякой мистики и оккультизма, с точки зрения единственно археологии и этнографии.

Что найдено? И где? Как это строили?

А главное — существовали ли великаны? Какие существуют исторические свидетельства об их существовании? Находят ли кости? Куда эти великаны делись?

Я не претендую на роль Коперника истории, который сумеет разрешить эту великую историческую загадку. Но мне хотелось бы подготовить обзор для будущего Коперника, который придет и перевернет историю.

Глава 1. Гиганты среди нас

Большинство образованных людей считают битву Давида с Голиафом аллегорией. Согласно легенде, Давид сумел победить великана из вражеского (филистимлянского) войска и тем обеспечил победу своей армии. Разумеется, великанов быть не может, это все сказки...

Однако так ли велик был Голиаф? Заглянем в ТАНАХ. Вот что говорит нам Книга пророка Шмуэля (Самуила), 1, 17:4:

«И вышел из станов филистимских единоборец по имени Голиаф, из Гата; рост его — шесть локтей с пядью. И шлем медный на голове его, и в кольчугу одет он, и вес этой кольчуги — пять тысяч шекелей меди. И медные щитки на ногах его, и дротик медный за плечами его. И древко копья его, как ткацкий навой, а клинок копья его в 600 шекелей железа. И щитоносец шел перед ним».

Давайте же для начала разберемся в тактико-технических показателях Голиафа.

Для измерения роста древние евреи пользовались так называемым «египетским локтем» — это 48 сантиметров. Пядь — тоже мера известная, примерно 8 сантиметров. То есть общий рост Голиафа — 2 метра 96 сантиметров. Чуть дальше мы поговорим о том, много это или мало.

Каждый шекель, упоминаемый в ТАНАХе — это так называемый «священный шекель», 22 грамма. То есть кольчуга Голиафа весила 110 килограмм.

Хотя не исключено, что в данном случае имелся в виду все же обычный шекель — 11-граммовый. Таким образом, весь кольчуги Голиафа снижается до 55-ти килограмм — думаю, это немногим тяжелее, чем старое водолазное оборудование.

«Клинок», то есть наконечник копья, весил 600 шекелей — то есть 12, 5 килограмм (вполне посылно для подготовленного человека), или же чуть больше шести килограмм, что даже и не слишком тяжело. Скажем, автор этой книги без труда поднял бы такое копьё (хотя сражаться бы им уже не мог).

Меч Голиафа, согласно древним источникам, вначале хранился в Номве, а затем был перенесен в Иерусалим.

Перейдем к росту — является ли он таким уж фантастическим? Скажем, сегодня самым высоким человеком на земле официально является украинец Леонид Стадник. Его рост — 2 метра 57 сантиметров. То есть всего 42 сантиметра Стадник не дотягивает до Голиафа.

Однако и Стадник еще не предел. Документально установлено: самым высоким человеком, жившим в наше время, был Роберт Першинг Уодлоу. Он родился в 1918 году в Олтоне, штат Иллинойс, США. Рост Уодлоу достигал 2 метра 72 сантиметра. Кстати, размах его рук доходил до 288 см, а вес — до 223 кг.

Итак, американец Уодлоу отставал от Голиафа всего на 24 см. Разница совсем уже небольшая.

Думаю, если мой среднестатистический читатель среднего роста, то ему неоднократно приходилось встречать людей, выше его на 24 см, и даже больше. То есть Уодлоу не так уж сильно удивился бы, встретив Голиафа.

В наше время о терском казаке Тимофее Бакулине говорили, что его рост составлял почти три метра. (Правда, некоторые свидетели утверждают, что рост Бакулина не превышал двух с половиной метров).

В середине пятидесятих годов прошлого века, согласно воспоминаниям, возле города Избербаш (Новый городок) в Дагестане проживали на пирсе возле маяка отец и сын почти трехметрового роста. Причиной удивления от обычных людей был не огромный рост двух мужчин, а необычный вид младшего, который был весь покрыт волосами. В народе этого парня называли «каптар», то есть, снежный человек.

В горах Дагестана был один аул, в котором жили люди ростом больше двух метров. Однако в конце пятидесятих годов прошлого века в горах Дагестана было сильное землетрясение, которое похоронило в ущелье аул с высокими людьми. В народе говорят, что один из высоких людей с погибшего аула остался жив. Трехметрового мужчину часто видели высоко в горах Дагестана с отарой овец. Дальнейшая судьба великана неизвестна.

Но это уже легенды (ни в коем случае не хочу порочить людей, представивших эти сведения, однако научных наблюдений они не делали).

В памяти предыдущих поколений оставался еще один гигант — Федор Махнов.

Согласно «Книге рекордов России», самым высоким в мировой истории человеком был российский гражданин Федор Махнов! Его рост был 2 метра 85 сантиметров (при весе в 182 килограмма). Корреспондент журнала «7 дней» сообщает, что он лично видел могилу нашего героя — на железнодорожной станции Старое Село, что под Витебском. Сегодня великана называют в газетах то Мах-

нов, то Махно. Однако текст на тронутом временем обелиске гласил: «Федор Андреевич Махновъ. Родился 6 июня 1878 года. Умер 28 августа 1912 года. Самый высокий человек в мире. Ростом был 3 аршина 9 вершков». Умер он на 35-м году жизни. Указанного на могиле роста, соответствующего по современным меркам 254 сантиметрам, он был в юношеском возрасте, но, по многочисленным свидетельствам, после того значительно подрос. Родился Федор Махнов в крестьянской семье на хуторе неподалеку от деревни Костюки. И сегодня местные жители могут указать место, где он появился на свет, прозванное Великановым хутором. Дарования удивительного ребенка проявились рано. В 8 лет малыш мог поднять взрослого, отец научил его игре на гармошке. В 12-летнем возрасте он «взял планку» в 2 метра. Спать мог при этом более 24-и часов подряд. Сапожник из расположенной неподалеку деревни Язвино Василий Орлов оставил свидетельство длины ступни великана: 51 сантиметр. Ладонь была 31 см. Федор Махнов гнул подковы, однажды один поднял крышу хаты. Его братья Степан и Николай ростом были чуть выше среднего. Силовые таланты развил в цирке, где крутил спирали из железных прутьев, а затем выпрямлял их, ударом кулака разбивал кирпич, лежа поднимал деревянную платформу, на которой играл оркестр. Занимался и борьбой. В Витебском областном краеведческом музее хранятся материалы, рассказывающие о том, как Федор Махнов попал в цирк, и о его гастролях по Европе и США. Он подписал контракт с антрепренером Робертом Куком (а по другой версии, предложение покорить Европу Федору сделал местный помещик Бронислав Корженевский) и пустился по миру. Журнал же «Природа и люди» за 1903 г. поместил о нем такую заметку:

«Самый высокий человек в мире.

Им единогласно признается теперь русский великан Феодор Махнов. В настоящее время он прибыл со своим импресарио в Берлин, где и показывается в паноптикуме. В Берлинском антропологическом музее Махнов был тщательно измерен и взвешен, и ему выдали документ следующего содержания: «Феодор Махнов, родившийся в России, в местечке Кустяки Витебской губ., имеет в высоту 238 сант. [скорее всего, опечатка, по другим свидетельствам — выше 280-и см] и принадлежит к числу самых высоких великанов, которые когда-либо существовали на земном шаре. Во многих отношениях он представляет высокий интерес для науки». И действительно, все великаны, показывавшиеся до сих пор в Европе, были в большинстве случаев на 12-15 сант. ниже Махнова. Феодор Махнов происходит из древнего рода, предки которого переселились в Россию с юга, из Сирии. Родители Махнова, а также две сестры его отличаются вполне нормальным ростом; дед его был очень высок, но, во всяком слу-

чае, не великан. Феодору Махнову в настоящее время всего 22 г. Чтобы дать хотя бы некоторое представление о размерах его тела, скажем, что сапог его, едва доходящий великану до колена, достигает до груди нормального человека, а 12-летний мальчик мог бы с головой уместиться в нем. Импресарио выплачивает Махнову 5000 руб. ежегодно и, кроме того, содержит на свой счет. Только такую огромную сумму денег удалось импресарио склонить великана показываться в паноптикумах, так как Махнов, человек интеллигентный и не нуждающийся, долгое время отказывался от подобной чести». Когда гигант приехал на гастроли в Санкт-Петербург, столичные репортеры выяснили, как он питается. Утром он выпивал около двух бутылок молока или чаю, съедая при этом полтора десятка яиц, сваренных вкрутую, и 6-8 кусков хлеба. В полдень ему подавали килограмм жареного мяса, больше килограмма картофеля, кило хлеба и бутылку пива. В обед обходился несколькими тарелками мясного супа и двумя бутылками пива. На ужин Федя съедал от 10 до 15-и яиц и несколько ломтей хлеба. Однако антрепренер, наживаясь на нем, кормил его плохо, ему досаждали тяготы кочевой жизни. Крестьянскому сыну все это оказалось не по нраву, и он вернулся на свою родную станцию Старое Село. На заработанные деньги построил хуторское хозяйство. Новое место жительства народ называл Великановым хутором. Дом Федора до наших времен не сохранился — разрушен во время войны. Но сельчане и по сей день называют это место Великаным. Здесь они с женой, учительницей Ефросиньей Лебедевой, которая была ниже его на 70 сантиметров, произвели на свет пятеро детей. Все отличались высоким ростом, но никто выше 2-х метров не был. Простудившись при очистке русла здешней реки Зароновки, Федор Махнов страдал от болезни ног. Умер, как полагают, от заболевания легких. Но поговаривали, что был отравлен соперниками по борцовскому ковру. В журнале «Русский спорт» появился некролог, извещавший об этом прискорбном событии. Один из сыновей Махнова, Радимир, или, как его еще называли, Родион, учился в Минском медицинском институте. Однажды на лекции услышал упоминание о его феноменальном отце. Назвал себя. Ученые заинтересовались и передали через Радимира предложение вдове продать уникальный скелет. За него было предложено 5 тысяч рублей, а в те годы это была солидная сумма. Буханка хлеба, к примеру, стоила тогда 14-20 копеек. Через 27 лет после захоронения косточки из-под памятника «Самый большой человек в мире» извлекли, сложили в ящик и увезли ученые. Гроб же и памятник вернули на прежнее место. Внук великана Евгений Николаевич до сих пор хранит память о предке: открытки, фотографии, вырезки из газет.... Именно со слов внука существует версия и о том, что Федор, переселившись на хутор, не оставил

выступления в цирке. Он частенько ездил в Германию вместе с семьей. Рост Федора Махнова, равный 285-и сантиметрам, обозначили журнал «Научные данные и жизнь» за 1970 год, французский биолог Ж. Ростан в своей книге «Жизнь» и даже писатель-фантаст Александр Беляев в повести «Остров погибших кораблей».

Тут я хотел бы обратить внимание читателей на важный факт — предки Махнова были родом из Сирии. То есть, скорее всего, со Святой земли и ее окрестностей, оттуда же, где жил Голиаф.

Большая советская энциклопедия говорит, что самый высокий человек, описанный в литературе, достигал 320 сантиметров. Правда, ссылки не дает, но поверим серьезному изданию. Так что этот человек при встрече с Голиафом мог бы натягивать ему кепку на нос, и говорить: «Эх ты, пацан...»

Добавлю еще несколько фактов, приводимых сайтом «Самые высокие люди». Факты эти непроверенные, но мы уже видели, что вряд ли стоит считать их чересчур фантастическими:

В 1961 году в Турции был замечен крестьянин Гузкан. Его рост — 2,95 метра! Передвигался он очень быстро, делая каждый шаг около 2-х метров. При необходимости он за один час проходил расстояние около 10 километров.

Самым настоящим человеком-горой был римский император Максим. Его рост составлял более двух метров сорока сантиметров. Также и черты лица императора чрезвычайно выделялись размерами вследствие редкой болезни акромегалии.

Максим, начинавший пастухом, стал императором и развлекался, состязаясь в силе с двумя тучными борцами одновременно. А в исторических хрониках XII века говорится, что ко двору шотландского короля Евгения якобы привели местного великана ростом 3 метра 50 сантиметров. Родившийся в Ирландии в 1761 году Чарльз О'Брайен был одним из известнейших великанов Европы. К 17-ти годам его рост составил 2 метра 54 сантиметра и перестал увеличиваться. Скелет прославленного гиганта выставлен сегодня в музее Королевского колледжа хирургии в Дублине.

«Великаны при патологическом росте отличаются слабым здоровьем, до старости доживают редко, психика их нередко приближается к детской, половое влечение отсутствует или снижено: внешне — удлинение конечностей, особенно нижних; голова кажется необычайно маленькой. Бывает парциальный (частичный) гигантизм, характеризующийся увеличением части (например, стоп) или половины тела. Лечение: рентгено- и гормонотерапия, иногда хирургическое», — вот так описывает великанов БСЭ. Надо сказать, что наиболее радикальное хирургическое вмешательство произвел царь Давид, отрезав Голиафу голову. С тех пор этот метод лечения гигантизма осужден как чересчур радикальный.

«Джентилаки (от латинского *gentilis*, «благородные») — гиганты из мифологии басков, ныне живущих в Испании и Франции. Джентилаки были так велики, что вброд переходили море и со скуки перекидывались массивными скалами. У басков есть старинная игра с мячом — пелота. Ее иногда связывают с «каменной» забавой джентилаков. Великаны были очень умны — они открыли выплавку металла, изобрели хозяйственные инструменты, научились выращивать злаки. Они исчезли (возможно, ушли под землю или бросились со скалы), когда в небе появилось светящееся облако, по другой версии — звезда, предвещавшая рождение Христа. На территории земель басков имеется несколько неолитических сооружений, пещер и холмов, которые якобы созданы джентилаками. По легенде, Олентзеро был единственным джентилаком, который решил не уходить из этого мира, а уверовать в Иисуса. Но его представления о христианстве имели свою специфику. В ночь под Рождество он пришел в деревню к людям и перерезал глотки всем, кто, по его мнению, слишком много ел (то есть предавался греху чревоугодия) в ту ночь, когда родился Иисус. В дальнейшем эта мрачная легенда трансформировалась, и Олентзеро стал для басков чем-то вроде Деда Мороза.

Глава 2. Гиганты древнего мира

Итак, мы видели, что гиганты жили (и живут) прямо среди нас. А откуда они появились?

«И сказал Господь Моисею, говоря: пошли от себя людей, чтобы они высмотрели землю Ханаанскую, которую Я даю сынам Израилевым; по одному человеку от колена отцов их пошлите, главных из них» (Числ. 13:3). Прошло сорок дней и разведчики вернулись в стан, рассказав об увиденном: «И рассказывали ему и говорили: мы ходили в землю, в которую ты посылал нас; в ней подлинно течет молоко и мед, и вот плоды ее; но народ, живущий на земле той, силен, и города укрепленные, весьма большие, и сынов Енаковых мы видели там... И распускали худую молву о земле, которую они осматривали, между сынами Израилевыми, говоря: земля, которую проходили мы для осмотра, есть земля, поедающая живущих на ней, и весь народ, который видели мы среди ее, люди великорослые; там видели мы и исполинов, сынов Енаковых, от исполинского рода; и мы были в глазах наших пред ними, как саранча, такими же были мы и в глазах их» (Числ. 13:28-29, 33-34). Пятая книга Моисея сообщает, что израильтяне сохранили железную кровать (одр) последнего рефаимского царя. Длина ложа — «девять локтей мужеских» (Втор., 3: 11). Рефаимы (ивр. רפאים) народ великанов. А девять локтей — это 4,5 м. Звали царя Огом Вассанским.

А вот что пишет о «ложе царя Ога» естественнонаучный комментарий «Свет Торы», составленный в начале XX века доктором Иегошуа Штейбнергером: «Кровать (ложе) Ога сохранена была в столице Аммонитян как один из трофеев в память победы, одержанной над столь редким исполином. Некоторые предполагают под словом «арес» (ложе) саркофаг, приготовленный Огом для себя по обычаю царей ханаанских. Ученые исследователи (Зеетцен, Буркхардт, Букингам) открыли там же немало таких железных саркофагов огромного размера». Правда, не указано, были ли в саркофагах кости.

О гигантах писали многие древние историки, которым мы сегодня привыкли доверять.

Итак:

«Отец истории» грек Геродот (V в. до н.э.) рассказывает о нескольких находках огромных человеческих скелетов. Так, кузнец из Тегеи, роя колодезь, обнаружил останки гигантского человека. Рост его превышал 2,5 м. В одном из найденных скелетов (3,5 м ростом) жители Спарты признали героя-великана Ореста и носили его с собой в военные походы вместо знамени. Римский историк Иосиф Флавий (I в. н.э.) описывал внешность гигантов так: «Их тела были огромны, а лица настолько отличались от обычных человеческих лиц, что видеть их было удивительно, а слышать, как они говорят, страшно». Павсаний (II в. н.э.) свидетельствует, что на дне реки Сронт в Сирии был обнаружен хорошо сохранившийся скелет человека, ростом достигавшего 5,5 м. Также Павсаний писал в своем «Описании Эллады»:

«Жители Саламина рассказывают, что когда умер Аякс, то в их стране впервые появился цветок, белый с красноватым оттенком; и сам он и его листья немного меньше лилии; и на нем видны те же буквы, как на гиацинте. А относительно присуждения оружия я слышал такой рассказ от эолийцев, заселивших впоследствии Илион: по их словам, когда Одиссей потерпел кораблекрушение, то оружие <Ахиллеса> было выброшено на могилу Аякса. А относительно его огромного роста один мисиец мне рассказывал вот что. Он говорил, что море размыло его могилу, находившуюся у берега, и сделало нетрудным вход в этот могильный памятник, и об огромности трупа он мне велел судить вот из чего: коленные кости (чашки) — врачи называют их «мюлами», мельницами — у него были такой же величины, как диск, который употребляют мальчики при пентатле. Лично я несколько не удивляюсь огромному росту кельтов, живущих на самом краю по соседству с пустыней — такова она вследствие холода — и называемых кабареями; они ни в чем не отличаются от трупов египтян. А в Милете перед городом есть остров Лада; от него отделяются другие маленькие островки; один из них называют Астерием и рассказывают, что на нем был похоронен Астерий, а Астерий был сыном Анакта, Анакт

же сыном Земли; его труп имеет не меньше десяти локтей в длину». Обратите внимание — тут мы с вами опять заговорили о Сирии. Из Сирии же были предки Федора Махнова, а где-то рядом жил Голиаф.

В древних источниках содержится упоминание и о другом великане — Оресте. Греки, снимавшие с него мерку для похорон, говорят, что он был несколько выше трех метров и очень тучным.

Утверждается также, что в царствование императора Августа рабы, трудившиеся в садах Саллюстия, наткнулись на две огромные могилы, вырубленные в скале и тщательно замаскированные. При осмотре установили, что в них находились останки великанов, охранявших эти сады, Скундиллы и Позлио, рост которых достигал почти трех метров. Их широко известная жестокость и огромные размеры производили устрашающее впечатление на воров и нарушителей, заставляя тех держаться на расстоянии. Когда они умерли, тела их спрятали, а о смерти ничего не говорилось. Таким образом, репутация великанов еще долго служила хозяину садов.

Согласно Иосифу Флавию, среди заложников, присланных персидским царем в Рим, был Елеазар, иудейский великан, свыше 3 метров 30 сантиметров ростом. Он не отличался ни особой физической силой, ни весом, однако за столом был незаурядным едоком. Римляне выставляли его против известных своим аппетитом, и Елеазар всегда побеждал в этих соревнованиях, не обманывая ожиданий тех, кто делал на него ставку.

Пожалуй, самый популярный и научно признанный случай — это «яванский гигант», обнаруженный на юге Китая и древность которого составляет около 300 тысяч лет. В южной части этого же государства были найдены останки человека, являвшегося обладателем шести пальцев на каждой конечности. В отрывке из Библии повествуется: «Было еще сражение в Гате. Там был один рослый человек, у которого было по шести пальцев, [всего] двадцать четыре. И он также был из потомков Рефаимов» (2-я Царств 21:20; 1-я Паралипоменон 20:6). Другие факты, которые мы можем упомянуть: могилы в Шенини (Тунис), где покоятся останки трехметровых существ; склеп в г. Бредфорд (США), обнаруженный в 1880 г., где сложены скелеты ростом более 2 метров со странными выпуклостями в форме рогов, выступающих над надбровными дугами; окаменелые следы, относящиеся к меловому периоду, в Глен Роуз (штат Техас), размерами 54,61 на 13,97 сантиметров, и которые, что не менее удивительно, расположены рядом со следами бронтозавра; молодые гиганты из Ликсуса, чей рост в среднем в 11 лет был около 2 метров 20 сантиметров; и, наконец, костные останки в Гаросе, в горной системе Урбаса, в Кастилии, Мединасели, Леоне, Кантабрии и других местах (все — Испания). Согласно документам, скелет самого большого гиганта, найденно-

го на текущий момент, имеет рост 5,18 метров, и выкопан он был в 1956 г. в Кагаяне, что на Филиппинах. Каждый из его передних зубов был шириной 5 и длиной 15 сантиметров. По оценкам ученых, при жизни этот человек мог иметь рост 5,40 метров. Однако биологические останки — это еще не все. Некоторые исследователи наткнулись на немислимых размеров орудия. В 6-ти километрах от Сафиты (Сирия) археологи нашли ручные топоры весом 3,8 кг. В Марокко обнаружены наконечники размерами 32 x 22 см и весом 4,2 кг, а также обоюдоострые топоры, которые весят 8 кг. Ввиду размеров этих орудий, с ними могли бы ловко обращаться только существа огромного роста.

Исторические хроники XIX века часто сообщают о находках в разных уголках земного шара скелетов людей аномально высокого роста. В 1821 году в США в штате Теннесси нашли развалины древней каменной стены, а под ней два человеческих скелета ростом 215 сантиметров. В Висконсине во время строительства зернохранилища в 1879 году были найдены огромные позвонки и кости черепа «невероятной толщины и размера», как свидетельствует заметка в газете. В 1883 году в штате Юта было обнаружено несколько могильных холмов, в которых находились захоронения людей очень высокого роста — 195 сантиметров, что по крайней мере на 30 сантиметров выше среднего роста индейцев-аборигенов. Последние не делали этих захоронений и не могли сообщить никакой информации о них. В 1885 году в Гастервилле (Пенсильвания) в большом могильном холме был обнаружен каменный склеп, в котором находился скелет высотой 215 сантиметров. На стенах склепа были вырезаны примитивные изображения людей, птиц и животных. В 1899 году шахтеры Рурской области в Германии обнаружили окаменелые скелеты людей ростом от 210 до 240 сантиметров. В 1890 году в Египте археологи нашли каменный саркофаг с глиняным гробом внутри, в котором находились мумии двухметровой рыжеволосой женщины и младенца. Чертами лица и сложением мумии резко отличались от древних египтян. Похожие мумии мужчины и женщины с ржыми волосами были обнаружены в 1912 году в Ловлоке (Невада) в пещере, вырубленной в скале. Рост мумифицированной женщины при жизни составлял два метра, а мужчины — около трех метров. В 1930 году вблизи Басарста в Австралии старатели на разработках яшмы часто находили окаменелые отпечатки огромных человеческих ног. Расу гигантских людей, останки которых были найдены в Австралии, антропологи называли мегантропусами. Рост этих людей составлял от 210 до 365 сантиметров. Мегантропусы схожи с гигантопитеками, останки которых обнаружены в Китае. Судя по найденным фрагментам

челюстей и множеству зубов, рост китайских гигантов составлял от 3 до 3,5 метра, а вес 400 килограммов. Вблизи Басарста в речных отложениях имелись каменные артефакты огромного веса и размера — дубинки, струги, стамески, ножи и топоры. Современный *Homo sapiens* вряд ли смог бы работать инструментами весом от 4 до 9 килограммов. Антропологическая экспедиция, специально исследовавшая этот район в 1985 году на предмет наличия останков мегантропусов, проводила раскопки на глубине до трех метров от поверхности земли. Австралийские исследователи нашли помимо прочего окаменевший коренной зуб высотой 67 и шириной 42 миллиметра. Владелец зуба должен был иметь рост по крайней мере 7,5 метра и вес 370 килограммов! Углеродный анализ определил возраст находок, составивший девять миллионов лет. В 1971 году в Квинсленде фермер Стивен Волкер, вспахивая свое поле, наткнулся на большой фрагмент челюсти с зубами высотой пять сантиметров. В 1979 году в Мегалонг Вэлли в Голубых горах местные жители нашли огромный торчащий над поверхностью ручья камень, на котором виднелся отпечаток части огромной стопы с пятью пальцами. Поперечный размер пальцев составлял 17 сантиметров. Если бы отпечаток сохранился полностью, то имел бы 60-сантиметровую длину. Отсюда следует, что отпечаток оставил человек шестиметрового роста. Вблизи Малгоа были найдены три огромных отпечатка стопы 60 сантиметров длиной, 17 — шириной. Длина шага великана измерялась 130 сантиметрами. Следы сохранялись в окаменевшей лаве на протяжении миллионов лет еще до того, как на австралийском континенте появился *Homo sapiens* (если считать верной теорию эволюции). Огромные следы находятся также в известняковом русле реки Верхний Маклей. Отпечатки пальцев этих следов имеют длину 10, а ширина стопы составляет 25 сантиметров. Очевидно, аборигены Австралии не были первыми жителями континента. Интересно, что в их фольклоре есть легенды о людях-гигантах, обитавших когда-то на этих территориях. В одной из старинных книг, озаглавленной «История и античность», хранящейся ныне в библиотеке Оксфордского университета, есть отчет о находке гигантского скелета, сделанной в средние века в Камберленде. «Гигант зарыт в землю на глубину четырех ярдов и находится в полном военном облачении. Его меч и боевой топор покоятся рядом с ним. Длина скелета 4,5 ярда (4 метра), а зубы «большого человека» измеряются 6,5 дюйма (17 сантиметров)» В 1877 году недалеко от Евреки в Неваде старатели работали на промывке золота в пустынном холмистом районе. Один из рабочих случайно заметил что-то торчащее над уступом утеса. Люди влезли на скалу

и с удивлением обнаружили человеческие кости стопы и голени вместе с коленной чашечкой. Кость была замурована в скалу, и старатели кирками освободили ее от породы. Оценив необычность находки, рабочие доставили ее в Евреку. Камень, в который был вмурован остаток ноги, представлял собой кварцит, а сами кости почернели, что выдавало их солидный возраст. Нога была сломана выше колена и представляла собой коленный сустав и целиком сохранившиеся кости голени и стопы. Несколько врачей осмотрели кости и пришли к выводу, что нога несомненно принадлежала человеку. Но самый интригующий аспект находки представлял размер ноги — 97 сантиметров от колена до стопы. Владелец этой конечности при жизни имел рост 3 метра 60 сантиметров. Еще более загадочным оказался возраст кварцита, в котором нашли окаменелость — 185 миллионов лет, эра динозавров. Местные газеты наперебой сообщали о сенсации. Один из музеев послал исследователей к месту находки в надежде найти остальные части скелета. Но, к сожалению, ничего больше не было обнаружено. В 1936 году немецкий палеонтолог и антрополог Ларсон Коль нашел скелеты гигантских людей на берегу озера Элайзи в Центральной Африке. 12 мужчин, захороненных в братской могиле, имели при жизни рост от 350 до 375 сантиметров. Любопытно, что их черепа имели скошенные подбородки и по два ряда верхних и нижних зубов. Есть свидетельства, что в период Второй мировой войны на территории Польши во время захоронения расстрелянных был найден окаменелый череп высотой 55 сантиметров, то есть почти в три раза больше, чем у современного взрослого человека. Гигант, которому принадлежал череп, имел очень пропорциональные черты и рост не менее 3,5 метра. Иван Т. Сандерсон, известный зоолог и частый гость популярного в 1960-х годах американского шоу «Сегодня вечером», однажды поделился с публикой любопытной историей о полученном им от некоего Алана Макшира письме. Автор письма в 1950 году работал бульдозеристом на строительстве дороги на Аляске и сообщал, что рабочие обнаружили в одном из могильных холмов два огромных окаменелых черепа, позвонки и кости ног. Высота черепов достигала 58 см, а ширина 30 сантиметров. Древние гиганты располагали двойным рядом зубов и непропорционально плоскими головами. В каждом черепе в верхней части находилось аккуратное круглое отверстие. Следует отметить, что обычай деформировать черепа младенцев, чтобы заставить головы по мере роста приобретать удлиненную форму, существовал у некоторых индейских племен Северной Америки. Позвонки, так же как и черепа, имели размер в три раза больший, чем у современного

человека. Длина костей голени составляла от 150 до 180 сантиметров. В Южной Африке на алмазных разработках в 1950 году был обнаружен фрагмент огромного черепа высотой 45 сантиметров. Выше надбровных дуг находились два странных выступа, напоминающие маленькие рога. Антропологи, в руки которых попала находка, определили возраст черепа — около девяти миллионов лет. Существуют не вполне достоверные свидетельства о находках огромных черепов в Юго-Восточной Азии и на островах Океании.

ПУБЛИЦИСТИКА

Анатолий Кочанов

ВСЕ-ТАКИ В ДЕМОГРАФИИ ГЛАВНОЕ — ЗДОРОВЬЕ

Наметившаяся в 2000-е годы благоприятная динамика в демографии страны — рост рождаемости, снижение смертности и повышение продолжительности жизни — исчерпает себя в ближайшие годы. Ученые и вслед за ними политическое руководство РФ все чаще в связи с этим бьют тревогу.

Провал в рождаемости в России в конце 1980-х и в 1990-е годы — конкретный источник негативной тенденции, которая возвращается со вступлением «малорожденного» поколения в детородный возраст. При сохранении существующих обстоятельств к 2030 году население РФ может уменьшиться до 130-и миллионов, а к 2060 году до 100 миллионов человек. При усугублении пессимистического сценария к 2030 году будет всего 120 миллионов жителей России, а к 2060 году в стране останется 70 миллионов человек.

По данным одного из обстоятельных документов последнего времени — доклада «Через десять лет будет поздно? Демографическая политика Российской Федерации: вызовы и сценарии», стране нужна новая политика в сохранении народонаселения, связанная не только с социальной поддержкой и стандартными полумерами, вызванными кризисом численности населения.

Несмотря на улучшение демографической ситуации (повышение рождаемости и снижение смертности), наблюдаемое в последние годы в значительной степени благодаря успешной реализации мер социальной политики, Россия стоит на пороге новых масштабных демографических угроз,

как отметили в названном докладе Дарья Халтурина и Евгений Юрьев из Института научно-общественной экспертизы. Исследование было проведено совместно с Международной лабораторией политической демографии и макросоциологической динамики РАНХиГС и рабочей группой «Семейная политика и детство» Экспертного совета при Правительстве РФ.

Во-первых, в ближайшие годы страна вновь столкнется с последствиями катастрофического спада рождаемости конца 1980-х — начала 1990-х годов, и уже через десять лет численность женщин в активном репродуктивном возрасте 20–29-и лет, на которых приходится почти 2/3 рождений, сократится почти вдвое. Это неминуемо приведет к сокращению числа рождений. Несмотря на рост суммарного коэффициента рождаемости до 1,7 ребенка на женщину, он остается ниже уровня воспроизводства.

Во-вторых, российский уровень смертности остается весьма высоким по мировым меркам. Причем проблема тут, исходя из доклада, не столько в возрастной структуре или старении населения, сколько, в первую очередь, в сверхсмертности мужчин трудоспособного возраста. Разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин составляет сегодня в РФ 12 лет. Россия занимает 22-е место в мире по уровню общего коэффициента смертности, который в 2012 году составил 13,5%, что выше, чем в Мали, Бурунди и Камеруне.

К тому же соотношение трудоспособного населения и пенсионеров с 2,8:1 в настоящее время снизится к 2030 году к 2:1 (по расчетам Росстата), а к 2060 году до 1,6:1, что приведет к повышению нагрузки на бюджет, работодателей и самих работников.

Надежды на миграцию также не оправдываются. Так в том же докладе приведены данные по спаду рождаемости в Средней Азии, главном источнике мигрантов в последние годы. В Узбекистане, самой многочисленной стране региона, по официальным данным, рождаемость после стремительного роста в начале 2000-х годов, с 2009 года по 2012 год, снизилась почти на 4,5%. Сократилось и число детей на одну женщину.

Главные резервы сохранения населения страны, прежде всего, связаны с повышением качества здравоохранения и снижением смертности. В частности, младенческой. По данным Росстата на 2012 год, младенческая смертность в России составляет 8,6 на 1000 родившихся. Только снизив показатель до уровня Литвы и Польши — соответственно 4,9 и 5,6, не говоря уже об Эстонии — 3,5, РФ ежегодно сохранит 60 000–80 000 человек.

Другая проблема — снижение числа аборт. В 2012 году их было в России 1,1 млн.

В значительной степени к сохранению населения может привести качественная профилактика сердечных заболеваний, смертность от которых в РФ в 2–3 раза выше, чем в большинстве стран Европы.

Следующая задача — снижение доступа к крепкому алкоголю и сокращение числа жертв дорожно-транспортных происшествий. Эти факторы еще и отдельно способствуют повышенной смертности мужчин трудоспособного возраста в России.

Комплексное решение названных проблем позволило бы не упасть численности РФ ниже отметки в 130 миллионов человек к 2060 году.

Для реализации же программ необходимо приблизить финансирование здравоохранения к уровню бывших социалистических стран. В 2013 году расходы на медицину составили у нас 3.6% ВВП. К 2016 году их планируется снизить до 3.2%. Так, в Польше эти расходы составляют 4,7%, в Чехии 5.7%.

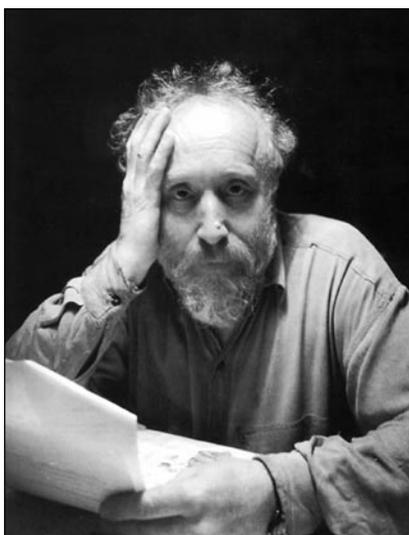
Однако вопрос не только в количестве потраченных денег, но и в качестве работы госучреждений. Потребуется перераспределение расходов бюджета и необходимость пересмотра приоритетов развития страны.

И в дополнение. В январе 2014 года в Москве тысячи людей стояли в многочасовой очереди для поклонения святыням, именуемым «Дары Волхвов», чтобы испросить рождения детей и здоровья себе и близким. Едва ли все из них — верующие, но люди мало доверяют медицине, и поэтому им остается надеяться только на святыни.

ЭССЕ

Ольга Потемкина

ЛЕГЕНДА КИНО: ЮРИЙ НОРШТЕЙН

Юрий Борисович Норштейн — легенда отечественного кино. Его фильмы стали дороги многим зрителям: «Лиса и заяц», «Цапля и журавль», «Ежик в тумане», «Сказка сказок»... Работы Ю. Норштейна отмечены более чем 30-ю отечественными и международными премиями. В 1984 году в Лос-Анджелесе по результатам международного опроса, проведенного Академией киноискусства совместно с АСИФА-Голливуд, фильм «Сказка сказок» был признан лучшим фильмом всех времен и народов. В 2003 году в Токио лучшим фильмом всех времен и стран был признан «Ежик в тумане» (вторым лучшим названа «Сказка сказок»).

Юрий Норштейн — режиссер, сценарист, продюсер, актер и писатель. Он — Народный артист РФ (1996), лауреат Государственной премии СССР (1979). Родился в начале войны — 15 сентября 1941 года в селе Андреевка Каменского района Пензенской области, где его мать находилась в эвакуации, а отец Борис Лейбович Норштейн был на фронте. До войны отец работал наладчиком деревообрабатывающих станков, мама Бася Гиршевна Кричевская — воспитательницей в детском саду. В 1943 году с матерью и старшим братом они вернулись в Москву. «По рассказам, отец был интересной личностью, — говорит Норштейн. — Не получив образования, знал высшую математику, обладал абсолютным слухом и незаурядной музыкальной памятью. Свистел наизусть Вагнера и Шуберта. Думаю, что мой старший брат Гарик, учившийся музыке и впоследствии ставший скрипичным реставратором, унаследовал навыки мастерового от отца».

С самого детства Юрий неравнодушно относился к искусству, посещал занятия по изобразительному искусству в студии Дома пионеров. В 1958 году, закончив столичную школу № 606, поступил в Детскую художественную школу Краснопресненского района Москвы, в которой учились знаменитые режиссеры и художники Г. Новожилов («Похождения Чичикова»), В. Попов («Каникулы в Простоквашине»), В. Караваев («Возвращение блудного попугая»), Э. Назаров («Жил-был пес») и супруга Ю. Ноштейна — Ф. Ярбусова. По окончании художественной школы работал на мебельной фабрике столяром и сам может смастерить мебель для квартиры.

У Юрия Норштейна двое взрослых детей (сын Борис и дочь Екатерина), а также восемь внуков.

Профессия — режиссер. Начало

По окончании курсов мультипликаторов с 1961 года Ю. Норштейн работал на киностудии «Союзмультфильм». В то время на киностудии работал один из самых известных режиссеров И.П. Иванов-Вано, человек с удивительно добрым лицом. А его фильмы «Левша», «Приключения Буратино», «Конек-Горбунок», «Гуси-лебеди», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Снегурочка», «Двенадцать месяцев» и многие другие фильмы мы с любовью смотрим до сих пор.

Совместный мультфильм Ю. Норштейна и В.П. Иванова-Вано «Сеча при Керженце» получил Премию за лучший анимационный фильм в 1972 году на кинофестивалях в Москве и Загребе. Это фильм по мотивам русской легенды и симфонической поэмы Н.А. Римского-Корсакова о невидимом граде Китеже. В фильме использованы материалы русской фресковой жи-

вописи и миниатюры XIV—XVI веков. Очень пригодились и уроки С. Эйзенштейна — весь фильм строился на сопряжении пластики и звука.

Это было время, когда анимация переживала новый и очень важный период творчества. Появился Ф.С. Хитрук, сразу изменивший отношение к мультипликации, его «История одного преступления» стала открытием в искусстве и социальным явлением. Был создан такой язык в анимационном кино, который мог рассказать обо все и не только детям, но и взрослым. Появился Андрей Хржановский, Николай Серебряков, Вадим Курчевский, Гарри Бардин, Эдуард Назаров. Сколько творческих почерков! Сколько новых фильмов, которые стали интересными не только для зрителей нашей страны, но и зарубежного зрителя.

Первая режиссерская работа Ю.Норштейна сделана в соавторстве с талантливым художником и другом Аркадием Тюриным — фильм о начале Октябрьской революции «25-е — первый день». Вспоминая эту работу, Норштейн рассказывал: «Мы задумывали революционный этюд, в котором живопись русского и европейского авангарда 1910-х–1920-х годов соединилась бы с музыкой великого композитора Д. Шостаковича. Живопись этого времени невероятно кинематографична; в ней скрыта, сжата метафизика времени. Мы делали фильм с ощущением революции как начала мощного культурного процесса. Нас вдохновлял тот факт, что произведения художников были наполнены идеей обновления мира, творения своей судьбы».… «Какое явление было самым мощным в изобразительном искусстве XX века? Авангард. Будто взрыв произошел: художники стали по-новому понимать, что такое цвет, что такое пространство. Я очень люблю эту эпоху и многое нахожу в ней для своей мультипликации.

За основу фильма взяты произведения В. Татлина, К. Петрова-Водкина, М. Шагала, П. Филонова, Н. Альтмана, К. Малевича, А. Дейнеки, Ю. Пименова, Л. Лисицкова, Ю. Анненкова, С. Чехонина, В. Лебедева, Л. Чупятова... Была использована графика В. Маяковского (его же строка стала названием фильма). Из европейских художников — Жорж Брак. Именно его живописное звучание стало основой эпизода «Штурм». Финал фильма строился на живописи П. Филонова «Гимн городу» и «Формула революции», на стихах французского поэта Поля Элюара, в которых говорилось о братстве людей. Ангел М. Шагала летел над праздничной демонстрацией».

В задуманном варианте фильм так и не появился. Но через этот фильм Ю. Норштейн открыл великое искусство начала XX века. «Именно это искусство позволило разглядеть огромные эстетические возможности мультипликации, почувствовать новую изобразительную драматургию. Через эту работу я открыл, что мультипликация есть пластическое время. Этот фильм повлиял на всю последующую мою работу. И еще один урок. Этот фильм научил меня не идти ни на какие уступки, если они не согласуются с твоей совестью».

Ю. Норштейн с восторгом отзываясь о своих коллегах. «Вспоминаю как приятно было начинать работать на студии «Союзмультфильм» рядом с Хитруком — такой человек был! — говорит Юрий Борисович. Придумает что-нибудь гениальное — и никогда не боялся, что подглядят, а сам звал: «Старичок, я тут одну вещь придумал, запомни, пожалуйста!» Что отдашь, то сохранишь. И никакой зависти к другому. Может, опираясь на подобные уроки, можно будет и в наше время увидеть возрождение российской анимации».

И коллеги с любовью и уважением относятся к Юрию Борисовичу. Ф. Хитрук, мало сказать, любил Норштейна. Он искренно восхищался им и когда рассказывал о нем, то весь преображался, так, как будто рассказывает об очень важном событии в своей жизни, к которому относится с восторгом и изумлением.

Из рисованной анимации на «куклы»

Из рисованной мультипликации Ю. Норштейн переходит «на куклы». То есть из церковного помещения «Союзмультфильма» на Каляевской — на Арбат, в церковь на Спасо-песках, что стоит в том самом знаменитом поленовском «Московском дворике».

Как художник Ю. Норштейн работал над более чем 40 фильмами. Сам он выделяет среди них несколько — это, конечно, «Левша», «Варежка», «Чебурашка», «Шапокляк», «Новогодняя сказка», «38 попугаев». Но нельзя не отметить еще и такие фильмы, как «Каникулы Бонифация» Ф. Хитрука, «Мой зеленый крокодил» В. Курчевского, «Мистер-Твистер» А. Карановича.

С 1973 по 1979 год режиссером Ю. Норштейном было снято четыре фильма: «Лиса и заяц», «Цапля и журавль», «Ежик в тумане» и «Сказка сказок». Но каких! Каждый фильм стал событием в искусстве отечественном и мировом кинематографе. Их глубочайшая человечность, высокий артистизм раздвигали границы мультипликации как рода поэзии. Эти четыре фильма со временем сложились в понятие «кинематограф Юрия Норштейна». В каждом из них Норштейн, будучи режиссером, одновременно выступает единственным художником-мультипликатором, играет все роли. Фильмы эти триумфально обошли весь мир, вызывая восхищение, изумление, благодарность.

Итальянские кинематографисты создавали серию сказок народов мира и сделали заказ русской сказки. Этой сказкой и стал мультфильм «Лиса и заяц». Взятая в основу народная живопись на прялках оттенила юмором, лиризмом и эксцентрикой истинную житейскую драму простодушного зайки. Фильм очень трогательный. Горящий очаг символизировал тепло дома, которое было утрачено зайчиком. Фильм «Цапля и журавль» стал гордостью отечественного кино. Этот фильм получил главные призы в Анси (Франция), Нью-Йорке, Тегеране, Тампере (Финляндия), Панаме, Мельбурне, Оденсе (Дания).

«Цапля и журавль» — горькая и пронзительная притча о несостоявшемся человеческом счастье на фоне шелеста сухого камыша, мокнущего под дождем. «Для меня «Цапля и Журавль» начался... со звука. Звуча камыша. В нем есть что-то дикое, пугающее, такое настороженное дрожание... И этот звук, он для меня буквально прошивал будущий фильм...», — это слова режиссера.

«Ежик в тумане», 1975 год. Сколько же написано об этом фильме! Сергей Козлов и принес свои сказки, и Ежик увлек Норштейна. Сказка была основательно переделана, причем фильм не уложился и в режиссерский сценарий. «Ежик каждый вечер ходит к своему другу Медвежонку. Но однажды попадает в туман и видит другую, незнакомую ему жизнь. Он столкнулся с тайной. Он бродит в тумане и только слышит зовущий крик Медвежонка. Важная деталь: крик расширяет пространство. ... Ежик, наконец, встречается с Медвежонком, но он уже другой. Он знает то, чего не знает его простодушный друг». Вот такой совсем небольшой сюжет.

Об этом фильме режиссер А. Герман писал: «Были картины, где я смеялся, умилялся, а ощущения полета и большого искусства этот человек добился тем, как собака выпустила язык или как ежик плывет на большой рыбе. И пока я жив, эти кадры буду помнить. Потому что, когда ежик плывет на большой рыбе, это вовсе не означает, что это про рыбу: это что-то про меня. И туман — это вовсе не то, что он задымил пленку. Это тоже про меня. Это какие-то сны. И это — чудо. А чудо в искусстве бывает очень редко».

Но пленка не была «задымлена». Осваивалась, а вернее, создавалась, новая технология анимационного кино, причем для каждого эпизода фильма — своя. А затем состоялась «Сказка сказок» — фильм о памяти, которая постоянно возвращает поэта, современного художника к его истокам — военному детству, к временам тяжелых испытаний и высокой нравственной чистоты, чтобы правдой тех чувств поверить сегодняшний день, чтобы снова и снова утвердить жизнь, где свято каждое мгновение мирного мира и подлинные человеческие ценности — хрупкое счастье детской фантазии, радость простого неторопливого общения людей друг с другом, ощущение родства их и близости со всем сущим — со зверьми, с природой, с поэтическим вымыслом».

Волчок пел свою колыбельную голосом Александра Калягина.

«Сказка сказок» — так называется стихотворение Назыма Хикмета. Этим стихотворением, в сущности, проникнута живая плазма фильма... А мы смотрим этот фильм и, каждый вспоминает свое детство, свое представление о войне, ослепительный снег на деревьях, который мы нетерпеливо ждем, и без которого нет русской зимы, яблоки на снегу, волчка с пронзительными глазами, засыпающего ребенка.

Удивительный творческий союз

Юрий Норштейн — крепкий, коренастый, рыжий, с большим прямым носом, со способностью смеяться до слез, обнажая свои крепкие красивые зубы и взгляд мудреца. Все, кто видел Юрия Борисовича, очарованы обаянием этого человека-легенды и каждый понимал, что перед ним гений и человек необыкновенный... Вокруг Ю.Норштейна сложился творческий союз, в котором все есть и ничего лишнего. Обычно мультфильм создает коллектив, в котором работает большая группа художников, выполняющих много видов работ: фазовки, прорисовки, заливки, контуровки и т.д. Ничего подобного нет при создании фильмов Ю.Норштейна.

Ф. Ярбусова — художник-постановщик создает художественную среду фильма. Именно она рисует персонажей, которые затем оживают под руками Ю. Норштейна. Фильм «Сказка сказок» создавался совместно с кинооператором И. Скидан-Босевым, а «Ежик в тумане» — с А. Жуковским. Озвучивали картины Ю.Н. Норштейна артисты, голос которых всем до боли знаком: И. Смоктуновский, А. Баталов. В. Невинный. И еще звучит музыка композитора М. Мееровича. «Приникни к его уху, услышишь музыку», — повторял Норштейн о композиторе. В «Цапле и Журавле» звучит пленительной вальс влюбленных и залихватский, бравурный марш сватовства. Норштейна всегда поражала в Мееровиче его необычайная готовность «слушать и слышать изображение».

Л. Петрушевская была соавтором сценария «Сказки сказок» И именно она послужила для Норштейна прообразом Цапли в мультфильме «Цапля и Журавль». «Наше ощущение будущего фильма было схожим и одинаково неясным, — рассказывает Ю. Норштейн. Мы конструировали вместе. Она словом, я — раскадровкой, поэтому оба сценаристы. Редкий пример словесно-изобразительной записи».

Все четыре фильма отмечены печатью яркого таланта постоянно работавшей с Норштейном художника Франчески Ярбусовой. Ни в одном из этих фильмов нет ни одного пустого, проходного, не наполненного внутренним смыслом кадра, где изображение было бы ради изображения, движение ради движения, — настолько все подчинено раскрытию режиссерского замысла. В результате совместной деятельности людей чрезвычайно талантливых и были созданы удивительные шедевры анимации.

«Ежик в тумане» — это фильм о соприкосновении с таинствами бытия, о загадочности всего сущего, о нелепой трагичности, существующей в мире, и о конечной его доброте. Этот фильм, полный тончайших психологических нюансов, свидетельствует, что нет таких оттенков человеческих чувств, которые невозможно было бы выразить средствами мультипликации.

Много лет длился творческий союз Норштейна с оператором Александром Жуковским (1933—1999), который еще встречи с Норштейном придумывал уникальное оборудование для съемок, а их творческий союз оказался на редкость плодотворным. Как-то я присутствовала на семинаре, на котором выступал Александр Жуковский. Он рассказывал и показывал, как они с Юрием Борисовичем колдовали над фильмом «Ежик в тумане». Это была фантастика! И после этого семинара мы уже совсем по-другому смотрели фильм.

Язык анимации Ю. Норштейна

Юрий Норштейн — не только талантливый художник и режиссер, но и выдающийся изобретатель. Его коллективу удалось создать новую эстетику анимационного фильма. И сделано это на основе принципиально иной технологии, которая называется «перекладка». Съемка происходит на специально разработанном станке, который представляет совершенно необычное оборудование. Нарисованный персонаж делится на множество маленьких фрагментов, которые будут двигаться в процессе съемки. До съемок проводится огромная подготовительная работа. И только два художника — режиссер и оператор — начинают буквально колдовать, создавая уникальный мир анимационного кино. Очень немногие владеют этой техникой, но найти того, кто ею владеет, как Ю. Норштейн, вряд ли можно не только в нашей стране, но и во всем мире. И эта специальная техника многоярусной перекладки изображения придает мультфильмам Ю. Норштейна эффект трехмерного изображения, и поэтому он наотрез отказывается пользоваться анимационной компьютерной графикой. «... Для меня волшебство — в муравье, ползущем по траве, а не в виртуальной реальности...», а «у компьютера нет божественной ошибки, способной вызвать сердцебиение» — так он это объясняет.

Норштейн до сих пор работает с фото пленкой. Пришлось запустить свою машину для проявки и сделать мультстанок по собственным чертежам.

И весь фильм создается не традиционно. Нужно множество изобретательских ходов, чтобы получить то, что хотя бы близко к желаемому. А в результате медленно падает с огромного дуба оторвавшийся лист, лошадь купается в тумане, рыба несет ежика по лесному ручью, а собака находит ежика в самой гуще тумана, возвращая ему его маленький узелок. ...«Бумага превращается в материальные вещи, которые поднимаются над ней, как пар над поверхностью горячей воды... Нам не дали съемочные станки, и надо было самим вместе с кинооператором Жуковским делать конструк-

цию для штатива, чтобы поставить кинокамеру. Надо было сочинять для съемок какие-то полаты, чтобы, взгромоздясь на них, можно было смотреть в кинокамеру. Вообще необходимо было раскрутить целый гигантский механизм, чтобы снять вот такую живую точку. Но мне кажется, что в этом есть логика. Понимаете, ведь именно в ней, в первой точке — значительность, ее появление единственно важно.

Всякое искусство условно, поскольку оно пользуется знаками. Писателю дано слово, музыканту — звук, режиссеру — весь этот зрелищный мир, его вещественность, которую надо превратить в поток действия. А художнику дана форма, свет, контур действия, контур пластических кадров — со всем этим он должен жить и работать, собирать свой мир по законам, которые он сам для себя открывает.

«Когда ты творишь, ты хочешь быть за гранью невозможного, иначе окажешься ниже самого себя и не вырастешь над собой, — считает Норштейн. Я всегда ставлю в работе сверхзадачу, на уровне невыполнимости. Мы работали всегда так. Ярубсова — прекрасный художник, но когда она начинает красиво и виртуозно рисовать, я ее ругаю, советую писать левой рукой, например. И вот, когда она измучается по самое «не могу», когда работа идет со слезами и корвалолом, тогда и получается то, что нужно»... «Меня меньше всего интересует «хороший рисунок», — считает Норштейн. Мне нужно, чтобы соотношения тепла, света в кинокадре совпадали с моим ощущением. Тогда это будет тот самый эскиз. Пусть это грязно, неряшливо, левой рукой нарисовано... ..Высшее мастерство — это не умение рисовать. Высшее мастерство — найти эти соотношения внутри изображения, чтобы дать сверхчувственную сторону кинокадра.

В мультипликации я переживал идеальные состояния вдохновения, и они ко мне не раз возвращались на фильме «Сказка сказок». Пожалуй, это единственный фильм, где мне страшно хотелось вернуть время, безвозвратно проглоченное алчной Летой, как говорил Бродский».

С 1977 по 1982 год Норштейн в качестве художника-мультипликатора принимает участие в трилогии по рисункам А.С. Пушкина — фильмах Андрея Хржановского «Я к вам лечу воспоминаньем...», «И с вами снова я...» и «Осень», где исполняет роль поэта. Трилогия Хржановского соединила замечательных актеров, читавших пушкинские стихи, — Сергея Юрского и Иннокентия Смоктуновского. Удивительную музыку написал Альфред Шнитке. И до сих пор кажется невероятным, как условный персонаж смог так проявить пушкинскую натуру, вместить бездну чувств, настроений, состояний — от дурашливого мальчишеского озорства до едкой шуливой издевки, от горьких раздумий и сомнений до внезапной радости и восторга... О работе над фильмами о А.С.Пушкине Норштейн пишет: «Религиоз-

ному человеку для обретения равновесия достаточно пережить таинство исповеди. Пушкинская строка для меня из того же ряда... Поэтическая строка охватывает, как порыв ветра, как скорый ливень. Главное, что в любой момент она возвращает тебе чувство целого».

Большой путь, пройденный режиссером Ю. Норштейном отмечен Российской независимой премией поощрения высших достижений литературы и искусства «Триумф» (1995), премией имени А. Тарковского за авторский вклад в развитие киноискусства (1989), премией имени В. Старевича (1997), премией имени В. Высоцкого «Своя колея» (2000), премией «Мастер» за выставку в Музее изящных искусств имени А.С. Пушкина (2005), Орденом искусства и литературы Франции (1991) и японским Орденом Восходящего солнца (2004).

О личном и не только

Франческа Ярбусова, жена режиссера Ю. Норштейна, художник-постановщик всех его фильмов. А вместе они уже 48 лет.

«Со слов мамы, я начала рисовать, а уже потом ходить, — рассказывает Ф. Ярбусова. Но была война, 1943 год. Мы с мамой вернулись в Москву. Жили в проезде МХАТа. Было холодно. С одной стороны от моей кровати мама ставила самодельную плитку, с другой пододвигала стол, давала мне карандаш и пачку испорченных бланков с почтамта. Карандаши и бумага были моими первыми игрушками. ...Очень много ярких вещей осталось в памяти с тех пор. Папа работал в лаборатории биофизики зрения, и для его экспериментов я собирала бражников, сумеречных бабочек с огромными глазами. Чтобы вырастить их, нужно было отыскать кладку. И мы бродили по лесу в поисках яйца-жемчужинки, оставленного бабочкой где-нибудь на осиновом листке. И найти это было огромным счастьем».

Ю.Б.Норштейн говорит: «Моя жена Франческа Ярбусова для меня загадка. Всегда закрыта — и я всегда открываю в ней что-то новое. Она хорошо знающий художник: знает, как растет трава, как распускаются почки — художнику необходимо знать эту первую гармонию мира, чтобы потом создавать гармонию, сочиненную сознанием. Хотя именно с ней я ругался так, как ни с кем: знание иногда мешают образу, и на этой почве у нас происходят просто смертельные схватки, — рассказывает Юрий Борисович.

Франческа создает в картине до осязательности узнаваемый мир, создает его с огромной любовью ко всему живому, будь то лошадь, дерево, светлячок, сухой лист и даже узелок с вареньем, — все здесь равновелико, все воспринимается как одушевленная частица огромного и прекрасного мироздания... Она составляет изображение, как лекарственный сбор...»

«Многое из того, что я пережила в детстве, совпадает с тем, что было у Юры. Мы с ним из одного времени, и многое шло параллельно, — рассказывает Ф. Ярбусова. Даже в одной художественной школе учились. Это был дивный особняк, недалеко от Планетария. С высокими окнами, камином, лепниной на потолке. На втором этаже была музыкальная школа, а на первом — художественная. И мы все время рисовали под пиликанье скрипки или фортепьянные этюды. Во дворе росли старые липы. Я поступила туда, когда училась в пятом классе. Юра говорит, что вроде бы помнит меня смутно, что у меня коса была длинная. А мне вспоминается, как однажды директриса — было холодно, и она перевязала себя пуховым платком — вошла к нам в класс и говорит: «Этот рыжик опять порвал свою работу!»

На перемене мы бегали смотреть, кто порвал работу, и заглядывали в мусорную корзину. Этим темпераментным Рыжиком был Юра. Он учился на два класса старше.

У нас были общие учителя. Там собрался удивительный состав преподавателей. Тогда нельзя было даже говорить об импрессионистах, а они приносили нам книги с репродукциями Ренуара и Гогена, Моне и Ван Гога...

Художественную школу я любила, потому что там не было такого — вот преподаватель, а вот ученик, «ты должен», «ты обязан». Во всем было что-то бескорыстное. Хочешь рисовать — пожалуйста. Правда, у школы не было денег на натурщиков, и мы писали натюрморты, рисовали гипсовые головы. Иногда ездили на этюды в Серебряный бор. Помню, у меня получилась хорошая работа. Писала осенний пейзаж. Очень замерзла. И вдруг пошел первый снег. Снежинки падали на сырую акварель, таяли, и капельки расплывались, оставляя следы...

После института меня распределили на «Союзмультфильм». И первый фильм я делала с В. Дегтяревым, прекрасным режиссером. Это был «Паровозик из Ромашково». Потом стала работать с В. Данилевичем, уже на кукольной студии. И там тоже пыталась что-то сделать. Но, в общем, ничего не получалось. Да еще у нас с Юрой дети родились, и было трудно. Двое маленьких детей, жить почти нигде...

...А потом дали вот эту сказку делать. Фильм «Лиса и Заяц» должен был использовать мотивы народного искусства. Нам повезло. Мы попали в запасник Исторического музея, в подвал, набитый прялками, расписными санками, деревянными кружками, наличниками, изразцами. Это было сказочно красиво и очень помогло в работе. Тут уж и мне захотелось как-то развернуться. Я ведь до этого все время чувствовала себя зажатой, думала, что вообще не туда попала...

Юрий Норштейн убежден, что его идеальный сюжет, скорее, выражен в жене Франческа. «Если у нас сохранилась семья и мы друг для друга, то только благодаря ей. Я в этом смысле человек очень разрывной, лихо-

рабочий, у меня нет цельности. В редкие мгновения я чувствую полное умиротворение, и это только благодаря Франческе».

В свое время Альбрехт Дюрер писал, что искусство заключено в природе; кто умеет обнаружить его, тот владеет им. Эти слова очень точно определяют природу творчества и Ф. Ябусовой и Ю. Норштейна: «Фильм «Сказка сказок» дорог мне, потому, что он связан с Марьиной Рощей. Потому, что я прожил в Марьиной Роще почти 25 лет. Потому, что оттуда уехал. Потому что нашего дома нет. А есть огромный шестнадцатизэтажный дом. И мост — тот, который в финале фильма, — теперь уже не тот мост. А я помню тот — мощный булыжником... И как вечером, в августе, когда шли дожди, пахла пыль, прибитая каплями... И как гремели по крышкам синие автобусы, которые ходили тогда по Москве... И это все постепенно связывалось... Это все постепенно собирается тогда, когда оглянешься и когда навсегда уходит тот мир, где ты жил. Двухэтажный старый дом... Двор... Ты вдруг начинаешь понимать, что на этом-то пространстве и прошла основная твоя жизнь...

...Сухой лист вспомнился мне из детства — из октября, когда бывают бесснежные морозы и земля каменеет, — вспоминает Юрий Борисович... А этот лист, который невесть откуда прилетел для меня...Его волокло по мостовой, и он цеплялся за булыжники, будто был живым. Снег отскакивал от его панциря, и видел эту картину маленький человек».

А В. Гете считал, что в любом произведении искусства, великом или малом, все до последних мелочей зависит от замысла. И это высказывание иллюстрирует творчество Ю.Норштейна. «Очень часто в предощущении более-менее приличного фильма ты либо влетаешь в него, проходя набросочно все действие от края до края, либо вдруг понимаешь, что все не так идет, фильм против тебя и ничего поделаться нельзя. На «Ежике» все было против. Но почему он нарисовался, я все равно не могу объяснить. Я все время говорил только об одном: он должен быть простым настолько, что три кадра на экране мелькнут — он уже в глазах отпечатается. Он должен быть мгновенен как выстрел.

...Само ожидание, трепет душевный в период ожидания, мне кажется, это и есть поэзия по-настоящему. Это не важно, что ты стихи не напишешь, важно, чтоб трепет был. Чтобы по-настоящему сделать кино, там нужно умереть. Художник должен умереть в фильме. Если ты не сможешь здесь умереть под шорох карандаша, то кино не будет... И как тут не вспомнить высказывание Б.Пастернака: «Искусство всегда, не переставая, занято двумя вещами. Оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит жизнь».

Юрий Борисович может ощутить счастье, когда гуляет по лесу в осенние дни, под ногами чавкает грязь и моросит мелкий дождик. «И я могу предаваться своим мыслям, смотреть на увядающую листву и точно знать, что на следующий год это все опять прорастет буйным цветом. Вот это для меня и есть — счастье».

622 страницы про «Снег на траве»

После выхода фильмов «Лиса и заяц», «Цапля и журавль», «Ежик в тумане», «Сказка сказок» и работа над фильмом «Шинель» Юрий Борисович стал одним из самых известных режиссеров анимационного кино. Его хотели видеть, слышать, задавать волнующие вопросы о кино, искусстве, жизни, творчестве. И Юрий Норштейн выступал на авторских вечерах в самых различных коллективах. Выступал много, очень ответственно относясь к своим выступлениям.

А затем начались выставки творчества Юрия Норштейна и Франчески Ярбусовой. Первая выставка прошла в начале 1990-х годов в Пермской государственной художественной галерее. В 2000 г. выставка «20 лет «Сказке сказок» состоялась в Музее кино.

Экспозиция, состоявшаяся в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина — наиболее полная из всех предшествующих. На выставке, которая заняла семь залов Музея личных коллекций, было представлено около 400 эскизов, коллажей, набросков, более 10-и макетов, использовавшихся в съемках, а также фотографии, снятые оператором А. Жуковским для фильма «Сказка сказок». В контекст выставки включены тексты режиссера, повествующие о работе над фильмами, о детстве и юности в Марьиной роще, о друзьях-коллегах и о многом другом. В одном из залов располагался телеэкран, на котором демонстрировались фильмы, знакомые всем с детства. Для выставки был выпущен альбом в качестве каталога. В результате и были написаны два тома книги «Снег на траве». «Тексты, которые вошли в каталог, появились в результате лекций, прочитанных на режиссерских курсах. Лекциями это тоже, честно говоря, назвать трудно — это, скорее, рассказы, собранные мною за всю жизнь: то, что я видел, слышал, чувствовал». И вот когда удалось все собрать воедино и показать и появились два тома книг под названием «Снег на траве».

Юрий Борисович считает название «Снег на траве» летучей метафорой, за которой осязаемое впечатление деревьев и травы, когда они еще зеленые, а ты ждешь снега с небес. И снег, наконец, падает, покрывая крыши домов, деревья, землю и траву... Оглядываешь двор — деревья зеленеют сквозь снег, но выходит жаркое солнце, снег улетучивается, стекает водой по полевой листве, оставляя пряный запах».

Два тома книг — разговор-размышление об искусстве, о творчестве, о поэзии, о художниках, о кино и о жизни. Я думаю, что хорошо бы в каждой семье были эти книги. Однажды в поезде я увидела, а точнее услышала гениального ребенка, который, по-видимому, готовился к телевизионной викторине. Он громко задавал себе вопросы и сам на них отвечал, а потом

резво и громко «уходил на рекламу». Он без запинки мог назвать имена и фамилии всех генералов — участников боевых танковых сражений Второй мировой войны. Он знал точное количество танков с нашей и немецкой стороны при танковой битве на Юго-Западном фронте в июне 1941 года, в сражении 1942 года в районе Харькова и Воронежа, в боевой операции под Прохоровкой. Он рисовал танковое сражение, но оказалось, что он ни разу не видел «Ежика в тумане». Ни разу...

Режиссер, художник, педагог

Многие годы Норштейн преподавал на Высших курсах сценаристов и режиссеров, читал лекции во ВГИКе. А вообще, где только он не преподавал: в Японии, Америке, Швеции, Бельгии, Великобритании, Франции, Италии, Канаде, Венгрии, Голландии, Норвегии. Преподавал и учился сам: «Мои учителя: пещеры Альтамыры и Ласко, «Спас» Андрея Рублева, последняя скульптура Микеланджело «Пьета Ронданини», «Менины» Веласкеса, последний период Гойи, «Возвращение блудного сына» Рембрандта, Ван Гог, «Мусоргский» кисти Репина, Павел Федотов, Шарден, Милле, русский и европейский авангард, фильм Жана Виго «Атланта», шеститомник Эйзенштейна... Но самые выдающиеся учителя — мои внуки и вообще дети. Глядя на их исполненные простодушия улыбки, на нежные узкие плечики, окаймленные рубашечками, понимаешь, что все мировое искусство имеет смысл, если в наших душах открывается любовь». «Искусство делается для того, чтобы научить любви, оно помогает разрыхлить, размягчить душу», — пишет Норштейн.

...Я все время говорю: надо иметь мужество заниматься искусством. Но, поверьте, мужество и искусство только тогда совмещаются в одно целое, когда ты абсолютно открыт тому, что происходит в жизни. ...Мне кажется, в человеке должен сохраняться восторг от жизни. ...Обстоятельства сходятся таким образом, что рок становится неотвратимым. Ты знаешь, что есть рок, дальше нужна сила для его преодоления. Когда ты не можешь преодолеть его, ты хотя бы способен его понять. Способен понять, что не можешь справиться, и в то же время у тебя в голове целый мир, который ты собрал за свою жизнь. Как сказал Пастернак, «и тут кончается искусство, и дышат почва и судьба».

Норштейн убежден, что художник не может быть атеистом. Я не принадлежу ни к какой конфессии. Но при этом я все время листаю Библию, туда окунаюсь. Я, конечно, недостаточно знаю ее, хотя часто цитирую. В истории искусства Библия расщепилась на множество произведений, она дает человеку чувство меры, соотнесенности».

С 1990 года Ю. Норштейн стал сотрудничать с Фондом Быкова, после чего он организовал свою анимационную студию «Артель», которая через

10 лет стала работать при «Фонде Юрия Норштейна». В 1993 году вместе с Андреем Хржановским, Эдуардом Назаровым и Федором Хитруком основал Школу-студию «ШАР». «ШАР» («Школа аниматоров-режиссеров») — школа-студия анимационных фильмов, где студенты получают второе высшее образование режиссера-аниматора на основе анимационного отделения высших режиссерских курсов при поддержке Госкино. Абитуриенты должны были предоставить свои работы на конкурс: сценарии, раскадровки, картины, а также уже иметь диплом о высшем образовании.

У выдающихся режиссеров учились Дмитрий Наумов, Оксана Черкасова, Александр Храмцов, Николай Маковский, Агамурад Аманов, Михаил Лисовой, Светлана Филипова, Алексей Харитиди, Екатерина Соколова, Леон Эстрин, Юлия Дашинская, Елена Чернова и многие другие студийцы, которые сейчас успешно работают в анимации.

Дипломные работы студентов составляют киножурнал «Волшебный фонарь». Многие работы отмечены высокими наградами на многих международных фестивалях.

В свое время на Высших сценарных и режиссерских курсах учился и Александр Петров. Ученик Федора Хитрука и Юрия Норштейна Александр Петров дважды номинировался на «Оскара» — за «Корову» и «Русалку», а в 1999 году все-таки получил золотую статуэтку за снятый в Канаде мультфильм «Старик и море». Сейчас он сам преподает.

В Японии задумали — экранизацию стихов Мацуо Басе «Зимние дни». В этом проекте принимали участие 35 прославленных аниматоров со всего мира. Россию в этом проекте представляли Юрий Норштейн и Александр Петров. У Александра Петрова 40 секунд на экране — это 4 месяца работы.

*Безумные стихи... Осенний вихрь...
О, как же я теперь в своих лохмотьях
На Тикуся нищего похож!*

На экранизацию этого хокку у Юрия Норштейна ушло 9 месяцев. «На Высших режиссерских курсах Юрий Норштейн вел у нас занятия, связанные с литературой: он приносил какие-то истории и просил превратить их в мультфильм, — рассказывает А. Петров. Мы прямо в классе рисовали раскадровки, а потом обсуждали работы друг друга. И вот однажды он принес нам несколько японских стихотворений. Я, как и все, бросился рисовать, но у меня не получилось. У двух моих приятелей получилось очень хорошо, они угадали дух Японии. Это меня, конечно, зацепило: «Что же я такой беспомощный?!» Тот случай настолько запал мне в душу, что я, узнав о «Зимних днях», решил доказать, что хокку мне по зубам».

«Зимние дни» — цикл стихотворений, написанный в XVII веке создателем жанра хокку Мацуо Басе и его учениками. По популярной в японской поэзии традиции стихотворцы садились по кругу, мастер произносил первое трехстишие, а затем ученики по очереди добавляли по две-три строки от себя, продолжая тему и одновременно развивая ее. Экранизировать эти хокку и было предложено интернациональной группе аниматоров. Все-таки 35 анимационных стилей и техник в одном флаконе увидишь крайне редко. Но своих — Юрия Норштейна и Александра Петрова — каждый, кто хоть раз видел «Ежика в тумане» и «Старика и море», узнает сразу. Спутать их с кем бы то ни было просто невозможно.

Фильм «Шинель», над которым Юрий Норштейн работает с 1981 года, требует особого внимания. О загадке гоголевской «Шинели» стоит поговорить в следующем номере журнала.

Татьяна Кузовлева

АЗАРТ К ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЮ

О Евгении Веснике

В этот дом я впервые пришла, кажется, в 2000-м, с двумя молодыми и талантливymi — поэтессой Галиной Нерпиной и прозаиком Алексеем Геллейном. Своеобразная делегация литературного журнала «Кольцо А», в котором тогда начал печататься один из уникальной плеяды мастеров театра и кино Евгений Яковлевич Весник. У него была личная рубрика «Записки артиста» в нашем журнале. Забегая вперед, скажу: мы почти из номера в номер представляли читателям — еще до выхода книг Евгения Яковлевича — его афоризмы, повести-мистерии, увлекательную прозу и острую публи-

цистику. В тот же год Евгений Яковлевич Весник стал членом Союза писателей Москвы, а впоследствии — лауреатом литературной премии «Венец».

Высотка напротив метро Баррикадная внешне выглядела вполне монументально, если не считать «слепых» витрин первого этажа. Внутри, конечно же, из прежнего великолепия (ковровые дорожки в вестибюле и на лестнице, хрустальные люстры, безукоризненно отдраенный мрамор стен) мало что сохранилось. Но консьержка все еще сидела у входной двери в вестибюле.

А в квартире Весников дразняще витал масленичный блинный дух. И Алеша Гелейн, сладко прижмуриваясь, явно предвкушал не только блины, но и то, чем они обычно на Руси сопровождаются. И не ошибся. Сопроводились блины любимой «авторской» настойкой водки на калгане... Вкуснее, чем у Нонночки Весник, я их не пробовала ни до, ни после.

Рабочий стол хозяина, занимавший почти весь небольшой холл квартиры, был завален рукописями, причем большая их часть представляла собой разрозненные листки, исписанные невероятно крупными каракулями. Наша компьютерная наборщица негодовала: неужели так трудно попросить автора отдавать материал хотя бы в отпечатанном на обычной машинке виде?! Не трудно — неудобно было.

В тот вечер Весник читал нам выборочно отрывки из разных произведений, сопровождая и дополняя их воспоминаниями, шутками, забавными историями. Словом, замечательный был вечер.

Тогда же было решено провести творческую встречу нового члена Союза писателей Москвы Евгения Весника с литературными коллегами, с авторами журнала — в Малом зале ЦДЛ.

В зале был аншлаг. Помимо прозы, Весник, конечно же, всех увлек устными рассказами. Их, кстати, у Е.Я. вполне могло набраться на объемную энциклопедию сатиры и юмора в духе Салтыкова-Щедрина и Гоголя.

В конце вечера нами была предпринята попытка доставить выступавшему дополнительное удовольствие — дать возможность предстать перед мэтром небольшому самодеятельному молодежному коллективу с какой-нибудь сценкой из их репертуара. Участники приехали после работы из разных концов Москвы и даже Подмосковья, запыхавшиеся, торопливо переоделись, очень волновались, очень старались сыграть живо и хорошо и, конечно, надеялись на слова если не похвалы, то поддержки или снисходительной критики. Но мастер подошел к оценке бескомпромиссно: критиковал жестко, комментировал хлестко и, в конце концов, начал сердиться на ребят, на зал, и мне даже показалось — на самого себя: как всякого мастера его раздражал непрофессионализм во всем. Особенно в том, чем был для него ТЕАТР. А ребята и были не профессионалы, но беспредельно преданные тому театру, который в этот вечер материализовался для них в знаменитом артисте. Они очень хотели по-

казать ему себя с лучшей стороны. Мне было жаль ребят. Жаль разгневанного Весника, мохнатые сердитые брови которого ходили ходуном, словно возмущенно переговариваясь друг с другом. Смущена была и Нонна Гавриловна.

А тут еще в переполненном гардеробе один из искренних поклонников артиста решил оказать Весникам услугу — взять их пальто без очереди. Не беда, если бы он сделал это тихо, не привлекая внимания. Но эмоциональный, как всякий поэт, молодой человек, с горящими глазами, врезался в народ, воздев два гардеробных номерка над головами, и во всю силу молодых легких, даже как бы со всем отчаяньем переполнявшей его любви возопил звонко и торжественно, на весь вестибюль: «Пальто народному артисту СССР Веснику и его супруге!!!». Очередь онемела, распалась надвое, обеспечивая прорыв поэта к гардеробщице. Очень похоже получилось на то, как объявляют после посольских приемов: «Машину господину N и его супруге к подъезду!». На мгновение показалось, что тут не обошлось без незримого присутствия булгаковского Коровьева.

Эта сцена, в общем-то безобидная, хоть и комичная, окончательно испортила настроение Евгению Яковлевичу. На все мои попытки настроить его на веселый лад он даже на улице не переставал повторять на все лады единственное: «Позор!». Не в его, фронтовика, не в его, совестливого человека, правилах было продираться без очереди куда бы то ни было, расталкивать людей, потрясать своими званиями, регалиями, привилегиями. Не в его правилах было и позволять это делать кому-либо от его, Весника, имени.

Однажды мне позвонила Нонна Гавриловна и попросила съездить с ней в военный госпиталь, в котором тогда лежал Евгений Яковлевич на обследовании. Надо было отвезти туда, помимо прочего, 5-литровый баллон питьевой воды. Конечно, ей одной это было не под силу.

Госпиталь был огромный, назывался, кажется, «госпиталь ветеранов всех войн». Находился где-то на окраине, мы ехали с пересадками на метро, потом на маршрутке и, наконец, добрались. Был какой-то неудобный промозглый день поздней осени, когда и светает нехотя, и темнеет уже раньше летнего.

Постучав, вошли в крохотную палату.

Евгений Яковлевич встретил нас без особого энтузиазма — только что закончилась очередная неприятная для него процедура. Он с грустью показывал большие синие пятна на тыльных сторонах ладоней — следы кровоизлияний. Я попробовала его разговорить — спросила про кипятильник, всегда ли есть он в больничном коридоре.

Весник мой ход принял и ответил, что кипятильник тут есть всегда, а кипятильник он больше вообще с собой не берет, потому как в одной из предыдущих больниц он включил кипятильник прежде, чем опустить его в кружку с водой. А когда кто-то позвал его из коридора, он машинально положил включенный ки-

пятильник на тумбочку. Хорошо, что разговор с соседом не увел его далеко от палаты. Вскоре из-под двери повалил едкий дым и просочился запах горящего пластика. Весник распахнул дверь и, ни минуты не раздумывая, в ту же секунду бросился всем телом плашмя поперек койки, дотянулся до розетки и выдернул штепсель. Был Евгений Яковлевич тогда уже очень немолод, грузен, одышлив, но — реакция! Подумалось: так же мальчишкой на фронте он мог броситься на землю, заслышав свист снаряда. Вот только комплекция тогда была иная...

Значительного ущерба больничному имуществу это происшествие не нанесло, но что-то еще, кроме тумбочного пластика, кажется, обгорело.

Как-то позвонил Е.Я.:

— Таня, что-то вы пропали, не звоните. У вас все нормально? «Кольцо А» выходит? Это хорошо. А у меня книжка новая, я уж и подписал вам.

Зашла и провела часа полтора в удивительно теплой домашней обстановке: снова были веселые и грустные рассказы, добавилась экскурсия по небольшой двухкомнатной квартирке, Е.Я. и Нонночка знакомили с настенными фотографиями, среди которых было немало семейных. Потом мы с Е.Я. обменивались мнениями о только что прочитанной нами обоими небольшой книжце «Культура как фактор национальной безопасности» академика Николаева, перечисляли запомнившиеся места. Весник цитировал: «Культура... всегда предлагала проверять военную политику и отношения между государствами — интересами простого человека... Культура поддерживает и возвышает человека. Это — сильная основа духовной и иной безопасности человека, общества, государства...».

Со многими положениями этой книги трудно не согласиться, когда о культуре и о людях, ее творящих, государство склонно забывать.

Потом разговорились о только что вышедшей книге афоризмов, собранных Весником и снабженных его комментариями, многое из этой книги печаталось в «Кольце А».

За чашкой чая явремя летело незаметно, я уже собиралась попрощаться с хозяевами, как Евгений Яковлевич остановил меня неожиданным вопросом:

— Таня, скажите, в вас течет какая-нибудь кровь, кроме русской?

Я улынулась:

— Ну конечно. У меня по маминой линии один из прадедов был грузином, по отцовской — прабабка полька, кажется, и немцы с папиной стороны были. Ну и, возможно, как в каждом русском, если покопаться, есть хоть капля татарской крови.

— Нонна! — зычно вскричал Евгений Яковлевич, — Нонна, что я тебе говорил?! Как только в русском человеке есть примесь другой крови, — нормальный человек!

Трудоголик по натуре, Евгений Яковлевич, уйдя из Малого театра, не мог оставаться без дела. Десять лет он регулярно с Площади Восстания ездил

на Павелецкую, практически на другой конец города — в студию звукозаписи московского городского радиовещания. Слушателей этого вещания уже тогда оставалось немного. Большинство москвичей, делая ремонты или переезжая с квартиры на квартиру, избавлялись от городских радиоточек.

Перечислить всех классиков и их произведения, озвученные голосом и талантом Е.Я.Весника, просто-напросто невозможно. Впрочем, это не было литературной читкой — тут был Театр, всякий раз захватывающий всей полнотой своего действия, широким кругом персонифицированных действующих лиц, многовариантностью интонаций. И все это держалось на одном-единственном человеке, не получавшем, насколько я знаю, за свой колоссальный труд ни копейки и удостоенном через десять лет «сотрудничества» ... Почетной грамоты. О дороговизне жизни, цене лекарств и квартплаты как-то и говорить не хочется. Слава Богу, остались диски с записями тех передач.

Я была несколько раз на этой радиостанции. Подниматься в студию звукозаписи там надо на третий этаж по невероятной крутой лестнице с длинными маршами. Я вскарабкивалась с трудом. Как поднимался все 10 лет Евгений Яковлевич, страдавший тяжелой формой астмы, не представить даже в кошмарном сне...

... Приближалось 85-летие артиста. В Малом театре планировался торжественный вечер. За несколько дней до этого я сидела как-то вечером у Нонночки и Евгения Яковлевича в том же самом холле и за тем же самым столом, что и в первый раз. Разговор зашел о предстоящем юбилее. Я заинтересовалась, как Е.Я. себе его представляет.

— Никакой речи не будет. Просто выйду на авансцену, опущусь на колени перед зрительным залом, поблагодарю всех зрителей и поклонюсь им до земли. Вот и все.

Я тихо спросила:

— А встать с колен сможете?

— Да, это надо, действительно, продумать, — спохватился он. И тут же нашелся с ответом: — Пожалуй, я попрошу выйти со мной двух молодых актеров и встать по обе стороны от меня. После коленопреклонения и поклона они меня возьмут под локти, поддержат и поставят на ноги, и я поклонюсь публике еще раз.

Наверное, все так и было.

Примерно в 2005 году Ирина Паркер, главный редактор крупнейшего русскоязычного еженедельника «Панорама» в Америке (Лос-Анджелес), попросила меня взять в Москве у нескольких именитых соотечественников поздравления редакции и русским читателям «Панорамы» с Новом годом. Среди тех, к кому я обратилась, были Римма Казакова, Людмила Улицкая, Борис Васильев, Евгений Весник, Сергей Филатов.

Поздравление Весника звучало так: «Дорогие читатели и редакторы «Панорамы»! Во-первых, я хочу сказать, что имею прямое отношение к Америке, потому что с трех до пяти лет жил на вашем континенте вместе с родителями, которые там тогда работали. Когда мне стукнуло пять лет, мы должны были вернуться на родину. Я не вовремя заболел, у меня поднялась температура, и мама волновалась, что нас не пустят на пароход. Она несла меня, нахохлившегося, завернутого в теплое одеяло, и чиновник, проверявший билеты перед посадкой, спросил, посмотрев на меня: «А вы, сэр, что так печальны? Не заболели ли вы?». И тут я встrepенулся и так бодро, как только мог, ответил (я тогда говорил по-английски не хуже любого американского мальчишки): «Да нет, просто мне жалко покидать Америку!» и в подтверждение своих слов неожиданно запел песенку, которую во дворе распевали мои малолетние дружки: «Я ковбой, я ковбой, я ковбой, пока мне отдаются девчонки!». Чиновник, смеясь, пропел со мной последнюю строчку и признался, что это и его любимая песня. И мы благополучно поднялись по трапу на палубу.

Как ваш — почти — соотечественник я желаю всем вам здоровья и счастья, «Панораме» — отличных авторов, Америке — процветания. Ваш Евгений Весник».

Позже в книге «Дарю, что помню» я нашла этот эпизод. И прочитала короткую авторскую ремарку: «Не в этот ли миг родился во мне азарт к перевоплощению и лицедейству?».

... Его не стало 10 апреля 2009 года. На панихиду в Малый театр собралось огромное количество народа. Звучали торжественные скорбные прощальные слова о незаменимости и тому подобном, приличествующем ситуации.

А мне захотелось в памяти собравшихся воскресить Весника — невероятного жизнелюба, виртуозного фантазера на сцене и в книгах, неутомимого труженика, жадного книгочея, поразительного бессребреника и, наконец, неукротимого ковбоя, преданного более сорока лет одной из самых красивых, самоотверженных и добрых женщин на Земле — Нонночке, Нонне, Нонне Гавриловне. И тогда я рассказала залу о раннем таланте лицедейства и о находчивости пятилетнего мальчика Жени и прочитала слова его американской песенки.

... В телефонном автоответчике в квартире Весников еще долго жил его голос: «Добрый день! Я прошу Вас записать, все, что Вы бы хотели сказать, после звукового сигнала» — и куда-то мимо трубки, в сторону: «Вот так вот!».

Услышите ли, Евгений Яковлевич? Уверена — да.

Вот так вот.

Лев Аннинский

МЕЖДУ СТОЛЕТИЯМИ

Из наблюдений над молодой поэзией

*«Тесен между столетиями проход.
Вроде и лица те же, а всё иначе»*

(Ирина Ермакова. Стихотворение взято из сборника «Современные московские поэты», составленного Альбиной Хохловой (М, 2012).

Грань столетий, спор эпох, межа поколений — это в финале стиха. А с первых строк, до всяких дальних идей — нерв, ритм цепляющий и теснящий логику, срыв голоса между сном и явью:

*Продираешь глаз: ну и ночка была!
Как же я долго спала — так, что успела
прорасти насквозь. В поле — тела, тела
крепко прошиты травами ржавострела.*

«Ржавострел» — это, конечно, пароль. Опознавательный знак современной стилистики, которая из эпохи нынешнего постмодерна через застойные воды позднесоветской поэтической гладкописи окликает эпоху раннего авангарда. И весь строй стиха пронизан токами теперешнего вольного полета. Главное — оттолкнуться, а там...

*Солнце всплывает. Ворон взлетает. От
мертвой воды ломит веселье кости.
Близкий ручей размыленный сор несет,
в розовой пене — вести, ветошки, грозди...*

Улавливаете нюансировку? Сор — «размыленный»: пахнет стиркой, перетряской, перестройкой, отмывкой... Вести — загадочные. Только что все попереименовалось: ветошь старья перемешалась в помойках с гроздьями невзначай затоптанных плодов. Словно мертвой водой плеснули, а — весело! Или так: весело! — а приглядишься: то ли это восход, то ли закат..

*Солнце зависло. Ворон кружит еще
с алюминиевой солдатской кружкой в клюве.
От живой воды больно и горячо.
А говорил — никто никого не любит.*

Ну, вот, милый друг переводит безумие лирической героини в жанр философского умиротворения и фатального квиетизма, особенно рельефного в контексте потерянной солдатской кружки. От мертвой воды весело, от живой воды — больно. Героиня не унимается, продолжает воспаленные диалог:

*...Вечно врет, а краснеют — щеки рябин
грузных предзимних в частой поклевке с граем.
Собираешься с миром. Уходишь - один.
Возвращаешься, а мир неузнаваем.*

Куда уходишь? Почему один? Зачем возвращаешься? Да ведь надо учесть, какое поколение исповедуется в стихах Ирины Ермаковой!. А вот то самое поколение, первое послевоенное, последнее советское, в щель эпох попавшее, — они сменили на авансцене поэзии ушедших идеалистов: Соколова, Корнилова, Рождественского, Вознесенского, Ахмадулину... Самый краешек сталинской эпохи задела своим рождением Ирина Ермакова, а взрослеть довелось в неверных лучах и лужах хрущевской оттепели, в отчаянии безверия, сменившего у интеллектуалов веру в химерический коммунизм. Освободившись от гнета диктатуры, они — прямо по Канту! — зависли между звездным небом и нравственным законом. Небо отодвинулось вместе с гагаринской улыбкой, закон зашатался под ржавострелами рыночной эпохи. Самые ушлые объявили, что пойдут в дворники — только бы не служить Системе, которая только кажется неузнаваемой.

А лучше — не в дворники сторожить жилье, а — за калитку! Туда, где ручей, ветки, солнышко над горизонтом... Ирина Ермакова, родившаяся на краю Державы, в Керчи (да еще хлеще: на катере в Керченском проливе!) и попытавшаяся свести края, обретя профессию в Институте ин-

женеров транспорта, поняла, что никакой транспорт не сотрет эту бездну: грань между столетиями. Эта грань разводит поколения, уводит из-под ног почву смысла и заставляет искать новую опору в реальности, которая кажется такой неузнаваемой.

А ведь все узнаваемо. Присмотришься — все то же. Родное, несменяемое. Или, если шагнуть обратно: все вроде бы привычное, а все-таки иное! Новый век!

*Тесен между столетиями проход
Вроде и лица те же, а все иначе.
Солнцем сентябрьским подначен, шиповник цветет
белый, как первый день после мертвой ночи.*

Яркое свидетельство душевного строя поколения, угодившего на смену эпох. Только бы еще не перепутать живую воду с мертвой. Но это уже дело поэзии, которая не успокаивается. И не сдается.

ПРОЗА

Евгений Бень

НАИНОВЕЙШАЯ ТРАГЕДИЯ НЕСОВЕРШЕННОГО МИРА

О романе Игоря Харичева

«**П**равда ощущизма. Роман в рассказах-признаниях». Таково название нового романа Игоря Харичева, которому еще предстоит выйти в свет. Это полотно, состоящее из отдельных рассказов и повестей с отдельно взятыми персонажами и сюжетами. Но в первую очередь перед нами роман «о самом главном», или точнее — об одном из аспектов «самого главного». Человечество всегда, исходя из скоротечности и конечности биологической жизни каждого своего представителя, так или иначе, мечтало и мечтает об изменении природы окружающего сущего. Тем более теперь — во времена техногенной революции, в эпоху, в ряде сфер совпадающую с набирающими силу каббалистическими представлениями о приближающемся исправлении земного бытия, когда Свет бесконечности станет основой для преодоления несовершенств окружающего реального мира, который столь в этом нуждается.

Вершина устремлений человечества — в этом смысле — воскрешение мертвых и бессмертие живых — в условиях нового — «выправленного» материального мира. И сегодня современная наука находится поблизости от, по крайней мере, кардинального решения вопроса о долгосрочном продлении жизни. Мечтают люди и о возможности телепортации своих состояний и ощущений и во времени, и в пространстве, дабы приблизиться к некоему корневому универсуму ощущения всего сущего, что принципиально и глобально изменит границы познания.

Игорь Харичев в своем новом романе как раз разносторонне писательски исследует телепортацию ощущений (когда один может буквально прожить ощущения другого, невзирая на любые годы и расстояния). При этом писатель опережает наши дни и исходит из того, что это явление уже стало частью цивилизации. Харичев выступает автором своеобразной художественной энциклопедии «ощущизма» (понятия, предлагаемого им же). Десять (сакральное для авраамических религий) число произведений, составляющих роман, это десять взглядов на «ощущизм» под углом зрения различных очевидцев: изобретателя «ощущизма», поставщика «ощущизма», гурмана («сенсомана») от «ощущизма», библиотекаря (хранителя «ощущизма»), психоаналитика от «ощущизма», папарацци (охотника за сюжетами) для «ощущизма», социолога «ощущизма», путешественника во имя распространения географического «ощущизма», философа «ощущизма», и, наконец, апологета «антиощущизма»...

Многие основные действующие лица (и рассказчики, и участники событий), в конце концов, либо погибают, либо остаются несчастными, надломленными, опустошенными или просто отступившими от практики ощущизма. За исключением, пожалуй, самого изобретателя-зачинателя явления, двух ловких «сенсопапарацци» и библиотекарши, которая выступает кем-то наподобие беспристрастного средневекового летописца. Но только ее «летопись» относится к наиновойшей истории. Истории, которой еще предстоит свершиться. Но летописец не может жить и творить вне согласия с собой. А потому свидетельства библиотекаря, пожалуй, вызывают у читателя особое доверие. Таков извечный закон извечного жанра. А что же остальные персонажи? Думаю, они страдают от того, что от рождения «ощущизма» у Харичева в романе не родилась новая природа человека и человечества, не преобразилась природа вещей, так и не исправился наш изломанный тысячелетними трагедиями мир.

Но чтобы это произошло, одного «ощущизма» еще мало. Для этого должны сбыться все самые великие сакральные мечты. Возможно, писатель напишет об этом в следующем романе. Хотя для такого повествования будет невероятно трудно найти ресурс человеческих слов. Да и возможно ли сегодня? Удивительно, что в своем романе, заново увидев не понаслышке гибель «Титаника», Игорь Харичев смог в подлинности «правдой ощущизма» стать очевидцем трагедии, во всей жутко-достоверной полноте пережив ее внутри людей (!) в сказании своего библиотекаря-летописца:

«Джек находит то ли дверь, то ли кусок деревянной обшивки, что-то плавающее, и помогает Розе взобраться на нее. Но для него там нет места. Он остается в воде. Он понимает, что может замерзнуть, и просит Розу сделать все, чтобы остаться в живых. Она не отвечает ему. Она не думает об этом всерьез.

Потом наступает тишина. Роза лежит на спине и смотрит на звезды. Она что-то напевает, пребывая в странном, заторможенном состоянии. Вдруг слышится крик издали: «Есть кто живой?» Через некоторое время опять. Она приподнимается и в слабом свечении видит, что одна из шлюпок вернулась и ищет выживших. Роза поворачивается к Джеку и начинает будить его. Но он не просыпается. И она понимает, что он замерз и умер. Она в отчаянии, рыдает, ей хочется умереть вместе с Джеком. Это невозможно ощущать спокойно — я рыдала вместе с ней. Но тут она вспоминает о его просьбе и решает не сдаваться. Она обещает ему, мертвому, что не сдастся. Продолжая рыдать, она отцепляет его пальцы, и тело Джека тихо уходит под воду. А она приподнимается, машет рукой, пробует кричать в ту сторону, где шлюпка, хотя голос у нее срывается. К счастью, ее замечают, и она остается в живых.

Я, когда посмотрела этот сенсофильм, задумалась вот о чем: если бы не путешествие на Титанике, Джек и Роза никогда бы не встретились. Или, по крайней мере, не влюбились друг в друга. И в то же время, именно это путешествие привело к гибели Джека. А Роза чудом осталась жива. И если это была их судьба, встретиться, полюбить, то и потерять — судьба».

В прошлом 183-м номере «Информпространства» была напечатана первая глава «Рассказ изобретателя» из романа «Правда ощущизма», ранее опубликованная как отдельный рассказ в первоначальном неокончателном виде в журнале «Дети Ра». В этом номере впервые печатается еще одна глава этого романа.

Игорь Харичев

АЗАРТ ОЩУЩИЗМА

Рассказ сенсопапарацци

Если вы знаменитая личность, если вам нравятся слава и внимание миллионов людей, вы должны быть готовы к тому, что многие захотят покопаться в вашем грязном белье, узнать ваши тайны, интимные стороны вашего повседневного существования. Это непереносимое приложение к яркой жизни артиста, певца, политика. Хотя почему-то редкие знаменитости мирятся с этим. Но разве общество не имеет права на подобную информацию? Я считаю, что имеет. И вижу свою задачу в том, чтобы срывать покров с мелких тайн, трепетно оберегаемых всякими звездами, делать их достоянием гласности. Общество должно быть благодарно таким, как я. Но часто мне приходится сталкиваться с ненавистью. Я к этому привык. Издержки профессии.

В прежние времена мы затаивались где-нибудь с фотокамерами, оснащенными мощными телеобъективами, и подолгу ждали появления в окне конкретного дома обнаженной знаменитости или во дворе виллы какой-нибудь звезды с новым партнером, о котором еще никто не знает. В тех случаях, когда везло снять что-нибудь стоящее, это был успех длительного сидения. А еще можно было достать шпионскую камеру и попытаться попасть на закрытое мероприятие для избранных. И снимать, пока тебя не вычислят и выгонят взащей, а то и поколотят. Если сопутствовала удача, и получались улетные фотографии, это был успех быстрого наскока.

С появлением ощуцизма и длительного сидения, и быстрый наскок остались в прошлом. Теперь все иное — техника, методы, всякие профессиональные хитрости.

Есть два основных варианта действий. Можно ставить дистанционные сенсолокаторы, сенсоловушки, сенсодатчики в общественных местах и ждать появления там известных людей, а потом считывать их ощущения. А можно забираться туда, где они живут, работают, и тоже устанавливать датчики. В кровать, в потолок ванной. И ловить эмоции, дожидаясь особых:

изысканных или интимных. Второе куда опаснее, можно попасть в тюрьму, все-таки, незаконное проникновение в чужую квартиру или офис — серьезное преступление. Потому на подобный товар и цены гораздо выше.

Мы с Франсуа начинали с первого варианта. Да, я работаю с партнером, и должен вам сказать, что в нашем деле без помощника не обойтись. Просто невозможно в одиночку справиться с оборудованием, да еще совершать какие-нибудь операции. Кто-то должен помогать, а потом — подстраховывать. Некоторые мои коллеги имеют два, даже три помощника. А у меня всего один. И я зову его с полным на то основанием партнером, потому что он мой приятель, и мы абсолютно равноправны в нашем дуэте.

Сначала мы с Франсуа напирали на гостиницы. Точнее, на президентские номера в шикарных отелях. Снимали их на сутки, скрытно монтировали оборудование в спальне, ванной, а потом ждали неподалеку, когда в номер въедет какая-либо известная личность, и можно будет сделать тайную сенсозъемку. Но ждать порой приходилось очень долго. Впустую уходила уйма времени. Тогда мы сменили тактику: занялись выведыванием планов разных звезд, выясняя предстоящие поездки и подробности бронирования гостиниц, а потом старались попасть каким-нибудь образом в забронированные номера перед приездом знаменитости. Этот способ оказался более эффективным. Как мы получали сведения? По-разному. Подкупали сотрудников агентств, работающих со звездой, сотрудников крупных отелей. Это походило на детективные фильмы или шпионские страсти: сначала мы выведывали планы звезды, потом заказывали соответствующий номер за день или за два до появления звезды и на день после отъезда, потом летели в какой-то город, селились в номере, устанавливали оборудование в спинке кровати и в ванной, потом находили помещение неподалеку и вели сенсозапись в течение всего времени пребывания звезды в отеле, потом опять селились в этом номере, чтобы снять оборудование, потому что оно недешевое. И если удавалось записать что-нибудь стоящее, начинали вести переговоры с фирмами, выясняя, кто больше даст денег. В итоге продавали записи. После этого можно было немного передохнуть, прежде чем браться за новую работу. Суеты много, но что поделаешь? Никто нам не обещал легкой жизни на этой планете.

Так мы с Франсуа жили около четырех лет, добывая порой очень любопытные сенсозаписи. Мы объездили полмира, познакомились с уймай женщин, потому что, закончив работу, позволяли себе немного расслабиться. Мы чувствовали себя на коне. И вдруг все кончилось — используемый нами вариант действий стал бесполезным. После появления ряда скандальных сенсодисков, полученных таким образом, сотрудники, обеспечивающие безопасность звезд, начали перед заселением обследовать президентские номера с целью поиска нашего оборудования. И находили его.

Поскольку мы не хотели полностью отказываться от привычной методики, мы решили усовершенствовать ее: устанавливать сенсолокаторы уже после заселения знаменитости. Это можно было сделать, устроившись в гостиницу под видом сантехника, электрика, специалиста по кондиционированию — сотрудников, которые могли войти в любой номер под предлогом необходимости проверки, ремонта или регулировки.

С этой целью я освоил все перечисленные выше профессии с получением дипломов, которые с полным основанием предъявлял, оформляясь на работу. Если я берусь за какое-нибудь дело, то всерьез. Таков мой принцип. Я стал прекрасным сантехником, электриком, знатоком тонкостей кондиционирования в больших зданиях. Законный повод для гордости. Но в этом я похож на отца — он, хотя и был фотографом, все в своей небольшой мастерской делал собственными руками. А с другой стороны, иное при моем роде занятий недопустимо, ибо легко опозориться и потерять работу, дающую возможность добраться до какой-нибудь знаменитости.

Три года назад я устроился оператором по кондиционированию в престижный отель в Каннах. Я рассчитывал работать до Каннского фестиваля, а после его начала получить сенсозаписи тех известных актеров и режиссеров, которые там поселятся.

Насколько известно, центральное кондиционирование осуществляется воздушным потоком, направляемым в центральный воздуховод через встроенный испарительный блок мощного кондиционера, и уже холодный воздух по системе воздуховодов распределяется по помещениям всего здания. Моя задача была не только обеспечивать работу кондиционера, но и следить за температурой в номерах. Прекрасный повод заходить в номера, включая президентский.

Франсуа, поселившийся неподалеку, давно установил и отрегулировал аппаратуру, которая должна была получать и записывать ощущения, передаваемые сенсодатчиками. Мы опробовали всю систему на совсем неизвестных постояльцах — все работало прекрасно. Оставалось дожидаться приезда знаменитых личностей и через некоторое время установить сенсодатчики в трех или четырех самых роскошных номерах.

Фестиваль начался через неделю. Наш расчет оправдал себя — в лучшие номера заехали звезды: три актера и один режиссер. На следующий день я пошел по этим номерам проверять работу кондиционера. Сенсодатчики оказались в нужных местах.

Мы успели сделать несколько десятков часов сенсозаписей, включая интимные сцены, когда меня поймали. Оказывается, телохранитель одной звезды наткнулся на сенсодатчики, вызвал службу безопасности отеля. Ее сотрудники без лишнего шума устроили проверку и нашли сенсодатчики

еще в трех номерах. Потом они заманили меня в ловушку — отключили датчики в одном из номеров, а когда я пришел выяснить, что произошло, схватили меня с поличным.

Меня привели к начальнику службы безопасности. Это был рослый мужчина с короткой стрижкой и суровыми глазами, явно бывший военный. На столе перед ним лежало все мое оборудование.

— Зачем вы это делали? — жестким голосом спросил он.

— Я — сенсопапарацци. Люди любят подробности из жизни своих кумиров. Я даю им эту возможность. Я никого не убил, не ограбил, я всего лишь позаимствовал ощущения нескольких звезд во время пребывания в нашем отеле.

— Это вторжение в личную жизнь. Вы нарушили закон. Это уголовное преступление. Кроме того, на вас подаст в суд отель. Я вызываю полицию.

— Подождите, а отель за что? — удивился я.

— Вы нанесли урон репутации нашего заведения.

— Но ведь сенсозаписи никуда не ушли, — напомнил я. — Они перед вами. Должен сказать, что мы с Франсуа подстраховались — приемную аппаратуру поставили и в отеле, в техническом помещении, где располагался кондиционер. Так что я делал вид, что работаю в одиночку, а передать кому-то записи не мог, поскольку еще не закончил их.

— Если не поднимать шум, никакого урона репутации отеля не будет, — вкрадчиво проговорил я. — О вторжении в личную жизнь тоже никто не заявлял...

Он еще больше надулся, потом зачем-то спросил:

— Вы француз?

— Да, — с некоторой веселостью отвечал я. — К счастью.

— Почему, к счастью?

— Потому что было бы обидно, если бы выяснилось, что здесь, во Франции, этим занимается американец или китаец.

Он не счел мою шутку смешной. Сохраняя строгость на лице, он вызвал управляющего, подчеркнув, что дело крайней важности. Тот не замедлил явиться, как всегда, в прекрасном костюме и с величественным выражением на лице. Выслушал начальника службы безопасности. Дождавшись, когда он закончит, я повторил свою мысль:

— Если не поднимать шум, никакого урона репутации отеля не будет.

— Отелю не нужен скандал, — сухо произнес он, глядя на меня с явным презрением. — Вы уволены. Без выходного пособия. И вы оставите записи.

— Возьмите. — Я вытащил карты памяти, положил перед ним. — Могу идти?

— Да.

Я рассовал часть моего оборудования по карманам, остальное сгреб в охапку и направился к двери. Но в дверях повернулся.

— Надеюсь, у вас нет ко мне претензий по части кондиционирования воздуха?

— Убирайтесь! — рявкнул управляющий.

В тот раз все закончилось как нельзя лучше. Не пришлось прибегать к помощи моего адвоката Жана Марка. Вот уж кто привык вытаскивать меня из всяких передряг. А главное, то, что мы успели записать до моего разоблачения, осталось у нас. Конечно, не могло идти речи об официальных дисках, выпущенных какой-нибудь известной фирмой. Но во Франции, как и в других странах, немало подпольных фирм, плодящих неофициальные сенсодиски, продаваемые потом из-под полы скользкими типами — там тоже платят хорошие деньги за скандальные сенсозаписи. И мы с Франсуа получили их.

А вот в Берлине, где я в расчете на кинофестиваль Берлинале смог устроиться электриком в довольно престижном отеле, там поспешили: поймав меня, тут же вызвали полицию. Я был арестован.

Судья, принимавший решение о предварительном заключении, задал мне классический вопрос:

— Зачем вы это делали?

— Ваша честь, я — сенсопапарацци, — привычно отвечал я. — Люди любят подробности из жизни своих кумиров. А я даю им возможность почувствовать эти подробности. Я никого не убил, не ограбил, я всего лишь позаимствовал ощущения нескольких звезд во время их пребывания в отеле.

Увы, но моя деятельность не показалась ему невинной. Я попал за решетку.

На следующий день мне на подмогу прибыл Жан Марк. Добившись свидания со мной и получив нужную информацию, он тут же включился в дело: начал переговоры с руководством отеля, с полицией, судьей. А я отдыхал в компании хулиганов, дебоширов и наркоманов.

Все обошлось. К счастью, журналисты ничего не пронюхали. Это было мне на руку. И в Берлине отель не захотел раздувать шум, привлекать к себе ненужное внимание, снял свой иск по урону репутации, а звезд не стали информировать о происшествии, так что исков ко мне по поводу вторжения в личную жизнь тоже не последовало.

Меня выпустили через три дня. Единственно, чем меня наказали — конфисковали все оборудование. Это сделали по решению судьи. Немцы. Что с них возьмешь?

Жизнь сенсопапарацци полна трудностей и неожиданностей, чаще неприятных. Не каждый к ней способен. Конечно, я не собирался стать сенсопапарацци в детстве. Вопреки надеждам отца, я мечтал о карьере банкира. Мне казалось, что это самое хорошее на земле — быть уважаемым банкиром, приезжать на большом черном автомобиле на работу в красивое здание, ходить по хранилищам, заполненным деньгами, давать людям

деньги на разные дела. Откуда у меня появилось такое представление, ума не приложу. В том небольшом городке Гроле на юге Франции, где я рос, не было таких банкиров. А на большом черном автомобиле ездил только владелец замка, расположенного неподалеку. Вероятно, мечта о карьере банкира возникла под впечатлением какого-то кинофильма, увиденного в детстве. Но позже, когда я учился в лицее, я понял, что если получу профессию финансиста и пойду работать в банк, максимум чего добьюсь, так это должности ведущего или старшего менеджера, поскольку шанс занять кресло управляющего банком имеют лишь сынки богатых родителей. Я резко сменил курс — решил стать артистом. Закончив лицей, отправился в Париж, поступил на курсы актерского мастерства. Отец не одобрил это, мне приходилось зарабатывать на курсы и на жизнь. Сначала мыл посуду в ресторане, потом стал официантом. Время от времени снимался в массовках. Мечтал о серьезных ролях. Да, я не красавец, но не все выдающиеся актеры блистали красотой. Важно обаяние, а оно у меня есть.

Увы, три года усилий по окончании курсов не принесли результата — я не смог получить ни одной хотя бы небольшой роли. Ощущение, что мои ожидания были завышенными, стало преследовать меня. Я решил попробовать себя в качестве фотокорреспондента, что было вполне логично: в детстве отец учил меня обращению с камерой и основам фотографии, какое-то время я снимал одноклассников, стараясь поймать неожиданные моменты, и отец хвалил меня. Я стал выполнять задания нескольких желтых газет. У меня получалось. Ездил на происшествия, на суды, на важные события. Но интереснее всего для меня было охотиться за знаменитостями. Именно по этой причине я довольно быстро пополнил ряды папарацци. Ну, а как только появился ощуцизм, я одним из первых переквалифицировался в сенсопапарацци. К этому периоду я успел трижды жениться и развестись.

Франсуа поначалу был моим конкурентом. Это еще в пору обычных папарацци. Один раз мы с ним сильно сцепились около дома одной знаменитости. Франсуа крупнее меня, и мне тогда досталось. Но потом, когда настала новая эпоха, и я быстро понял, что в одиночку работать не получится, я разыскал его и предложил стать партнером. Франсуа неглупый парень, сразу понял выгоды тесного сотрудничества. С тех пор мы с ним — дружный дуэт, каждый из нас знает, что может доверять другому и полагаться на него.

Убедившись в том, что первый вариант действий, рассчитанный на ловлю знаменитостей за пределами их жилья, более не применим, мы с Франсуа решили перейти ко второму варианту, гораздо более рискованному. Внутри этого варианта есть свои подварианты. Наименее опасный, но более долгий — постараться попасть в службу знаменитости, допущенную в дом. Более быстрый, но грозящий тюрьмой — забраться в коттедж и установить там аппаратуру.

Быстрый вовсе не означает простой. Прежде всего, надо изучить, насколько это можно сделать снаружи, территорию коттеджа и устройство дома. Кроме того, забираться к знаменитости в дом в ее присутствие — безумие. Могут пристрелить, приняв за грабителя. Значит, аппаратуру надо устанавливать в отсутствие знаменитости. А для этого надо следить за ней, знать о длительных отъездах, для чего необходимо некоторое время покрутиться поблизости. Это лучше делать на родине — иностранцы, застрявшие неподалеку от коттеджа или виллы какой-то знаменитости, неминуемо вызовут подозрение соседей. Мы с Франсуа не настолько идеально говорим по-английски, чтобы выдавать себя за американцев или англичан, да и подделывать документы мы не считаем возможным. Мы — честные сенсопапарации. Мы нарушаем закон только в одном — вторгаемся в личную жизнь.

В качестве первого объекта мы выбрали всемирно известного актера. Мы довольно быстро отыскали район в предместье Парижа, где он жил в промежутках между съемками. Место было не слишком удобное для нас: кругом дорогие коттеджи, спрятаться негде, поселиться — тоже. Мы стали выяснять, не нужны ли интересующей нас звезде или ее соседям какие-нибудь специалисты: электрики, сантехники, садовники? Оказалось, нет, никто не нужен. Тогда мы стали придумывать другой вариант. И придумали, прежде всего, благодаря Франсуа. Он предложил установить рядом с территорией коттеджа несколько видеокамер, чтобы видеть и коттедж, и окружающее пространство. А я нашел вариант, как это сделать, не вызывая подозрений. Через интернет мы купили специальный микроавтобус, оборудованный подъемником, сфотографировали похожие микроавтобусы городской электрокомпании, сняв на несколько дней гараж, перекрасили наш. А еще мы добыли похожие комбинезоны. Теперь можно было приступать к операции.

Мы приехали туда в рабочий день в районе одиннадцати часов. Остановились около одного из столбов, расположенного рядом с территорией объекта нашего интереса и будущего наблюдения — как и другие столбы, он был выкрашен темно-бардовой краской. Я выдвинул подъемник, а Франсуа забрался наверх и установил миниатюрную видеокамеру с передатчиком. Затем мы подъехали к еще одному столбу, и еще, и на каждом по другую сторону от светильника Франсуа установил наше оборудование. Для вида мы остановились еще около пяти столбов, мой приятель тоже поднимался наверх, но ограничивался лишь внимательным осмотром светильника. Если бы к нам пристали с вопросом, что мы делаем, мы бы ответили, что это профилактика, однако, нас никто ни о чем не спросил.

Отъехав за несколько кварталов, мы попробовали поймать сигнал прямо в микроавтобусе — Франсуа смонтировал все необходимое для этого. Поочередно на трех мониторах появилась картинка, и весьма хорошего качества. Мы

видели дом с окружающей территорией в двух ракурсах и сам коттедж, занимающий полностью один из мониторов. Можно было начинать наблюдение.

Мы занялись этим посменно в том гараже, который сняли. Слава Богу, нас там никто не тревожил. Довольно быстро мы установили, что в тех случаях, когда объект уезжает надолго, на территории коттеджа остаются трое: садовник, дворник и женщина, исполняющая роль то ли управляющего, то ли экономки. Дворник приезжал на работу утром и уезжал вечером, а вот садовник ночевал в коттедже на первом этаже. Он был мужем, а может, любовником управляющей. Ночью мы спокойно могли установить в спальне на третьем этаже наше оборудование.

Неясно лишь было, как проникнуть в дом, не оставив следов. Мы не грабители, мы хотим не украсть, а принести свое. И для этого нам нельзя оставлять следов. Никто не должен заподозрить, что в доме побывали посторонние. Тогда есть шанс, что наши сенсодатчики долго не обнаружат. Поэтому взламывать двери и выбивать окна мы не можем.

По многу раз осматривая коттедж на мониторах, мы, в конце концов, увидели его — приоткрытое окно на третьем этаже с той стороны, которая не слишком хорошо просматривалась правой камерой. На это мы и рассчитывали: в дорогих коттеджах есть кондиционеры, но зачем включать их в отсутствие хозяев? Теперь оставалось только действовать. Подготовка заняла три дня. Мы пробрались на территорию коттеджа в середине ночи, когда ни одно окно не светилось в окружающих домах. И я, и Франсуа надели черные спортивные костюмы, дабы слиться с окружающей темнотой. Очки ночного видения помогали нам ориентироваться. Около коттеджа мы переобулись мягкую, удобную для лазания обувь, а главное, чистую, дабы не оставить следов, и взобрались на крышу по выступам на углу причудливого в архитектурном плане дома. Потом, используя альпинистское оборудование, спустились на двойной веревке к незакрытому окну, проникли внутрь, отыскали целых две спальни. Хорошо, что у нас было с собой достаточно сенсодатчиков — мы установили их на обеих широченных кроватях. Потом по веревке я спустился вниз. Вслед за мной веревкой воспользовался Франсуа, не забыв вернуть в прежнее положение окно. После этого, выбрав веревку, мы быстро покинули окружающую коттедж территорию. Признаться, я ощущал себя там не слишком хорошо, особенно когда находился в доме. Это не помешало мне действовать без ошибок, но пока мы не выбрались на улицу, неприятный холодок томился в моей груди.

После успешной вылазки наше дежурство продолжилось — теперь надо было узнать, что актер вернулся домой. В тот день, когда это случилось, мы включили запись сигналов, поступающих со всех сенсодатчиков. И были вознаграждены: актер занялся сексом с двумя дамочками. Удалось записать и его, и их ощущения. И какие! Он был весьма любвеобилен и неистов. Настоящий француз.

Я понимаю, что подобное вмешательство в частную жизнь за гранью не только закона, но и некоторых нравственных ограничений. Вместе с тем, если не я, все равно найдется кто-то, кто сделает это — украдет ощущения известной личности. Потому что простые люди хотят этого. Звезды должны понимать, что за популярность надо платить. Не деньгами, иным. Какие мысли на этот счет у Франсуа, не знаю. Мы с ним никогда не говорили на подобные темы.

Те записи мы продали за очень хорошие деньги. И уехали отдыхать. Я — на Гавайи. Мне хотелось погреться на солнце, поплавать, завести небольшой любовный роман. А Франсуа улетел в Новую Зеландию — ему давно хотелось побывать там.

Мы вернулись во Францию через месяц. Как раз в это время разразился скандал. Диски с сенсозаписями увлекательного общения известного артиста с дамочками стали активно продаваться из-под полы по всей Европе, и очень скоро это стало известно ему. Раздобыв диск, он выяснил, что записи были сделаны в его коттедже. И тут же обратился в полицию. Та мигом нашла сенсодатчики, которые установили мы с Франсуа — об этом говорили по телевизору. Но на датчиках не было написано, чьи они. На них вообще отсутствовала маркировка — мы уничтожили ее. Фирму еще реально было определить, но кто, где и когда приобрел данную партию ее продукции — нет. С другой стороны к нам тоже нельзя было подобрать: изготовители подпольных дисков никогда не выдадут сенсопарацци, иначе они лишатся скандальных сенсозаписей, приносящих миллионы евро. Нам ничто не угрожало.

Передохнув, мы с Франсуа взялись за новый проект. На этот раз выбрали в качестве объекта известную актрису. Нам удалось узнать, что у нее есть дом в окрестностях Ниццы. Мы приехали в приморский город поездом, поселились в гостинице, за два дня присмотрели и сняли на три месяца гараж, а еще квартиру, тоже на три месяца. И уехали обратно в Париж. Вернувшись, мы вновь поехали в Ниццу, я — на легковой машине, а Франсуа — на микроавтобусе, том самом, с подъемником.

Микроавтобус был поставлен в гараж, приемное оборудование расположилось в квартире. На следующий день мы съездили на разведку в тот пригород, где находился дом актрисы. Остановившись неподалеку, мы наметили, на какие столбы уличного освещения установим видеокамеры. Вечер мы провели в ресторане, а утро начали с того, что отправились в гараж, где надели комбинезоны. Потом выгнали на улицу микроавтобус, а легковой автомобиль — недорогой Ситроен, чтобы не бросался в глаза — поставили на его место.

Я сел за руль микроавтобуса, Франсуа занял пассажирское место. Посмотрев с ухмылкой на приятеля, я тронул наше средство передвижения и работы. Мы поехали по улицам Ниццы, небольшой дождь ничуть не мешал нам.

Когда микроавтобус остановился у первого столба, я вышел, поднял корзину подъемника, Франсуа забрался наверх, приступил к работе. Нацепив равнодушное выражение на лицо, я неспеша разглядывал окрестности. Никто не заинтересовался нами. Редкие прохожие были погружены в собственные проблемы, в окна стоящих вокруг коттеджей тоже никто не торчал.

На этот раз Франсуа установил три видеокамеры с передатчиками на большем расстоянии друг от друга, чем прежде, так что мы теперь могли прекрасно видеть дом с трех сторон. Вернувшись в снимаемую квартиру, мы тотчас приступили к наблюдению за коттеджем и окружающей его территорией.

Дежурили поочередно: три часа один, потом три часа другой. Пока один тупо смотрит на мониторы, другой может прогуляться, пообедать, поспать, погладить на экран телевизора. Вы не представляете себе, насколько трудно сидеть, уставившись в мониторы, на которых ничего не меняется. Это похоже на наказание. То тынет в сон, то лезут какие-то глупые мысли, то устают спина, то затекают ноги, то слезятся глаза. Но что поделать, если у нас такая работа?

Через десять дней, совсем изнузивших нас, мы выяснили, что в коттедже никто не живет на постоянной основе. Когда актрисы не было, два раза в неделю приходил садовник, один раз — уборщица, которая в течение трех часов делала влажную уборку всех комнат.

Мы долго не могли придумать, как проникнуть внутрь. Все окна были наглухо закрыты. А как иначе — осень. Рассчитывать на незапертые двери мы тоже не могли. Воспользоваться отмычками? Ни я, ни Франсуа не умели пользоваться ими. Потому что отмычки не решали проблемы: за входной дверью, как правило, располагается охранная система. Безвыходная ситуация? И вдруг меня осенило: дверь! Та, которая ведет на смотровую площадку на крыше. Я предположил, что она не запирается — какой смысл запираеть ее там, наверху. Поскольку других вариантов не было, не оставалось ничего иного, как подняться на крышу и проверить.

Мы решили забраться на крышу по веревке, воспользовавшись специальным альпинистским оборудованием. В этом я знал толк еще с тех времен, когда был обычным папарацци. В ближайший вечер мы будто бы поехали повеселиться. По крайней мере, такое впечатление должно было появиться у соседей. Покатавшись по окрестностям Ниццы пару часов, мы оставили машину в трех кварталах от интересующего нас коттеджа, надели темные спортивные костюмы, нацепили рюкзаки и пешком отправились к месту операции.

Нам везло — в окрестностях коттеджа не было ни единой души. Мы перемахнули через невысокий забор, приблизились к трехэтажному дому. Я снял рюкзак, достал из него веревку и гарпун, зарядил гарпун крюком. Поднял вверх, выстрелил. Шум был не слишком сильный, как от пневматического пистолета, но я все равно долго оглядывался по сторонам. Фран-

суа — тоже. Ничего не изменилось. Я потянул за веревку. Через некоторое время она натянулась — крюк нашел зацепку. Я закрепил на веревке подъемное устройство.

— По-моему, тебе не стоит подниматься, — тихо проговорил я. — Справлюсь один.

— А если дверь заперта?

— Чем ты сможешь?

— Пока не знаю. Что будешь делать?

— Разобью стекло.

— Верный признак того, что кто-то посторонний побывал в доме.

— В любом случае, надо подняться. Я полез.

Через минуту я был наверху. С волнением нажал на ручку, потянул дверь — она поддалась. Я оказался прав: дверь закрывалась, но не запиралась.

На всякий случай я проверил, не подведена ли к двери сигнализация, но ничего не обнаружил. Я начал спускаться по лестнице, наполняя пространство негромкими звуками. Оказавшись в коридоре, внимательно осмотрел углы — к счастью, никаких датчиков движения. Я открыл правую, ближнюю к лестнице дверь. В комнате стояла кровать, не слишком большая, стол, с одной стороны располагались раздвижная дверь встроенного шкафа и двери в туалет и в ванную. Насколько понимаю, это была комната для прислуги. За левой дверью в коридоре я обнаружил то, что искал — хозяйскую спальню. Здесь стояла непомерно широкая кровать, здесь встроенный шкаф был размером с комнату, здесь мебель радовала своей изящностью.

Сняв рюкзак, я достал сенсодатчики, необходимые инструменты, не медля приступил к установке датчиков на спинке кровати и изголовье, там, где располагаются подушки. Потом я тщательно убрал мусор и направился к выходу. Из любопытства я посмотрел, что там, за третьей дверью. Это был кабинет.

На смотровой площадке я освободил крюк, скинул вниз двойную веревку и быстро спустился. Оставалось только выбрать веревку.

Франсуа заждался меня. Немедленно последовал вопрос:

— Была открыта?

— Да, — победно ответил я.

— Все нормально?

— Все прекрасно. — Я засунул веревку в рюкзак, надел его. — Пошли.

Мы стремительно покинули территорию коттеджа. На улице опять никого не было. Начало операции получилось удачным.

Наше возвращение в квартиру, по-моему, никто не заметил. В любом случае, все выглядело невинно. Теперь можно было отдохнуть. Мы от души выпили бренди и завалились спать.

Известная актриса появилась через десять дней. Сначала я обнаружил, что уборщица пришла в неурочный день, потом возникла еще одна женщина, которую мы не видели раньше. После этого приехал фургон — привез продукты, а новая женщина помогала их разгружать. И только вслед за тем прикатил шикарный Роллс-Ройс, выпустил из кожаного салона мужчину мощного телосложения, насчет которого я ни секунды не сомневался: телохранитель. За ним последовала соблазнительная красотка с длинными светлыми волосами в сопровождении другого мужчины, довольно смазливого. Все они исчезли в доме. Спустя некоторое время приехали еще какие-то люди. Они вели себя абсолютно раскованно. Судя по всему, намечалась пирушка.

В эту ночь мы не получили никакой записи — сначала никто не спал на громадной кровати, потом ненадолго появился парный сигнал, весьма специфический, и вскоре исчез. Объяснялось это просто: два пьяных человека добрались до кровати и тут же отключились. Аппаратура записывает ощущения, то есть сигналы, получаемые органами чувств. Сновидения ей недоступны.

В середине следующего дня сенсодатчики опять зафиксировали сигналы. Но запись была короткой — те, кого мы записывали, проснулись и довольно быстро покинули постель. Нам оставалось только ждать.

Часть гостей еще оставалась в доме. Они уехали только к вечеру — мы видели это по мониторам. Вечером звезда рано легла спать. Перед тем, как заснуть, она жаловалась на головную боль. И я, нацепив шлем, ощутил эту боль, протяжную, изматывающую.

На следующее утро мы дождались того, ради чего рисковали, мучились с установкой видеокамер, а потом — сенсодатчиков. Актриса и ее друг занялись любовью. Мы получили пикантную запись, но это было короткое соитие, можно сказать, дежурное. Стоило продолжить нашу охоту на выбранный объект.

Во второй половине дня телохранитель куда-то уехал на Роллс-Ройсе, а через некоторое время сенсодатчик выдали сигнал. Наши подопечные вновь занимались любовью, на этот раз весьма бурно. Мы с Франсуа вели запись, поглядывая друг на друга с довольной ухмылкой. Я думал о том, что как только выдастся возможность, надо повидать ту женщину, с которой я познакомился в последнюю передышку и очень мило проводил время. И вдруг услышал вскрик, чуть позже голос актрисы: «Гийом?! Как ты вошел?.. Ты оставил себе копию ключей? Какая ты сволочь. Зачем ты пришел? Что тебе надо?» «Хотел посмотреть, как ты занимаешься любовью с другим женщиной», — раздалось в ответ. И опять женский голос: «Извращенец. Я сказала, что между нами все кончено. Убирайся. И оставь ключи». «Ты не права. Еще не все кончено». — Это было сказано очень спокойно, и по-

тому звучало зловеще. «Клод, разберись с ним! — актриса уже рассердилась. — Что ты сидишь? Встань и дай ему. — И совсем другим, испуганным голосом. — У него пистолет!» Потом раздалось подряд четыре или пять выстрелов, и все стихло.

Я ошарашено глянул на Франсуа.

— Он убил их, — вырвалось у меня, хотя и так все было ясно. — Что будем делать?

— А какие у нас варианты? — мрачно поинтересовался мой напарник.

— Там наши сенсодатчики. Полиция найдет их при обыске. Может быть, полезть и снять?

— По-твоему, полиция не поймет, что убил один, а сенсодатчики поставили другие?

— Они могут завести отдельное дело.

— Но если мы снимем датчики, а потом появится на улицах наша сенсо-запись, полиция все равно поймет, что кто-то делал ее. С другой стороны, если мы сейчас заберемся в дом, мы можем попасть в подозреваемые.

— У нас на руках сенсозаписи, — напомнил я. — Там доказательства нашей невиновности... Давай посмотрим, как он выглядит, этот Гийом.

Я установил время на пять минут назад, надел сенсошлем... Я вижу лицо мужчины передо мной, молодого, красивого до слащавости. Его член в вагине... И тут шум двери, шаги. Кто-то еще в спальне. Кто?! Я отталкиваю мужчину, который сверху, приподнимаю голову. Перед кроватью стоит рослый мускулистый мужчина с грубоватым лицом. Я успеваю заметить, что спальня отделана розовым шелком — устанавливая сенсодатчики ночью, я не заметил этих красот. «Гийом?! Как ты вошел?.. — Женский голос исходит как бы из меня. — Ты оставил себе копию ключей? Какая ты сволочь. Зачем ты пришел? Что тебе надо?» Взгляд у Гийома злой. «Хотел посмотреть, как ты занимаешься любовью с другим женщиной», — небрежно произносит он. Я чувствую вздымающееся раздражение. И вновь слова, идущие изнутри: «Извращенец. Я сказала, что между нами все кончено. Убирайся. И оставь ключи». Он сохраняет спокойствие: «Ты не права. Еще не все кончено». Раздражение переходит все пределы. Я поворачиваю голову к мужчине, сидящему рядом, опустив ноги на пол, жестко произношу: «Клод, разберись с ним! Что ты сидишь? Встань и дай ему». И вдруг я вижу, как Гийом достает из кармана пистолет, наводит на меня. Страх сжимает меня, тот исконный, первобытный страх, который всегда сопутствует опасности погибнуть. Вырывается сдавленное: «У него пистолет!» Потом из черной дырочки вырывается пламя, что-то сильно ударяет меня в грудь, еще пламя... перед глазами темнеет. Я больше ничего не вижу, но спокойное, благостное ощущение расходится по мне. И угасает. Более ни звуков, ни ощущений.

Сняв шлем, я с минуту сидел неподвижно, глядя перед собой.

— Мы туда больше не пойдем, — наконец выговорил я.

Франсуа ничего не сказал на это. Мой напарник застыл с хмурым видом и лишь через какое-то время задал вопрос:

— А как он оказался в доме?

— Через дверь. — Я пожал плечами.

— Что-то я не видел, чтобы кто-то входил.

— Мы с тобой увлеклись, — напомнил я.

— С улицы никто не входил на территорию, — резонно заметил Франсуа.

— Пожалуй, так, — задумчиво согласился я и тотчас оживился. — Запись с мониторов!

Мы приникли к мониторам. На них никого не было, только дом и окружающая территория. Но в какой-то момент я увидел человека, неожиданно возникшего рядом с входной дверью. Он быстро открыл ее, вошел внутрь.

— Вот! — воскликнул Франсуа. — Откуда он появился?!

— Пришел со стороны моря.

Секунду подумав, он выговорил:

— Пусть полиция разбирается. Давай собираться.

Мы собрали свои вещи, упаковали оборудование. Но сомнение, которое висело во мне, оформилось в конкретную мысль:

— Франсуа, нам не стоит так поступать. Убийство, и мы сразу исчезаем. Подозрительно. Давай сделаем так. Ты уедешь один и уберешь отсюда микроавтобус, который мелькал там, около коттеджа. А я поживу здесь еще пару дней. И вот еще что. Надо сделать копию с записи. Чтобы у каждого была запись. Нам надо подстраховаться на все случаи жизни.

Франсуа, не говоря ни слова, принялся распаковывать часть оборудования. Как только появилась копия сенсозаписи, все опять было запаковано. Мы взяли оборудование и вещи Франсуа, спустились к Ситроену. Уже стемнело. Я отвез Франсуа к гаражу. Он открыл ворота, выгнал микроавтобус на улицу. Вещи перекечевали туда. Франсуа сел за руль.

— Счастливо доехать, — пожелал ему я.

— Жду тебя через два дня.

Он уехал, скрылся за поворотом, утащив красные габаритные огни, а я неспеша сел в машину, отправился назад. Как только приехал, включил телевизор. В ночном выпуске новостей никаких сообщений об убийстве не прозвучало.

олиции стало известно о двойном убийстве лишь на следующий день. Телохранитель вернулся в коттедж еще вечером, но он ничего не заподозрил — все было на месте, никаких следов несчастья за пределами спальни, куда он и не подумал заходить, полагая, что хозяйка и ее приятель заняты соответствующим делом. Только утром, когда уборщица, наводившая

порядок в коттедже, пыталась выяснить, можно ли обратиться в спальне, а ей долго никто не отвечал, и она вызвала телохранителя, только тогда он увидел, что произошло. И вызвал полицию.

Шум поднялся большой. По всем каналам показывали дом, который был мне хорошо знаком, комнату, в которой я умудрился побывать, два трупа — женский на кровати и мужской, лежащий на полу. Что касается подозреваемых, полиция не спешила сообщать какие-нибудь фамилии.

Через два дня прошло сообщение об аресте Джереми Уэйна, приятеля убитой актрисы, который приезжал к ней накануне. Я узнал об этом накануне отъезда в Париж.

Я приехал в столицу вечером. С Франсуа мы встретились в нашем любимом ресторанчике на бульваре Мадлен. Он пришел раньше и уже заказал бренди.

— Нормально доехал? — спросил он.

— Да. — Я глянул ему в глаза. — Ты слышал, по подозрению в убийстве актрисы арестовали какого-то американца.

— Слышал.

— Но это же не Гийом... — Я не стал продолжать, Франсуа и так понял.

— Пусть полиция разбирается, — отрезал он. — Как мы поступим с записями?

— Продадим, — без колебаний ответил я. — Вопрос лишь в том, стоит это сделать сейчас или спустя какое-то время?

— В чем, по-твоему, разница?

Я хлебнул бренди.

— Если запись появится сейчас, полиция начнет искать нас. Ей будет необходимо узнать, как появилась эта запись. И она может выйти на нас. А если после того, как полиция найдет настоящего убийцу, ее интерес к обстоятельствам появления записи будет гораздо ниже.

— Но сейчас эта запись сверхгорячая. За нее можно попросить гораздо больше, чем потом.

— Это так, — согласился я. — Однако, помимо хороших денег неплохо бы обойтись без тюремного срока и, главное, без огромного штрафа.

— А что изменилось? Раньше у нас не было проблем.

— Убийство. Да еще такое громкое. Полиция перевернет все вверх дном.

Франсуа сосредоточенно молчал некоторое время, вслед за тем проговорил:

— Если мы в первую очередь поможем полиции, вручим ей первой сенсозапись, объясним, как она появилась, то есть дадим доказательства, что она подлинная, они не подадут на нас в суд.

— Но они могут запретить нам передавать запись фирмам для распространения.

— На каком основании?

— Она получена незаконно.

Франсуа скривил физиономию

— Черт возьми, влипли... Что будем делать?

— Решать надо сейчас. Времени у нас нет. Выбор простой: деньги или отсутствие проблем.

— Пожалуй, так, — согласился мой напарник. Глотнув бренди, он поси-
дел в задумчивости, потом с какой-то непосредственностью сообщил. — Я
выбираю деньги.

— Я — тоже.

Мы разработали такой план: продаем запись, вносим деньги частями в
несколько банков, и один из нас, на кого падет жребий, улетает в США. А
другой, выждав три дня, отправляет в полицию сенсозапись с письмом, в
котором будет подробная информация о том, как появилась эта запись. Но
без малейших намеков на то, кто сделал эту запись, и сколько нас было. Мы
даже учли возможность найти автора письма по анализу остатков ДНК на
нем — за бумагу и за конверт следовало братья в перчатках. Подбросив
письмо, другой вылетает в США вслед за первым. А там мы сможем жить
очень долго. Денег хватит.

Не откладывая, мы бросили жребий — подготовили два куска салфетки
с надписью «первый» и «второй», сложили их, перемешали. Я взял один из
них, развернул. Прочел: «первый».

На следующий день состоялась встреча с владельцем фирмы, выпускаю-
щей сенсозаписи. Он мигом нашел для нас время, услышав, что у нас горя-
чий материал. Поначалу на его лице покоилось слегка пренебрежительное
выражение. Он согласился надеть шлем и посмотреть нашу сенсозапись.
Мы не видели, как менялось его лицо в ходе просмотра — шлем скрывал
его. Но он дергался несколько раз, а когда снял шлем, вид у него был при-
шибленный. А потом его небольшие темные глазки прямо-таки зажглись.

— Сколько вы хотите? — азартно спросил он.

— Это очень горячая запись, — уклончиво проговорил я. — Она будет
пользоваться колоссальным успехом.

— Сколько?

Я назвал сумму, от которой возникла радость на сердце. Немного по-
думав, он решительно произнес:

— Согласен. Но столько наличных у меня нет. Часть денег я переведу
на счет, который вы укажете.

Я с хитрым видом посмотрел на Франсуа:

— Ты не против?

— Я не против, — с некоторой игривостью выдохнул он.

Через час мы убедились в поступлении значительных сумм на мой счет и счет Франсуа. После этого получили еще по весьма значительной сумме наличными каждый. Мы покинули офис владельца фирмы, оставив его с нашей сенсозаписью.

Остаток дня и следующий день я потратил на то, что ездил по банкам и вкладывал по частям полученные деньги. Франсуа не надо было спешить, у него для этого было гораздо больше времени. Переночевав, я наскоро собрал вещи и направился в аэропорт. Через семь часов я оказался в Нью-Йорке.

Франсуа прилетел через три дня. К этому времени даже в Америке стало известно о появлении сенсозаписи убийства известной актрисы. Убийцей оказался совсем не тот, кого подозревала французская полиция. Диски с этой записью расхватывали по всей Европе, и они уже появились в Америке. На следующий день с той стороны Атлантики пришла новая сенсация — сенсопарацци прислали письмо в полицию, в котором рассказали о том, при каких обстоятельствах была сделана сенсозапись. Но кто они — осталось неизвестным. Никаких деталей, позволяющих выяснить это. Более того, на письме, распечатанном на принтере, не оказалось следов ДНК. Мы с Франсуа посмеивались, слушая подобные сообщения. Умный может позволить себе быть веселым.

Что было дальше? Мы прекратили зарабатывать на жизнь в качестве сенсопарацци — я стал портфельным инвестором, купил квартиру в Нью-Йорке и, в довершение ко всему, завел жену, а мой напарник Франсуа, превратившись в рантье, принялся путешествовать по миру. У нас все прекрасно. Однако порой я чувствую страстное желание начать слежку за каким-нибудь зданием, а потом незаметно залезть в него, установить там сенсодатчики, приступить к сенсозаписи. Когда мы встречаемся с Франсуа — это происходит не часто — он признается мне в том же. Что поделать — прошлое живет в каждом человеке.

Кирилл Ковальджи

БЕССАРАБСКИЙ СЛУЧАЙ

Конспект романа

Кирилл Ковальджи родился в Бессарабии. Там — в Кагуле и Аккермане — прошло его детство. Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года предусматривал аннексию Бессарабии к СССР. 26 июня 1940 последовала нота румынскому послу в Москве относительно передачи Бессарабии, а также Северной Буковины Советскому Союзу. 28 июня 1940 года на территорию Бессарабии были введены части Красной Армии. Спустя год, после вторжения Гитлера на территорию СССР, в Бессарабию вошли румынские войска. Именно в этом, можно сказать, специфическом, пространстве и в этом контексте будущий писатель стал очевидцем Второй мировой войны. В этом же драматическом пространстве живут герои известного романа Ковальджи «Свеча на сквозняке».

Основой для впервые публикуемого ниже фрагмента послужили реальные прототипы и обстоятельства.

Молодой Моисей любил Маркса и Люсю, дочку известного в городе врача. Однажды Моисей разговорился с ней в городском парке, дело было поздним вечером, они в аллее остались одни на скамейке под каштанами. Он днем был на тайном собрании ячейки и, разгоряченный, не мог остановиться — все рассказывал и рассказывал Люсе, какие чудесные ребята эти рабочие консервного завода и какое светлое будущее предстоит миру, если все поймут. Но сначала должна была понять Люся. Вот он ей и объяснял простыми словами, что на наших глазах кончается предыстория и начинается настоящая история человечества без войн, без угнетателей, без попов.

Над ними была весенняя ночь 1939 года в приморском бессарабском городке при румынах. Что-то заваривалось в Европе, начинало клокотать, тучи сгустились на Западе, а на Востоке — на том берегу Днестра уже была провозглашена новая эра, где — повторял Моисей — свободные люди жили дружно и пели:

*Над страной весенний ветер веет.
С каждым днем все радостнее жить;
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить!*

Люся сначала пыталась возражать, русские ведь убили царя, сами истребляли себя в братоубийственной войне, сколько несчастных беженцев перешли Днестр к нам. Румыния нас спасла от той бойни.

О, возражал Моисей, свободу чуть не задавили, но она победила белых генералов и буржуев! А у нас? Старый мир, ложь и самообман. Обывательский садик на вулкане!

Люся постепенно сдавалась, заражаясь энтузиазмом Моисея, но уже становилось поздно, давно пора было домой. Так и не поцеловались, как следует. Больно резанули Моисея ее слова, сказанные у ее дверей:

— Сколько времени потеряли!

А дома на Люсю накинулся ее брат Коля — опять ты с этим пархатым шляешься, понимаешь ли ты, что они хотят расколоть страну, что у них мировой заговор.

Люсю он довел до слез. Хорошо, если бы на этом и кончилось. Но Люся в сердцах что-то ляпнула про борьбу ребят с консервного завода за справедливость, и Николай взял да и стукнул куда надо. Через два дня бедного Моисея арестовали, поколотили при допросе, но так как кроме болтовни за ним ничего не числилось, и улики при обыске не нашли, то на всякий случай дали ему год.

Но как раз за этот год мир перевернулся, и летом сорокового года в Бессарабию пришли русские и установили свою власть. Румыны бежали, похудевший, но бодрый Моисей вышел из тюрьмы и застал Люсю в слезах от радости встречи и в слезах же горя — ее брата Колю арестовали. Люся умоляла Моисея помочь, он отправился «к своим» и вернулся с печалью на лице:

— Он отсидит. Его посадили за дело, он, твой дурак, любезничал с сигуранцей...

— И ты ничего не можешь сделать? Ради меня?

Моисей развел руками.

Люся вспыхнула и выставила его за двери.

Моисей погоревал, но быстро утешился — он стал работать в газете «Знамя Советов», а там за столиком в приемной сидела блондинка, комсомолочка Вита из Одессы, с которой Моисей нашел, так сказать, общий язык. Однако месяца через два вдруг Моисей на улице столкнулся носом к носу с Николаем. Тот хотел было проشمыгнуть мимо, но Моисей цепко взял его за локоть.

— Ты откуда взялся?

— Не твое дело! — буркнул Николай и пошел, не оборачиваясь. Заинтригованный Моисей не выдержал и попробовал выяснить, в чем дело. Рыженький следователь в френче покачал головой:

— Молодец, что пришел, но, смотри, не перестарайся. Ты молодой советский гражданин, многого не понимаешь. Делай свое дело и о нашей встрече никому не рассказывай. ...

Моисей подумал, что, наверное, доктор, отец Коли, сумел поладить с новыми властями, ему и в голову не пришло, что Колю просто перевербовали. Он устроился курьером при горкоме. Моисею был противно, но со временем даже стал здороваться с Николаем и иногда заглядывать к Люсе.

А с любовью было непросто — и у него, и у Люси появились еще фигуранты, Николай же почему-то зачастил в редакцию, и как-то, между прочим, спросил Моисея, как он относится к пакту Сталина с Гитлером. Моисей прямо сказал, что это событие его поразило. Гитлеру верить нельзя!

Зря разоткровенничался, потому что через несколько дней его арестовали за провокационные слухи о войне. Наверняка, опять без Николая тут не обошлось. Моисея привычно побили прямо во время допроса и отправили в тузукку. Не прошло и недели, как грянула она сама — война!. Моисей требовал пересмотра, кричал, что всю жизнь был большевиком, потому и был против пакта с фашистами, и вот оказался прав, фашисты напали на нас!

— Ты был прав? А ЦК? Сталин хотел мира, а такие как ты, войну провоцировали! Сволочь! — и следователь сбил его с табуретки одним ударом.

В тесной камере, где набилось несколько десятков человек, Моисей вдруг увидел Николая. Оказывается, и того взяли. Им даже довелось лежать рядом у парашаи. Они несколько часов лежали молча, потом заспорили шепотом.

— Пусть я трижды подлец, — шипел Николай, — но, видишь, все подлецы. Может быть, ты из хороших евреев, но твои родичи, они во всем мире делают пакости. Они затеяли революцию в России, их Коминтерн пролез во все страны мира. Они везде. Я теперь никому не верю.

Моисей долго кряхтел, растирая ушибленный бок, потом сказал со стоном:

— Бред. Вся суть в классовой борьбе. Классовый враг выдвинул Гитлера, но немецкий пролетариат скоро его скинет, потому что он поднял руку на первую страну рабочих и крестьян. В свое время те же классовые враги проникли в Москву, убили Кирова и чуть не добрались до самого Сталина. Вот и меня посадили враги... Меня освободят, увидишь, а ты проиграл. Предавал и тех, и других с бредовой идеей в башке. Плохо твое дело.

— Это тебе как. — сплюнул Коля, — вернутся румыны, меня освободят. Твои уже бегут.

...Оба получили пулю в затылок, — им не пришлось доспорить, ибо фронт был прорван, заключенных не успевали эвакуировать, имелся груз поважней. Вышло распоряжение по-быстрому от них избавиться. Уголовников выгнали, а двенадцать политических пришлось «ликвидировать». Трупы, залитые известью, закопали на заднем дворе тюрьмы.

Румыны вошли в город и через несколько месяцев обнаружили захоронение, пронесли останки в гробах через весь город до храма, отслужили панихиду...

Ой, как плакала бы, убивалась бы Люся, но она ничего знать не могла — ее вместе с отцом за несколько дней до войны выслали в Казахстан.

Сергей Белорусец

РАССКАЗЦЫ

Из прозаической ретрописи «Песни для чтения»

Интересант

Генсеку Брежневу жить оставалось года полтора. Ранним воскресным июньским утром я шел вдоль безлюдной родной улицы (правда, по чужой ее стороне), и вдруг — откуда ни возьмись — на подходе к зданию Кинотеатра Элитарного Фильма передо мной возник благообразный старичок.

На нем была белая летняя фуражка и светлый френч сталинских времен.

А еще — серые выглаженные брюки и не бросающиеся в глаза сандалеты.

Левой рукой старик опирался на обыкновенную аптечную трость.

— Здравствуйте, я в некотором роде интересант, — эта первая его фраза явно адресовалась мне.

Я несколько опешил, пытаюсь сообразить, что означает слово «интересант».

И заодно моментально вспомнил, как пару лет назад в городе на Неве, в двух шагах от пушкинской квартиры на Мойке, вынырнувший из подворотни пьяный столкнулся со мной и неожиданно произнес:

— У меня к вам идеал!..

После чего растворился в окружающей реальности.

Благообразный старичок продолжал:

— Извините за назойливость, но давно ли вы отращиваете вашу бороду?

«Ну, все! — скучно подумал я, — опять она, эта тягомотина...»

Дело в том, что незнакомые пожилые люди (по большей части — женщины) почему-то считали возможным, оказавшись со мной рядом в какой-нибудь советской очереди или переполненном общественном транспорте, обратиться с одной и той предсказуемой до банальности тирадой.

При этом — за редким исключением, на «ты».

Тирада, выпущенная в меня страстно и праведно, обычно выглядела приблизительно так:

— Молодой человек, сбрей ты эту бороду!

Зачем она тебе сдалась!

Только старит и целоваться мешает.

Сбрей, милоч!

Не позорься!

А состариться ты еще успеешь...

За четыре неполных года ношения бороды я уже вполне свыкся с тем, что она (моя, а не чья-то) вызывает у множества различных людей повышенное внимание и активное желание вмешаться в естественный ход течения ее судьбы.

В институте был один преподаватель, грозивший не поставить мне зачет, в случае, если я не сбрею бороду.

Якобы симпатизировавший мне ответственный секретарь журнала ЦК ВЛКСМ намекал, что, если я надеюсь увидеть напечатанной собственную рецензию в этом издании, с бородой мне придется расстаться.

Бабушка каждый день в телефонном разговоре интересовалась, скоро ли я, наконец, посещу ее гладковыбритым...

Да и вообще, время было такое, когда борода безошибочно воспринималась социумом как определенный вызов и противопоставление себе.

Не могу поручиться, что ощущение этой перманентно размытой враждебности толкало меня, молодого, на открытое сопротивление вяло умирающей системе.

Скорее, вынужденно и половинчато подталкивало, ища во мне хоть какой-то наружный отклик...

— Давно ли вы отращиваете вашу бороду, молодой человек? Позвольте узнать? — благообразный старец во френче и летней фуражке по-прежнему стоял передо мной.

Я ответил нечто отдаленно похожее на правду.

— Благодарю вас, молодой человек! — сказал старец, — Вы удовлетворили мое любопытство. А теперь — не откажите в любезности, послушайте мою просьбу. И пусть она не покажется вам странной. Просьба касается вашей бороды. Наверняка, из-за нее вы уже имели сложности. Наверняка, будете иметь еще. Так вот — не сбривайте ее, молодой человек, пожалуйста, сколько сможете.

В ней есть некий мятежный дух!

Честь имею! — старец приложил чуть подрагивающую телесно-голубую ладонь к жесткому козырьку белой фуражки — и в мгновение ока — пропал.

Соткавшийся из воздуха летним воскресным утром вблизи Кинотеатра Элитарного Фильма, он всего на пару минут вторгся в мои жизненные владения.

Вторгся, чтобы на материальном уровне бесследно исчезнуть.

Еще несколько лет, всякий раз подходя к зданию Кинотеатра Элитарного Фильма, я рефлекторно притормаживал, вспоминая ту единственную нашу встречу.

А бороду я сбрил.

Месяца за четыре до своего пятидесятилетия...

Стася

— **В**ы меня убили наповал! — сказала Станислава Васильевна, мне двадцатиоднолетнему, хорошенько затянувшись.

Она курила импортные тонкие сигареты, коих в Москве восьмидесятого не водилось.

— Из междунюгана! — выдохнула статная, почти пятидесятилетняя Стася, — вдогон.

Вместе с выпущенной сквозь ноздри порцией дыма.

После чего выдала порцию серебристо-хрипловатого смеха.

Это в ее устах означало наивысшую меру поощрения.

Воздушно залитованную похвалу какой-нибудь очередной моей каламбурной шутке.

А когда Стася впервые среагировала так на мои слова, я поначалу решил, что ослышался...

Стася еще несколько раз вальяжно-элегантно затянулась — и серо-зеленые большие глаза ее в зрачках заметно расширились.

Подернулись нежной наркотической дымкой.

«Похоже, она в свои персональные сигареты что-то подмешивает» — снова пришло мне в голову.

Чтобы через пару секунд снова оттуда вылететь.

Мы выпили всей компанией за что-то малосущественное — и Стася вдруг принялась декламировать стихи.

Она их именно декламировала.

Несмотря на показавшуюся мне очевидной пародийность ситуации.

Это были стихи очень известного поэта.

И были они про нее.

Про Стасю.

Видимо, я единственный из всей спонтанно сложившейся за лето субботне-воскресной компании знал их.

Потому что читал.

И даже перечитывал.

В сохранившемся у нас дома пестрообложечном альманахе «День поэзии» первой половины, еще оттепельных шестидесятых.

Жила Станислава Васильевна в нескольких троллейбусных остановках от Серебряного бора.

В панельной хрущобе.

Вдвоем с горячо любимой таксой.

И страстнейшим образом желала выучить ее охотиться на лис.

Регулярно возила свою косолапую девочку в места скопления лисьих нор.

Где под руководством инструкторов пыталась склонить непокорную к натаске.

Однако та привычно артачилась и нос от лисьих нор высокомерно воротила...

Тогда, по слухам, решительная Стася подобрала уличного котенка.

А потом его зарубила.

Топором.

На собственном балконе.

Чтобы в таксе кровожадность вызвать.

То есть, охотничий инстинкт..

Гляделось бы логичнее, если бы Стасина такса являлась фокстерьером.

Но мне помнится, что она была именно таксой...

Утро в Серебряном бору

Был такой период в моей жизни, примерно двухгодичный (точнее, двух-летний), когда с конца мая по конец августа я ездил в Серебряный бор — купаться.

Около шести я садился в пустой троллейбус — и минут через тридцать пять оказывался на конечной.

Откуда еще минут двадцать — с желтым, выдавшим виды, потрфельчиком в руке, брел вдоль лесопарковой протоптанной широкой тропинки.

По безлюдной утренней сказке.

Потом под ногами возникал песок.

Я снимал светло-рыжие сабо, брал их в свободную руку — и вскорости добредал до берега Москва-реки — тоже пока безлюдного.

Здесь, не доходя чуть больше километра до знаменитого татаровского пляжа №3, было мое прибежище.

Идиллии не разрушали ни кучки вчерашнего мусора, не бывшие в употреблении и теперь висящие на ветках, без отдачи позаимствованные из автоматов с газированной водой, граненые стаканы.

Я расстилал старенькое одеяльце, приписанное ко мне по факту рождения (когда я вырос, Бабушка на нем гладила), пристраивал рядом портфельчик с полотенцем, запасными плавками, толстым журналом и парой яблок, а сам заходил в охлаждающую речную воду.

Напротив, на другом берегу, игрушечно торчали кривые деревенские домики.

Иногда слышался плеск, вслед за которым появлялись проплывающие мимо гребные академические лодки: от одиночки до восьмерки.

Я же — точно — был одиночка.

И в этот час, на утреннем пологом берегу — тоже...

Разрозненный народ начинал появляться часам к девяти, становясь подобием масс в районе одиннадцати.

Он кучно попадался мне навстречу, когда я уже возвращался, держа путь к троллейбусному кругу.

Но утро, о котором речь, выстроило себя несколько иначе.

Хотя сперва разворачивалось штатно.

Я купался, неторопливо разгуливал босыми ступнями по прибрежному песку и траве.

Читал «Новый мир»...

И вдруг заметил, что на берегу, помимо меня, есть еще кто-то...

Услышав звук прыгающих по речной воде плоских камешков.

Седой человек в зеленой одежде предавался обычной мальчишеской забаве, стараясь так запустить камешек, чтобы тот, проскакав, отставил после броска как можно больше уловимо булькнувших следов...

Седой косматый человек, будучи от меня в отдалении, стоя ко мне спиной, бросал в реку плоские камешки — и по его неумелым скованным девчоночьим замахам я догадался, что это женщина.

Какая-то пожилая неуютная женщина в зеленом бросала камешки в Москва-реку.

А потом бросать перестала и отошла вглубь берега, очутившись от него дальше, чем я.

А потом стала приближаться ко мне.

Постепенно.

Концентрическими кругами.

Радиус которых с каждым очередным делался все меньше и меньше..

Никого кругом не было.

Кроме нас.

И физически напрягающих меня ее концентрических кругов...

Теперь, невзирая на охватившую душу тревогу и ощутимую панику, я мог разглядеть неотвратимо приближающуюся ко мне женщину.

Зеленой была не только ее верхняя одежда (байковый больничный халат, под ним какая-то роба, на ногах пижамные штаны), но и шерстяные носки с поперечными полосками разных оттенков зеленого.

И даже мужские тупоносые, изрядно поношенные полуботинки.

И даже пластмассовая, кособокая, в обмотках изоленды (где она такую взяла?) оправа очков.

Именно оправа.

Абсолютно пустая.

Без стекол.

А на мне очков не было.

Зато в невооруженных глазах моих все было зелено, будто я очутился в Изумрудном городе, где Гудвин, великий и ужасный, распорядился выдать мне обязательные там для ношения зеленые очки...

Безумная всклокоченная седая женщина во всем зеленом (похоже, она сбегала из психиатрической лечебницы) безумными концентрическими кругами с постоянно уменьшающимся радиусом движения неотвратно приближалась ко мне, крепко опутывая меня, как водорослями, липкой зеленой тоской...

Почему-то жизнь сегодня решила дать этой ненормальной зеленую песчаную улицу.

Вот она и следовала по ней.

Как умела.

Женщина в зеленом уже настолько приблизилась, сузив кольцо до критической отметки, что теперь делала свои круги практически ко мне вплотную.

Лохматая старлица, акцентировано приподнимая колени, перешагивала через углы уроденного одеяла — лежащего на песке покрывала, а я, сидящий в самом его центре, лихорадочно вертелся — лишь бы все время быть к сумасшедшей лицом...

Она же, продолжая шествие по кругу (правда, без уменьшения радиуса движения), обратилась ко мне с вопросом.

— Вы первобытный человек?

— Нет! — опасливо ответил я.

— Почему? — искренне удивилась она.

— Так получилось, — ответ мой носил выжидательный характер.

— А деньги у вас есть? — неожиданно легко переключилась она на другое.

— Медь, — я старался быть краток.

— Покажите! — строго сказала зеленоцветка.

Я вытряс из голубых, в конце прошлой пятилетки купленных у фарцовщика за 150 рублей джинсов «Леа», кучку мелочи — на проезд и про запас — всего 24 копейки.

— Дайте мне! — капризно и жалобно попросила всклокоченная безумица.

— Остальное мое! — расхрабрившись, я сбросил в ее морщинистую ладошку два тяжеленьких пятака.

Между тем, на только что еще почти пустынном пляже стало образовываться нечто вроде тихого завихрения.

Разрозненные группки народных масс хаотичными струйками стекались к реке.

В планы сумасшедшей обладательницы двух медных пятакон это, по видимому, не входило — и она принялась постепенно исчезать.

Концентрическими кругами.

Каждый из которых, увеличивая радиус движения, уводил ее все дальше от берега.

И от меня.

Попадавшие по дороге люди незримо ее подгоняли.

А потом зримо поглотили.

Чтобы она исчезла окончательно.

Я выждал минут пятнадцать и тоже покинул пляж.

Я брел к троллейбусному кругу.

Навстречу мне перла говорливая толпа.

Стремительно заполняя общую зону отдыха.

Ремонтировщик Червяков

При всей его отзывчивости и благожелательности находиться с ним рядом, особенно в помещении, было почти невозможно из-за ужасного запаха больной преющей мочи, исходившего от хлипкого прокопчено-загорелого тела.

Вечно одетый в один и тот же болоньевый тренировочный костюм неопределенной, но неоднородной расцветки (ветровка с капюшоном да штаны без стрипок), на ногах носил он демисезонные ботинки, когда-то, очевидно, бывшие коричневыми.

Беззубо улыбающийся, услужливо-словохотливый, ремонтировщик Червяков имел в своем ежедневном словесном обращении (к миру) две коронных фразы, которые произносил вне зависимости от реального разворачивания событий — вместо привычного для среднестатистических уст и ушей мата.

— Об этом история умалчивает! — говорил он — чаще всего — ни к селу, ни к городу.

Вторая его коронная фраза столь же редко употреблялась к месту или ко времени.

В виду обычной ее безадресности.

Хотя формально вроде адресовалась собеседнику.

А звучала эта фраза так:

— И тут ты — как явление Христа народу!..

Ремонтировщик стадиона Червяков старался закрыть собой все рабочие (и прочие) ниши на архитектурно-спортивном объекте, появляясь на нем в будни около пяти вечера.

И закрывал их, тщательно выискивая — аж до шести тридцати утра.

После чего, ковыляя, бежал на оборонный завод, располагавшийся совсем неподалеку, где вертелся с семи до четырех.

На стадионе Червяков трудился по совместительству.

Кем же он был на основной работе?

Об этом (наша) история умалчивает.

Еще и потому, что практически все свое остальное жизненное время невеликий человек, ремонтировщик по совместительству, Червяков проводил на маленьком стадионе, являясь одушевленной придаточной частью пространства Большой Спортивной Арены...

Спать он предпочитал в относительно (его комнаты в коммуналке, в доме через дорогу) комфортабельном стадионном подтрибунье, на кожаном диванчике — между цветным телевизором и столом дежурного администратора.

Или — иногда — ради разнообразия — на столе.

На массажном столе в мужской раздевалке...

Но потом ему запретили.

Строго-настрого.

Даже просто появляться на пороге раздевалки.

После того, как однажды ночью Червяков воспользовался поставленным там десятилитровым электросамоваром — и сварил в нем пачку пельменей.

Себе на ужин.

Не со зла.

А так, по пьяному делу..

Дежурный администратор (согласно штатному расписанию их было трое, с работой сутки через двое) заступали в семь утра.

Чтобы уйти поздно вечером.

По идее, на ночь администратора подменял сторож (таковых наличествовало четыре штатных единицы и работали они сутки, через трое), регулирующий въезд и выезд автомобилей в течение рабочего дня.

Но не стремящийся к домашней ночевке Червяков, в свою очередь, всегда готов был подменить сторожа, которому ничего иного не оставалось, как ночевать в сторожке у ворот..

Впрочем, один из четырех сторожей воспринимал это как послабление, будучи серьезным семейным человеком и обитателем соседнего от стадиона квартала: сторож на ночь отправлялся домой, а под трибуны пунктуально являлся ровно в тот самый момент, когда по радиоточке начинал звучать гимн супердержавы победившего социализма.

У ремонтровщика Червякова наличествовал родной старший брат, регулярно, вечерами, посещавший младшего.

С всегдашней компактной сумкой из кожзаменителя через плечо, в аккуратном костюмчике советского клерка, при галстукке, внешне он разительно отличался от Червякова, хотя печать неустроенности легко прочитывалась в его влажных собачьих глазах и чуть суетливом одиноком облике.

Прежде, чем начать ежевечерние поиски Червякова-младшего, Червяков-старший — как правило — подолгу простаивал перед заборчиком, отделяющим Большую Спортивную Арену от остальной территории стадиона, вглядываясь в какую-то сугубо персональную даль.

А потом, когда Червяков-младший умер по совокупности совпавших причин, уже его старший брат прибил к стадиону, как бы долгосрочно подменив отлучившегося ремонтровщика...

В неизменном гражданском костюмчике, который вне зависимости от погоды теперь дополняли обязательные серые валенки и лыжная однотонная шапочка, Червяков днем слонялся по стадиону.

Ночью же уходил спать.

Под трибуны.

И своя коронная фраза у него имелась.

— Портвейн локализует душу! — бормотал про себя Червяков, отколупывая лезвием перочинного ножика крышки с непрозрачных пивных бутылок.

Детская юмористическая радиопередача...

Детская юмористическая радиопередача на сорок минут эфирного времени.

Ее нужно было сделать и провести.

А за это должны были заплатить гонорар.

Я ее сделал.

Вернее, мы с женой.

Потому что сценарий написала она.

На своей механической пишущей машинке.

По моим произведениям и общим нашим идеям.

Она его писала несколько дней.

После чего мы всей семьей вместе с сыном (ему, согласно сценарию, отводилась роль соведущего) поехали на метро.

В детскую редакцию Всесоюзного радио.

Которое к тому времени уже стало Российским.

Российским государственным информационным каналом...

Отвезти, подлежащий утверждению сценарий, лично познакомиться с

редактором, а заодно продемонстрировать ему (это была женщина) возможности пятилетнего соведущего.

Отвезли, познакомились, продемонстрировали.

Следующим кварталом и сценарий наш утвердили.

И радиопередачу я провел.

Юмористическую.

С не умеющим еще читать соведущим.

И ее записали.

И в назначенный час пустили в эфир.

Оставалось получить обещанный гонорар.

Когда он обещался — сумма выглядела вполне адекватно.

С точки зрения среднестатистического советского человека.

В одночасье оказавшегося российским...

Однако с момента нашей устной договоренности прошло несколько месяцев.

На фоне свирепствующей в стране инфляции.

Итак, оставалось получить обещанный гонорар.

В бухгалтерии.

Однако платить его никто не торопился.

Сначала те, от кого это зависело, были в отпуске.

Потом болели.

А когда отгуляли и отболели, вдруг выяснилось, что деньги в кассе кончились.

Тогда принялись ждать появления новых.

И даже дождались.

Впрочем, получить их наличными автору не представлялось возможным.

Потому что вышел циркуляр, требующий, чтобы гонорары перечислялись только посредством почтовых переводов.

А некая техническая система, отвечающая за отправление почтовых переводов, пока почему-то не функционировала.

Ее налаживали.

Безрезультатно...

Деньги за детскую юмористическую радиопередачу — в конце концов — я все-таки получил.

Через полгода после эфира.

В бухгалтерии.

Куда приехал на метро.

С вычетом из суммы гонорара суммы услуг по пересылке почтового перевода...

И без каких-либо компенсаций от государства.

Несмотря на продолжающую свирепствовать в стране инфляцию.

Гонорара хватало ровно на полкило свежих огурцов.

Но они в то лето были нам не по карману...

Сто рублей, упавшие с неба...

Выкорчевался унитаз. Несколько месяцев он выкорчевывался, раскачиваясь от чужого малейшего с ним соприкосновения и — между делом — буквально — пробивая сопротивление уставшего его сдерживать материала: бетона конца шестидесятых.

А сегодня утром выкорчевался окончательно — и теперь стоял посреди сортира, чуть в стороне от своего привычного места.

Место — зияющее дырой к нижним соседям — было ничем не занято.

Пришедшие по вызову дезовские сантехники — заглянули в пустоту и сказали, что работы по установке унитаза обойдутся хозяевам в девятьсот рублей.

Как минимум.

Шел шестой или седьмой год последнего десятилетия прошлого века.

Строго говоря, даже тысячелетия...

У хозяев денег не было.

Почти совсем.

Они так жили уже лет пять — и понемногу привыкли, научившись воспринимать это как норму, и нисколько не боясь голодной смерти.

Для себя.

И для ребенка.

А с недавних пор и для приبلудившейся дворовой кошки.

Так вот, денег не было — и взять их было негде.

И не у кого.

Ведь было абсолютно неизвестно, когда их можно будет отдать.

Потому что хозяева не знали, когда к ним придут очередные деньги.

Да еще в таком гигантском для них количестве как 900 рублей...

Впрочем, деньги к хозяевам регулярно приходили.

Мелкие-мелкие.

Такие, чтобы на них можно было прожить день, два, три.

Не больше...

Вечером жена пошла в дом напротив.

Там жила ее знакомая, которой она помогала в писании и редактировании астрогомеопатической компьютерной программы.

Они познакомились несколько месяцев назад.

На ежегодной вологодской научной конференции.

Куда жена выбралась в первый раз.

На последние деньги.

Из Москвы...

Теперь они вместе работали — и встречались почти ежевечерне.

А ночью муж ходил встречать жену.

Приводя ее домой.
Из дома напротив...
Вот и сегодня муж пошел ее встречать.
С неба падал мокрый снег.
Под ногами хлюпало и свистело.
Было без двадцати час.

По дороге домой жена успела рассказать мужу о том, что ее новая знакомая, которой она обмолвилась о сломавшемся унитазах, посоветовала поговорить с сантехником, Юрием Яковлевичем.

Из соседнего ДЕЗа.
Дав его служебный телефон.

Вместе с устной характеристикой, явно не типичной для среднестатистического сантехника, пусть даже постсоветской поры: вежливый, предупредительный, совестливый, умелый...

Муж и жена миновали подземный переход — и вдруг — сквозь мелкий снег — оба увидели плавно и неторопливо кружащее в ночном, подсвеченном фонарями небе, нечто.

А нечто, вместо того, чтобы продолжить плавное кружение, неожиданно спикировало вниз — упав прямо на сапог жены.

Муж наклонился и поднял с земли упавшее с неба.
Это была мягая мокрая грязноватая бумажка.

Мужу на миг показалось, что это сторублевка — и он протянул бумажку жене, чтоб та его разубедила.

Но разубеждать не пришлось...

Когда они вернулись домой, жена постирала сторублеку.

Под краном.

С помощью кусочка турецкого мыла, купленного на вещевом рынке.

После чего повесила ее сушиться, прикрепив старой, еще доперестроенной деревянной прищепкой к одной из лесок — бельевых веревок, протянутых под потолок в ванной.

На следующий день, ближе к вечеру, появился вызванный сантехник Юрий Яковлевич.

Вежливый, предупредительный, совестливый, умелый...

Молчаливый.

Осмотрел фронт работ.

Вкупе со скромным хозяйским жилищем.

А еще через день — Юрий Яковлевич починил унитаз.

Встроил его, предварительно отмоченный в «белизне» хозяйкой, на место.

Вдвоем с похожим на клоуна добродушным напарником.

Взяв — как обещал — ровно сто рублей...

Кошка Мышка

Сначала она молча сидела на площадке перед лифтовой шахтой, между пятым и шестым этажами.

Через день спустилась к нам на пятый, присев ровно посередине лестничной площадки.

Словно решая, в какую сторону двинуться, какую из трех квартирных дверей выбрать.

Так она просидела сутки.

А, возвращаясь домой с колесной сумкой, груженной самой дешевой картошкой, купленной на продуктовом рынке, я обнаружил ее сидящей перед нашей дверью.

Был конец сентября — и было очень холодно.

И на улице, и в подъезде, и в квартире.

В квартире, правда, было теплее.

Потому что на кухне имелась газовая плита брежневских времен, с четырьмя работающими конфорками.

Маленькая кошка, еще котенок, — сидела перед нашей дверью, молча наблюдая за движением лифта в шахте.

Сквозь ячеистую рабицу шахтовой ограды.

То поднимая мохнатую голову, то опуская — в зависимости от того, опускался или поднимался ухающий, словно филин, старорежимный лифт.

Встроенная шахта прозрачного стекла вместе с поднимающимся или опускающимся внутри нее лифтом внешне очень напоминала гигантский термометр.

Впрочем, это бросалось в глаза лишь со стороны улицы, над которой нависала наружная металло-стеклянная часть этой продолговатой конструкции...

Маленькая, примерно трехмесячная кошка, сидела перед нашей дверью — и смотрела за движением лифта.

Вверх — вниз.

Вверх — вниз.

Наверное, ей было холодно.

Наверное, ей было голодно...

Жена вынесла кошке обувную коробку, проложив коробочное дно вырезанным по его размерам кусочком ветхой «мездры», завалывшейся в нашем узком, но таком вместительном коридорном шкафу.

А еще — вареной картошки и питья.

Брать кошку я не хотел.

Ни эту, ни любую другую.

Во-первых, по причине аллергии на кошачью шерсть, неожиданно у меня

возникшую после чернобыльского взрыва, прогремевшего за тысячу с лишним километров от Москвы, за восемь месяцев до рождения нашего сына...

Во-вторых, по причине хронического отсутствия денег.

В-третьих, по причине отчетливого нежелания нести ответственность еще за чью-то жизнь.

Кроме тех, за которые уже и так полагалось.

Всем ходом предыдущей жизни...

Хотя в течение последнего года жизнь дважды предлагала мне обзавестись котенком.

Причем, если в первый раз котенок предлагался очень чистенький, очень хорошенький и очень маленький, то во второй — предлагающийся мне жизнью котенок выглядел не столь уж однозначно безупречным с точки зрения вышеозвученных позиций...

Кошка, сидящая перед нашей квартирной дверью, была намного запущенней, чем две ее четвероногие предшественницы, несколько старше — и внешне далеко не красавица.

Но она сидела перед нашей дверью в холодном, продуваемом ветрами подъезде, и ждала, когда мы ее возьмем.

— Это твоя кошка! — говорила мне жена.

А я в ответ молчал, как сидящая перед нашей дверью кошка.

— Ладно! — сказал я через три дня, когда на улице и в подъезде стало совсем холодно — если она сегодня не уйдет, мы ее возьмем.

Она не ушла — и мы ее взяли.

Вернее, это сделала жена, взявшая ее на руки.

И внесшая — внутрь квартиры.

Кошка благожелательно молчала.

Потом жена увидела, что по кошке ползают блохи.

Меня тут же отправили в специализированный магазин, где на предпоследние наши деньги я купил антиблошиный шампунь, сухой корм и кошачий туалет.

Антиблошиным шампунем под криво и неравномерно бьющим душем жена вымыла кошку.

Кошка благожелательно молчала.

Я даже немного испугался: вдруг она — немая?

Да и вообще я ходил от кошки чуть в отдалении, а непосредственно ею занимались жена и девятилетний сын.

Я бродил чуть в отдалении, не решаясь окончательно приблизиться к бывшей уличной, точнее, дворовой беспородной кошке с пушистым двухцветным хвостом.

К нашей домашней кошке, которая уже была названа мною Мышкой.

Мышкой она была названа, потому что была серая.

Как мышка.

И потому что был Год Крысы (или Мыши) по Восточному Календарю...

К вечеру, на следующий день после того, как мы взяли кошку, я почувствовал, что нос мой основательно заложило.

Вдобавок я начал то и дело чихать.

Опыт подсказывал: вот она — пресловутая аллергия.

В связке со своими дражайшими симптомами...

Жена дала мне капли от насморка — и через десять минут остался только чох.

Три дня подряд каждые три часа я закапывал себе в нос противонасморчные капли.

Без капель нос мой дышать не хотел.

А на четвертые сутки капли перестали мне помогать.

Я по-прежнему засовывал в нос пипетку, но искомого облегчения не наступало.

Я стал задыхаться.

Теперь дышать дома я мог лишь после сделанных серийно приседаний.

Либо еще в течение нескольких минут по их окончании.

На улице дышать было легче — и я все время стремился туда.

Но как только я приходил домой — почти сразу опять начинал задыхаться.

Однажды ночью, вернувшись с улицы, когда все домашние уже спали, я присел на деревянное складное кресло, стоявшее на кухне.

Рядом, на табуретке, лежала спящая кошка Мышка.

А я не мог заставить себя даже погладить ее.

Даже к ней прикоснуться...

Через двадцать минут нос привычно перестал дышать.

Самое настоящее отчаянье охватило меня.

— Кто же я такой, — проносилось внутри, — если не в силах погладить бывшую дворовую кошку?

Если не в силах дышать, когда она рядом?

Кем я окажусь, если невозможность дышать вблизи этой кошки, имеющей теперь имя и ставшей домашней, заставит меня от нее отказаться, выставив туда, откуда она взялась?..

И в этот момент я почувствовал, что умру, а Мышку улице не верну.

И согласился умереть.

И принялся умирать.

Я умирал.

Честно, сознательно.

Но, видимо, программа жизни имела в виду свое, властно продиктовав мне, еще находящемуся здесь, необходимость задержать дыхание.

А когда воздуха перестало хватать совсем, — впустить его в себя.

Чтобы снова задержать дыхание....

Я был между жизнью и смертью.

Однако — с каждой новой задержкой дыхания — ближе к жизни.

Так продолжалось до утра.

Жена, эйфорически разбуженная мной, нашла какие-то нужные слова, которые я не запомнил, но без которых, мне кажется, вряд ли сумел бы вступить в новую фазу возвращающейся жизни.

Во всяком случае, нос мой меня (эпизодически) слушался и мне (отчасти) повиновался...

Часа через три потекли сопли.

Сперва еле-еле.

А затем...

Четверо суток они из меня вытекали.

Из меня, радостного и бессонного...

Рядом со мной лежали рулоны туалетной бумаги (чтобы вытирать соп-ли) и кошка Мышка (чтобы гладить...).

Стоит ли добавлять, что Мышка у нас прижилась, а моя аллергия на ко-шек улетучилась безвозвратно...

Об авторе: Сергей Маркович Белорусец — поэт и прозаик, автор книги стихов «Магический квадрат» и многочисленных сборников стихов для детей. Председатель оргкомитета Фестиваля детской литературы имени Корнея Чуковского.

Эльга Злотник

ДЕД

Музыка у стойки бара безжалостно долбила по головам, и вдруг Ольга выхватила слова. Мужской голос пел странную песню: «Вы бывали в комнате смерти?..»

А она неделю назад была — прощалась с дедом... И с тем, что освещало ее детство. Со старым двором в центре Москвы, с тем, как дед вел ее маленькую под огромными платанами, там, в эвакуации, в Средней Азии, смотреть на птичек. Ах, как она, оказывается, была раньше богата. Дед — ее богатство. Она была похожа на него: нос, брови, глаза. Она была похожа на него характером. И когда дед заболел, легче других находила общий язык с упрямым дедом. Он почему-то ее слушался, она могла с ним договориться, убедить выпить лекарство. Последнее время дед ходил с трудом, но дома удержать его все равно стоило больших усилий. Он бродил по пустой квартире, где раньше жили десять семей, стучался в двери, просился на улицу. И бабушка закрывала двери на ключ. Была зима, а у него сбились понятия времени, и он мог выйти в заснеженный двор в домашних вельветовых тапочках.

Последний раз, когда бабушка не заметила, и дед все-таки вышел во двор, Ольга искала его полтора часа. Куда он мог уйти? Бабушка была уверена, что к соседям. Ольга обошла все квартиры в их подъезде, но дед ни в одну не заходил. Она пробежала двор, выскочила на шумную с оживленным движением Петровку. Его могла сбить машина, он мог упасть, где же он? Добежала до ЦДРИ, дед был членом Совета ветеранов и очень любил ходить туда. Был конец лета и сезон в ЦДРИ еще не начался. Двое рабочих приколачивали что-то в вестибюле. «Вы не видели, здесь пожилой человек не проходил?» — спросила она. «Нет, а вообще-то здесь много ходят».

У Ольги язык не поворачивался назвать деда стариком. А он был уже старик, глубокий старик, но она щадила мысленно его, он ей казался молодым, а может быть, щадила себя, старалась не замечать, что время уходит, мчится, проскакивает.

Дед родился в Витебске и учился в той же гимназии, где Марк Шагал. Однажды, когда Ольга поехала в Витебск в командировку, он объяснил ей, где находился их дом. Она тогда нашла эту улицу. Несколько деревянных двухэтажных домов стояли пустые, поблескивая не выбитыми, к ее удивлению, окнами. И Ольга пыталась угадать, в каком из них жил дед? Представить его мальчиком. И не смогла. Перед отъездом она купила деду ботинки. Думала, ему приятно будет — весточка с родины. Деда она нашла в соседнем дворе. На лавочках сидели бабки. А он стоял старенький, на трясущихся ногах, держась за ограду, и говорил каким-то женщинам, спрашивавшим, куда его отвести: «Спасибо, спасибо, не беспокойтесь». Когда Ольга мелькнула в проеме двора, бабки ей хором закричали, замахали: «Вот он!»

Ольга уже один раз в поисках забегала в этот двор, и тогда они ей сказали, что да — заходил один старик, еле-еле его молодой человек вел. А куда — они не заметили. Почему дед вернулся в этот двор, понять было трудно. Увидев Ольгу, он не удивился и спокойно сказал: «Ну, теперь пошли домой!» Шли домой они долго, хотя надо было пройти всего несколько домов. Раньше деду для этого требовались минуты, а теперь...

Дед шел, мелко перебирая ногами. Мимо магазина «Фотолюбитель», сберкассы, галантереи, останавливался, вертел головой, говорил, что устал. Был конец летнего дня. Солнце стояло на закате. И прохожие с удивлением оглядывали их. Вот навстречу прошли трое грузин. Оля заметила, что они остановились, что-то между собой говоря и глядя на них: старого, еле идущего деда, и на нее, женщину средних лет, старающуюся держаться независимо и уверенно настолько, чтобы ее уверенность защитила старенького деда в вельветовых синих тапочках и старых заношенных брюках, который был для нее прекраснее и дороже всех на этой улице. Ольга кляла таксистов, которых останавливала, а они отказывались везти, потому что не далеко, хотя она предлагала им денег в десять раз больше.

Когда зашли в свой двор, дед остановился и начал просить пить. Отойти от него нельзя — упадет. Она попросила старушку, сидящую у подъезда, такую сероглазую с курносым носом и поджатыми губами. Та сказала: «Сейчас принесу», и ушла. «Неужели ты не можешь дать воды», — просил дед. Для того, чтобы дойти до дому надо было пройти еще мимо двух подъездов. «Я не могу — пить...» — говорил дед, чуть не падая. Старушка не появлялась. Наконец, она с любопытством выглянула в окно на первом этаже. «Ну, что же вы?!» — крикнула Ольга, держа деда из последних сил. «Ну, буду я тут каждому», — прошамкала старуха и захлопнула окно. «Ну, сука!» — выругалась Ольга. И тут, когда дед чуть не падал, в воротах появился мужчина с очень красивым, как показалось

Ольге, лицом. «Простите, можно вас попросить», — негромко сказала она, но тот услышал и направился к ним. — «Вы не поможете довести, тут недалеко, вон тот подъезд». «Конечно, что вы, это не трудно», — глаза у мужчины были большие, почти синие, лицо улыбочливое с ямочками. Потом она, наверное, никогда его не узнавала, они же наверняка с ним встречались, он жил в их дворе. Но она не узнавала, наверное, потому, что увидела его как-то совершенно неожиданно.

«У меня самого теща еле ходит. Так что я знаю, как помочь». Они довели деда до дому, где их ждала бабушка. И для бабушки этот вечер, когда нашли пропавшего деда, был почти праздник.

Дед был заядлый «беговик». И, когда в коридоре обсуждал по телефону со своими приятелями заезды, произносил имена наездников и клички лошадей, в их коммунальную квартиру вривался яркий и страстный мир лошадников, тотализатора и азарта. Да, дед был азартным. А бабушка так любила его, что прощала все проигрыши. «Он же все ее драгоценности проиграл — она же все-таки была дочерью фабриканта», — рассказывала Оле мама, которая тоже очень любила деда.

И потом дед часто просился на улицу. Но Ольга относилась к этому не очень внимательно. Когда выкрадывалась минутка-другая, предлагала: «Ну, давай выйдем? Пойдешь на улицу, — кричала она ему на ухо, дед был уже почти глухой, — пойдём погуляем?!..»

Дед улыбался, кивал головой и говорил: «Молодцом, молодцом». Значит, он чего-то не дослышал. А затем добавлял: «Немного попозже». И Ольга успокаивалась, ее дело предложить, а гулять с дедом ей особенно не хотелось. Вообще, дед был не требовательным. Бабушка говорила, что ночами он часто звал: «Ольга!» Оля к этому времени уже жила отдельно.

«Ольга! Он тебя зовет ночами», — жалостливо говорила бабушка. «Ну и что, — жестко и зло, чтобы не расплакаться, отвечала Ольга. — У каждого свои дела, я же не могу ночами около него сидеть, не переезжать же к вам?» Это была жестокая правда. У каждого своя жизнь и дела. «Старики эгоистичны, они могут съесть жизнь молодых, если поддаться. Надо быть с ними жестче. Зайдешь к ним на час, им кажется — заскочил на минуту, — думала Ольга. — Жить для стариков — это все равно, что жить все время прошлым, они съедают будущее». Как страшно, что человек никогда не знает, что для него потом будет главным, и как горько, что, кажущееся важным и серьезным, потом оборачивается суетой. И горько, что человек не может быть жив одним главным. Ему нужно много, когда все есть, и, оказывается, достаточно малости, крохи, когда ничего не остается.

Да, дед для Ольги был легкостью, щедростью, радостью, оптимизмом. Он был для нее бессмертен. Он такой веселый, остроумный, он не мог уме-

реть. Некоторые люди созданы, чтобы жить вечно. В ее представлении дед был каким-то удивительным. В нем сочеталась мудрость и ребячливость, скрытность и до наивности честность. Его друзья, с которыми он дружил много лет, часто вспоминали, что в эшелоне, которым Мосэстрада ехала в эвакуацию, деда выбрали делить хлеб. Дед тогда на этот поезд чуть не опоздал, и мама с бабушкой очень нервничали, ожидая его на перроне. Когда в последний момент они все-таки сели в вагон, выяснилось, что все места заняты. И они ехали до Ташкента без мест, кто где прикорнет. Но делить хлеб — выбрали деда. И в этом для Ольги он был весь.

Дед любил карты, бега, лошадей, женщин, солнце, хорошую погоду, смех, музыку и цирк. Нет, дед никогда не умрет. Как он может вдруг стать безмолвным и неподвижным, ведь он ни минуту не сидел на месте. Не смотрел, как другие старики, поздними осенними вечерами телевизор. Он бежал в Эрмитаж, гулял с приятелями по оранжевым дорожкам, посыпанным битым кирпичом, сидел на белых витиеватых стульчиках. И вспоминал прежний Эрмитаж и размышлял о будущем. Да, раньше она не думала о том, что дед был ее богатством, ее историей, которую она не потрудилась узнать, и теперь, если захочет, должна восстанавливать по крохам, по крупиночкам. В Петрограде на Гороховой у отца деда, купца 1-ой гильдии, был четырехэтажный дом. После революции дед переехал в Москву на Петровку.

Да, дед был ее богатством, о чем она никогда не задумывалась. Она не понимала, какое счастье, что у нее такой дед! Что ей смогли передаться его легкость, талант, юмор, его отношение к жизни.

«Его погубили бега и женщины, — говорила бабушка, — а то бы он стал большим артистом!»

Наверное, дело в том, — думала Ольга, — что дед не любил, а может, просто не хотел себя программировать. Он просто жил.

Однажды они ходили с дедом на ипподром. День был ветреный. То ли весна, то ли осень. Дед смотрел на бегущих лошадей своими длинными карими глазами. И взгляд у него был похож на взгляд мчавшегося коня, такой же бесшабашно-молодой и радостный и такой же влажный, как будто смотрит через еле сдерживаемые, нахлынувшие от радости слезы. «Он любит лошадей — она поняла это и очень удивилась. — Бабушку он тоже любит, и ее, и маму, и отца, и ее братьев, и своих сестер. Но лошадей он любит как-то по-другому».

Ей казалось, он один из всех ощущал счастье и радость, царившие в тот день на ипподроме. И великодушно дарил, открывая ей этот мир, посвящая ее в круг избранных, которые знают, что оно такое — счастье.

Когда деда не стало, Ольга поехала в синагогу на улице Архипова. Она подошла к высокому пожилому мужчине, стоявшему около столика.

— Моего дедушки сегодня не стало.

— Сегодня самый трудный день для евреев. День, когда был разрушен главный храм. Ваш дедушка был верующим?

— Да. Что мне надо сделать?

— Хорошо, если бы кто-то ночью молился за него.

— Я не умею! — растерялась Ольга.

— Я могу, — предложил незаметно подошедший молодой человек.

— Вы? Но почему?

— Это мое желание, — ответил тот мягко.

И молился около деда всю ночь. А утром ушел, не назвав своего имени и не взяв денег.

Бармен за стойкой бара вдруг неожиданно развернулся, стукнул кулаком по магнитоле, и послышалась песня, как будто залетевшая сюда не по адресу: «Манит, манит, манит карусель в путешествие по замкнутому кругу, манит, манит, манит карусель... и на ней никак нельзя догнать друг друга».

Дмитрий Мнухин

ТАКИЕ ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА

Было что-то очень знакомое в девушке, что вошла в кафетерий в центре города. Она заказала кофе и спокойно ждала. Она взяла чашку кофе и села за угловой столик, так что взгляд ее был обращен на улицу. С преднамеренной медлительностью рассыпала коричневый сахар на белую пенку кофе и, прежде чем весь сахар опустился, собрала пенку длинной ложечкой и долго наслаждалась вкусом слишком сладкой пенки взбитого молока. Только одна девушка, которую я знал, имела привычку пить кофе так, но это было далеко отсюда, в Европе, приблизительно два года назад. Трудно поверить, что в течение этого времени можно так измениться, но она повернулась ко мне, и я увидел ее глаза. «Аяла», — пробормотал я, — «Аяла». Я был в середине расследования, когда увидел ее впервые. И тогда забросил задание ради ее глаз. Но в тот раз она была совсем другая. У нее было красивое лицо с нежным оттенком молочного шоколада. Тогда у нее была фигура манекенщицы, сегодня она прибавила несколько лишних килограммов. Большой груди у нее не было никогда, но тогда это очень хорошо сочеталось с ее худым телом, сегодня маленькая грудь подчеркивалась полнотой.

Легкая жалость охватила меня, когда я посмотрел на нее. Но сейчас она напротив меня, и — поди — ускользни от всех чувств, что есть у меня по отношению к ней. Она попросила меню, очевидно, хотела заказать еще что-то незаметно для других, а я подкинул в меню записку. Прочитав записку, она мгновенно собрала свои вещи, оставила солидные чаевые и ушла. Никто не заметил раздражения, охватившего ее, резкости движений, но я-то видел.

Она была подружкой подозреваемого, важного для нас, и потому-то два года назад я подружился с ней. Мы следили за ним, он был главарем группы, готовившей провокацию против одного из израильских представительств в Европе. Знали, что несколько месяцев назад у него была подруга — израильтянка. Ее звали Аяла — имя, которое так хорошо подходило к черным глазам... Я должен сказать, что она не была особенно красива, но была в ней такая особенная энергия... Это и поразило меня в первый раз, когда увидел ее.

Единственный случай в моей жизни, когда мое внимание отключилось от операции. Никогда прежде не бросал заданий в самом разгаре, еще никто не мог отключить мое внимание, но именно она умудрилась сделать это. Я хотел познакомиться с ней, так как думал, что она сможет приблизить нас к объекту наблюдения. Мы быстро разговорились с Аялой. Сказал, что, мне кажется, она уронила зажигалку, когда наклонялась. Она посмотрела на меня и улыбнулась. Улыбкой, не скрывающей глубину ее черных глаз. Она была израильтянкой, проживающей во Франции уже много лет. Рассказала, что сейчас изучает психологию в университете и не собирается оставлять Францию. Странно, но абсолютно во все прошедшие мгновения, часы и дни, что я проводил с ней, я чувствовал себя необыкновенно хорошо. Меньше, чем неделю мы были вместе, а следующую неделю я практически жил у нее. Мой шеф согласился на это только после того, как я убедил его в необходимости ее помощи в наблюдении за нашим «подопечным». А уже через месяц я пришел к заключению, что она — женщина моей жизни.

Однажды ночью я открыл бутылку водки и рассказал ей все — даже то, что было запрещено. Только на следующее утро понял, какую ошибку я допустил, открыв ей мою легенду. А это, ко всем чертям, была самая лучшая легенда. Я позвонил своему шефу Менаше, сказал только одно слово — «промахнулся». «Завербуем ее теперь, у нас нет другого выхода, Авнер», — сказал он после того, как при встрече выслушал весь рассказ, и то, что заставило меня чувствовать себя так поганно. «Я приду к вам сам», — добавил он и ушел. Через два дня раздался звонок в дверь. Она открыла. Был поздний утренний час. «Это к тебе», — позвала она меня. Я приблизился к ней и обнял ее со всей возможной естественностью. И улыбнулся. Она тоже улыбалась. Однако Менаше не улыбался. «Я сделаю кофе, любимый», — Аяла освободилась от моих объятий и пошла на кухню.

Я остался с Менаше наедине. Все бы хорошо, но вся эта ситуация мне не нравилась. Мы были, как два коршуна, ожидающих жертву. «Кофе готов», — сказала она и повернулась к нам. Я почувствовал ее легкий испуг, но она продолжала улыбаться, как ни в чем не бывало. «Может быть, посидим в салоне?» — предложила она, но мы оба помотали головой в знак отрицания. «Это относительно того, что Авнер рассказал тебе несколько дней назад, Аяла», — сказал Менаше, и она бросила на меня уничтожающий и острый взгляд. «Я слушаю», — она смотрела только на него, глаза в глаза. Я больше не существовал для нее. «Нам не хватает информации об Удае», — начал Менаше детализировать, и я почувствовал себя абсолютно лишним, — «Есть только сведения, что он готовит теракт». Она не ответила ничего, только ждала продолжения. «Ты сможешь помочь нам, Аяла?» — спросил он ее, наконец. «И как я связана со всем этим?» — спросила она.

«Да, правда, я была его подругой около двух месяцев, но ничего такого не знаю». И она бросила на меня еще один уничтожающий взгляд. Сейчас я был для нее просто никем. «Удай предпринимает что-то. Кое-что указывает на это, Аяла», — сказал шеф. «Но, Менаше, он не в состоянии обидеть даже муху, я знаю его хорошо», — сказала она, пробуя убедить себя в этом, — «И я говорю вам, что Удай — не главарь террористов, которых вы ищете. Может быть, кто-то из его семьи или один из братьев, но не он, он...» Она искала подходящее выражение, чтобы охарактеризовать его с лучшей стороны: «Он хороший человек, Менаше», — сказала она и замолчала. «Может быть», — произнес Менаше с сомнением, — «Но я должен знать это определенно, Аяла, а твое утверждение противоречит нашим данным и, между прочим, данным Авнера тоже...»

Он повернулся ко мне, пытаюсь втянуть меня в разговор, но слова застревают у меня в гортани, и я не мог говорить в основном из-за ее холодного взгляда. Прошли долгие минуты молчания. «Так если я докажу вам, что он хороший человек», — сейчас она смотрела на нас двоих, — «Вы не тронете его?» — на мгновение на ее лице мелькнула улыбка, и она смягчилась ко мне. В ответ я тоже, наконец, улыбнулся. «Так ты готова сделать это?» — спросил Менаше серьезно. «Мы должны об этом подумать», — ответила она, глядя на меня, — «Я и мой будущий муж». «Хорошо», — сказал Менаше и встал, я тоже встал проводить его до дверей.

В ту же минуту, как он ушел, Аяла начала проклинать меня всеми проклятиями, которые только существовали на французском... Я чувствовал себя униженным и ощущал, как бледнеет мое лицо. «Я не собираюсь на тебе жениться, чтоб ты знала», — ответил я сухо. «Почему? Ты больше не любишь меня?» — спросила она с той же жесткостью. Я отвесил ей пощечину, и она упала. «Я вернусь, когда ты успокоишься», — сказал я и собрался уходить. «Не возвращайся, Авнер, даже не смей возвращаться», — закричала она из-за двери. Целый час я неприкаянно болтался по улицам Парижа. Когда же вернулся на квартиру, ее уже там не было. Один только чемодан со всеми моими вещами, что были у нее, ждал меня около двери. Отрывок бумажки с небрежной записью — «Всего доброго, любимый», просунутый между ручками чемодана, — это все, что осталось мне от нее. Я ушел, ведь у меня не было другого выхода. Спустя несколько дней Менаше говорил со мной. Я рассказал ему обо всем, что случилось. «Это было вполне ожидаемо, Авнер», — сказал он. «Пойми, уже когда я вошел, то видел, что ей некомфортно со мной».

Удай и его люди не совершили предполагаемого теракта, но при этом он ускользнул от наблюдения, и мне пришлось заплатить за его исчезновение по полной программе. Я с сожалением оставил организацию Менаше, по-

дружески он много помог мне после того, но не удерживал меня. «Прошедшее время не изменить, Авнер». Менаше помог мне устроиться частным агентом, и это совсем не плохо. Возраст тридцать три года — самый подходящий для начала жизни.

Я предполагал, что Аяла смеется, как только узнает меня, она не хотела, чтобы я видел ее сейчас, чтобы вспомнил, как она ушла, чтобы разглядел, что она не так хороша, как была раньше. Но все это было так неважно в тот момент. У меня было твердое намерение — не потерять ее снова. Она вышла из кафетерия решительно, быстро. И я ринулся за ней. Догнал на углу улицы и остановил ее. «Чего ты хочешь?..» — Аяла повернулась ко мне и выстрелила одним из своих уничтожающих взглядов, — «Чтобы пошпионила для тебя? А после этого ты бросишь меня на растерзание?»

«Я люблю тебя, Аяла», — сказал я почти шепотом. Я не мог сдержаться и улыбнулся, что только поначалу разозлило ее еще больше, обнял ее насильно, заставляя смотреть мне в глаза, и она смягчилась. Обнялись на секунду, и вдруг без всякого предупреждения она отдалилась и со всей силой отвесила мне пощечину. Я онемел. «Это в счет той пощечины, любимый», — она приблизилась и обняла меня снова, — «И это правда, что ты не оставишь меня еще раз?» «Нет», — шептал я, как маленький ребенок, — «Я так люблю тебя, Аяла».

Перевод с иврита Антонины Мнухиной

ПОЭЗИЯ

Михаил Яснов

ОТЧАСТИ

Из стихотворений 2010—2013 годов

*Как судьба, свершившаяся втайне,
как слова, зарытые в слова,
как Шопен, очнувшийся в регтайме,
оживает старая листва.*

*Все вокруг еще темно и голо
в окруженьи сосен и осин,
но уже восторги птиц до голо-
вкруженья рвутся из низин.*

*Погоди, не стой под этим ветром —
так тебя, глядишь, и унесет
в те края, где туча ходит фертом,
осыпаясь брызгами с высот.*

*Есть просветы в этих днях ненастных —
потеплее курточку надень:
счастье — то, что кроется в нюансах,
в переходе гласных в полутень.*

Памяти Завена Аршакуни

*Петербургский художник армянских кровей,
для кого-то — нацмен, для кого-то — еврей,
для кого-то — забота иная,
а для нас он — водитель трамвая.*

*Этот красный трамвайчик я знаю в лицо:
у него на холсте, возле рамы, кольцо.
И садится водитель трамвая,
пассажиров ночных подзывая.*

*Мы отправимся в путь вдоль каналов и рек.
Так какой, извините, за окнами век?
То ли это Растрелли с Трезини,
то ли города нет и в помине.*

*Это белая лошадь в туманном окне,
это ослик с поклажей на круглой спине,
это луковки Божьего мира
и младенец во чреве буксира.*

*Это солнце, которое бьет через край
полотна, и звенит огоньками трамвай:
колокольчики — желтый и синий —
в лабиринте проспектов и линий...*

*И все-таки шорох пластинки под патефонной иглой
создавал ощущение жизни: то ли шумел прибой,
то ли шуршали деревья, и музыка, пеню вторя,
рождалась из листопада и пены моря.*

*Деревья давно срубили, иссохший залив молчит,
однако старинная лютня на лазерном диске звучит
так безупречно, так вечно, что меломаны в восторге.
Наконец-то мы все оцифрованы.
Словно в морге.*

*Тоска по плоти переходит в блажь.
Точится кровью старый карандаш,
как деревянный лик в забытом храме.
Жара. Июль. Повсюду грязь и гнусь,
И если я чему-нибудь молюсь,
то разве что развязке в этой драме.*

*Что есть любовь? Порядок снов и слов.
Проснешься утром, весел и здоров:
какой кошмар — вчерашние уловки!
Когда б не эти строки дневника,
когда б не эта кровь, чья ДНК
не требует особой расшифровки.*

*Про древний Родос все наврали карты,
но камень солон, а песок горяч,
и так ветрит. что если не Икар ты —
то крылья отстегни и тут же спрячь.*

*Куда лететь, куда нам плыть? Не знаю.
Все это происходит не со мной.
Но жизнь прочна, как ниточка сквозная
между воздушным змеем и землей.*

*Под говорок еврейского квартала,
где мир звучит гортанно и картаво,*

*под говорок цыганского квартала,
где все на свете речь перемешала,*

*под говорок арабского квартала —
его-то нам как раз и не хватало! —*

*проходит жизнь под этот говорок,
порою смерть пуская на порог:*

*смерть безъязыка, но в любом квартале
ее всегда и всюду понимали,*

*и перед ней склоняет микрофон
синхронный переводчик при ООН.*

*Покуда свято место не пустует,
не отдадим историю векам.
Россия спит. Германия бастует.
Пол-Франции сидит по кабакам.*

*Я пил, как все, — но был мой тост не стоящ.
Кричал, как все, — но не ступал за грань.
А сон страны, рождающий чудовищ,
Проник мне в жабры и забил гортань.*

*Ледок промерзает до хруста,
никак не согреться в тепле...
Мне пусто, как комнате Пруста
в музее Карнавале.*

*Среди заоконных пейзажей,
таких же пустых по зиме,
я тоже покинут и зажил,
как комната, сам по себе.*

*Осыпалась позолота,
давно заржавели ключи,
ни грязи, ни пыли... Но кто-то
все ходит и ходит в ночи.*

*То стулом скрипит, то кроватью,
то молча сидит без огня...
И все не решаюсь сказать я,
что гений покинул меня.*

*Как бы чаянья ни томили,
все давно наперед известно:
вот и нет тебе места в мире,
где тебе уступают место.*

*Сердцу — зорче, а телу — жарче,
ибо вита уже не долъче.
Занимай свое место, старче:
сидя нынче куда как стойче.*

*Графомания высокого разряда —
электрические происки стиха:
все рифмуется, звучание разъято,
буквы прут из живота, как потроха.*

*Зачитаешься, пока снимают с трупа
кожу вымысла и пробуют на зуб,
и эстетика обугленного струпа
осыпается с кровавых этих губ.*

*Девочка, не знающая жалости
к телу, созидателю наград,
не кружись без удержу, пожалуйста,
не садись так бойко на канат.*

*Эти ножки, жаждущие зрелости, —
ты им не противься, не перечь.
Станешь ли, при всей своей умелости,
узеньких держательницей плеч?*

*Нет, не выйдет! Слишком ноша тяжкая
для таких напористых, как ты.
Вот и бьешься безымянной пташкой
о тупые прутья пустоты.*

*О, как мне доставалось!
О, как меня вело!..
Страсть переходит в старость
посредством буквы О.*

*Ну что нам буквы дали,
зачем они дались?
Молчи, от них подале,
скрывайся и таись.*

Заклинание

*Усни на моем плече посреди зимы,
которую так давно торопили мы,
чтоб снег невидимкой сделал укромный дом, —
усни поскорей, я счастлив твоим теплом.*

*Усни на моем плече посреди страны,
в которой мы все заложники той шпаны,
что напрочь забыла про детскую боль и грусть, —
усни поскорей, я так за тебя боюсь.*

*Усни на моем плече посреди беды,
в которой мы так бесславны и так тверды,
что только вдвоем сумеем ее прожить, —
усни поскорей, нам утром опять тужить.*

*Усни на моем плече посреди любви,
которой так мало надо: одной любви,
любви при одной звезде, при одной свече, —
усни поскорей, усни на моем плече.*

*Между временем и временем застрянув,
я внезапно ощущаю всей судьбой
сладкий запах облетающих платанов,
словно зябкую облатку под губой.*

*Ствол звенит, как будто сделан из металла,
и восходит ломкий шорох от земли:
то ли осень эти листья разметала,
то ли птицы их на крыльях разнесли.*

*И останутся у ветра на примете,
словно символы привычной новизны,
изваяния лесного Джакометти —
корневища, утолщения, узлы.*

*Все живое, все действительно живое,
облетаю, улетаю и живу,
как ребенок, зарываюсь головою,
зарываюсь в невозвратную листву.*

Что было предназначено,
назначено не мне.
Жизнь, начатая начерно,
кончается вчерне.

Рассыпались тетради, чьи
страницы — размело,
и только ты, не глядячи,
случилась набело.

Разобранные волосы,
в глазах темным-темно,
и снегом, словно с полюса,
лицо замечено,

растегнутые пуговики,
приспущенный чулок...
Нет, ни единой буковки
я б изменить не мог!

Время отлежится, точно силос,
все удобрит горечью своей.
Вдруг ты позвонишь мне, как грозилась,
и возникнешь около дверей?

Брошусь ли навстречу, расцелую,
сердцем чужа прожитый провал,
или разгляжу в тебе другую,
ту, что до сих пор еще не знал?

И в преддверьи будущей удачи —
или неудачи, кто решит? —
я сейчас сижу один и плачу,
как ребенок, горько и навзрыд.

Ну, кто еще решится на такое?
Пожалуй, только мы с тобой рискнем:
тебе чуть-чуть любви, а мне — покоя,
а воля остается за окном.

Я выгляну, а там, внизу, отчасти
распутица, отчасти — гололед.
А впрочем, разговор идет о счастье.
— О чем, о чем?
— О том, что снег идет.

Плоть отчасти, отчасти — душа,
что из нашего прошлого выйдет?
Оттого-то и жизнь хороша,
что границ между ними не видит.

Я невольно часы тороплю
и дневные мешаю с ночными.
Оттого-то тебя и люблю,
что не вижу границ между ними.

С восточного

Говорю тебе в который раз:
быть со мною Бог тебя упас —
посмотри, в развалину какую
превратил Господь меня сейчас.

Ты еще настолько молода,
а моя седает борода;
был бы, скажем, я старик Хаттабыч —
сам омолодился бы тогда.

Но давно исчез бессмертный джин,
и до капли выпит мой кувшин.
Что еще могу тебе сказать я?
Старость — не достоинство мужчин.

Стану светом на щеках твоих,
стану тенью возле глаз твоих,
стану прахом, неприметным прахом
в ямочках, у теплых губ твоих.

*О чем кричите вы, старинные чернила?
Разлука — сблизила, а близость — разлучила.
Тоскою выцветшей заполнена тетрадь.
Разлука — сблизила. Но слов не разобрать.*

*А вот машинопись, уже давно слепая,
здесь жмутся буквы, друг на друга наступая,
и так издерган шрифт, и так его знобит...
Разлука — сблизила. Но дальше текст забит.*

*А ты, мой верный друг, заложник легких клавиш,
какому будущему тень от нас оставишь?
Разлука — сблизила. Так в чем же тут беда?
А близость — разлучи...
Все стерто навсегда.*

Николай Пропирный

В ГОРОДЕ И ВО ВРЕМЕНИ

Город вечера

*Тьмой придавленный город,
Похоже, уже не воспрянет.
Желтолицые големы
Рассыпают по улицам соль.
А магистры всё спорят,
Считая, что бродят по краю...
Так, спасаясь от боли, мы
Сочиняем прегоршую боль.*

*День лишь кажется. Крик
Тише шепота. Вечные связи
Рвутся легче случайных.
В готовке редеют венки...
...неприметный старик,
Ковыляя просоленной грязью,
Обернулся печально:
«Беды вы не знали, сынки...»*

Суета сует

*По скверно вымощенной улице
Вдоль охалтуренных домов
Спешат раскрашенные курицы
К источникам своих кормов.*

*Спешат растрепанные школьники,
Захлопнув уши чепухой, —
Любви родительской невольники,
Любви жестокой и глухой.*

*Спешит кабан с нагрудной пумою,
Хрипя в корейский агрегат:
«Брат, я услышал... Типа думаю...
Позвонишь мне на трубку, брат...»*

*Часы пробили, и торопится,
На птичьем языке галдя,
Из «Кофе-хаус» в кофе-офисы
Когорта призрачных трудяг.*

*Блестя оранжевыми латами,
Судьбой лишенная стыда,
Спешит с ломami и лопатами
Пришельцев темная орда.*

*Лишь старичок, согнувшись галочкой,
За шагом шаг, из века в век
Идет, за жизнь цепляясь палочкой,
Нарочно замедляя бег.*

*И я за ним, успев ссутулиться,
Бреду, гремя цепями слов,
По скверно вымощенной улице
Вдоль охалтуренных домов.*

Апрельское

*Еще ледок на лужах,
И снег не догорел,
Но он уже недужен —
Не мягок и не бел.*

*Стал свет другого цвета,
Чуть выше облака,
И, несмотря на это,
Не верится пока...*

*Не верится, что ночью
Проказница-метель
Назло нам неурочно
Не включит канитель,*

*Не верится, что хворост
Покроется листвою,
И зверь, что ныне холост,
Испустит брачный вой,*

*Не верится, что шубы
Отправятся в шкафы,
Что вытертые губы
Забудут про шарфы...*

*Но снег прощально плачет,
И смотрит веселей
Непобедимый дачник
Из старых «жигулей».*

Во времени

*В болото будней, собираясь в гать,
Ложатся обесшеченные ели,
Ни делом, ни томительным бездельем
Не удастся время придержать.*

*И выхода уж видно верю...
Возможно разве скукой ожиданья —
Движеньям нужным бесполезной данью —
Чуть умалить песочную струю.*

*Не умолить, но только умалить!
Подспорье в том гимнастика и ботокс,
Партнеров смена, вымученный отпуск,
И с послезавтра можно не курить...*

*Полней иль только тяжелей сума,
Я медленней иду иль жизнь быстрее...
Ну, коль ее назвали лотереей:
— Кукушка, сколько? Почему так ма..?*

Преддверие осени

*Бледное солнце расплущилось о горизонт,
Треснуло и расплескалось кровавым желтком.
Видимо, завтра понадобится зонт,
Что бы там ни считал gismeteo.com.
Если боли в колене — лучший прогноз,
Если смена сезонов грозит мигренью,
Стоит признать, что россыпь седых волос —
Не украшеньё, а прожитого подтвержденье.
Просто признать, но гораздо трудней принять.
Счастлив, сумевший с личным августом сжиться,
А мне все сложнее по утрам покидать кровать,
И все страшней в нее в темноте ложиться...*

Перед Новым годом

*Отложена книжка,
Отставлена кружка,
Окурок затушен. Иду,
Напялив пальтишко,
Сквозь снежную стружку,
Подошвами руша слюду.*

*По скользкой дорожке
Шагаю без спешки,
По грязи соленой бегу.
Здесь все понарошку —
Блестящие плешки,
Сугробы и клены в снегу.*

*Все как бы и вроде:
В расцвеченной груди,
Лишь зная, узнаете ель,
И в память о годе,
Что зол был и труден,
Ее украшает метель.*

У Деда Мороза
 На шапочке стразы
 Из ватных полос борода.
 Он мучим артрозом,
 И дети — заразы,
 И с вечным Чуковским беда...

Все вроде и как бы:
 Бетонные кубы
 Себя за дома выдают,
 В них снежные бабы,
 Морковные губы
 Кусают и правят уют.

На службе веселье
 В преддверье застолья,
 Зарплаты, каникул и проч.
 Устав от безделья,
 Мечтанья мусоля,
 Сотрудники двинули прочь.

А дома подушка,
 Лохматая кошка,
 Светящийся ящик брюзжит,
 Там книжка и кружка,
 И пицци немножко...
 Вполне настоящая жизнь.

Русское фаду

Твержу себе: тоска моя пуста.
 Я не ряжусь со сбывшейся судьбою,
 Не сетую, что днесь берется с бою
 Задача, что вчера была проста...
 Пусть так. Застыв над бездной голубою,
 Чудес не жду и с чистого листа
 Не жажду жить. Тоска моя густа,
 Тоска моя полна собою.

Выходя из депрессии

*Я сам себе направил сотню нот,
А ныне высылаю дипломатов,
Объявлены персонами нон-грата
Все, кто мирил нас со страной забот:
Советники — по жалости к себе,
По следованью правильным приметам,
По ожиданью будущего лета —
И атташе по сбывшейся судьбе.
Оревуар! Всем доброго пути!
Пусть представительство немного попустует.
Оставшемуся ставлю цель простую:
Собрать себя, собраться и — идти...*

Маринино проклятье

*На черных ветках черные вороны,
Добычу чуя, отпустили страх.
Им подан пир — царицын сын, воренок,
Удавлен у царицы на глазах.*

*И, позабыв о призрачной короне,
Безумная, от ярости бела,
Случайный род на рюриковом троне
Случайная царица прокляла.*

*Спустя сто лет, когда, казалось, право
Уже неотделимо от венца,
Свершилось: первопроклятого правнук
Был сгублен по велению отца.*

*Проклятье потянулось в эту дверку
И все страшней куражилось потом:
Задушенный, забитый табакеркой,
С поспешностью приколотый штыком...*

*Потом включились «адские машины»:
Убит отец и сын растерзан включь...
Расплата за непризнанные вины
Злосчастный род гнала от трона прочь.*

*Ворон, что вечно ждут на черных ветках,
Не испугает царских ружей бах...
Расстрелянный царевич-малолетка
Застыл в отцовских гаснущих глазах.*

*Вновь слово, отозвавшись, повторится...
Ипатьевские — монастырь и дом,
Где приговор несбывшейся царицы
Исполнен был случайным палачом.*

Фауст

*Как слово порождает слово,
Так пробуждает мысли мысль.
И было так, и будет снова,
Покуда дни не пресеклись.*

*Вновь слово силой отзовется, —
Пусть это будет не сейчас,
Но мир притихший содрогнется
От пары позабытых фраз.*

*Так всплеск дает начало буре,
И шорох гонит камни вниз...
И было так, и снова будет,
Покуда дни не пресеклись.*

В ОБЪЕКТИВЕ

Мария Аннинская

НЕМОЕ ФОТО

Шары. Голуби стали в наше время одним из неперенных атрибутов города; порой их просто не замечаешь...

Камни. Крит не весь такой черно-белый.
Но в тени возникает ощущение черно-белой прохлады

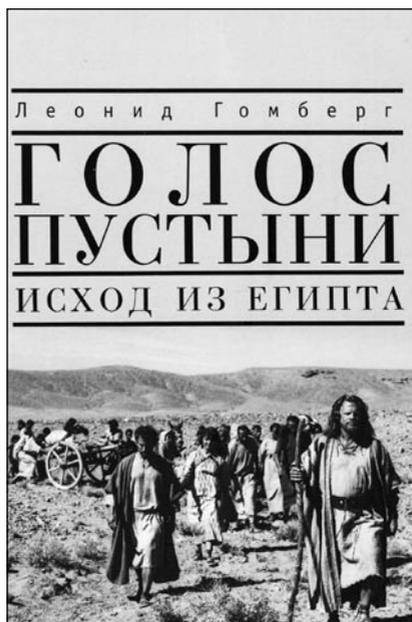
Немое фото. Это не водоросли... Это коктебельские деревья в октябре

Об авторе: Мария Львовна Аннинская — литературный переводчик, преподаватель французского языка, фотохудожник и керамист.

РЕЦЕНЗИИ

Александр Городницкий

ПУТЬ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЯ

«Голос пустыни. Исход из Египта: современный взгляд» (СПб., «Алетейя», 2014) — четвертая книга Леонида Гомберга, подводящая итог его многолетней работе с Пятикнижием Моисея в серии, посвященной библейской истории. В минувшем десятилетии выходили в свет его книги «От Эдена до Вавилона» (2001), «Дорога на Ханаан» (2005), «Израиль и Фараон» (2009).

Первая часть книги посвящена Исходу из Египта, сюжету, лежащему в основе Пятикнижия и завершающемуся кончиной вождя, законодателя и пророка Моисея. Опираясь на исторические и археологические материалы, автор доказывает, что события, описанные в Библии, можно считать достоверными, т.е. реально произошедшими около трех с половиной тысяч лет назад.

В книге детально представлен маршрут, по которому следовали израильтяне во главе с Моисеем. Следует отметить в связи с этим, что автор совершенно правильно трактует название Ям Суф как «Море тростников», упомянутое позднее у римского географа Страбона, а не как «Красное море». Прежнее ошибочное толкование этого названия вносило путаницу в географию Исхода. Были даже статьи, обосновывавшие реальность и причины цунами в Красном море, которое утопило войско фараона. Сейчас все встало на место.

В книге подробно рассмотрены наиболее значительные события, случившиеся за годы Исхода, а также в начале завоеваний на Обетованной земле. Повествование заканчивается археологическими свидетельствами Исхода в соответствии с данными современной науки.

Вторая часть книги посвящена вопросам библейской археологии, начиная с сороковых годов XIX века и до сегодняшнего дня. Автор рассказывает о находках первых исследователей Ближнего Востока, о спорных вопросах современной археологической науки, резко критикует так называемых историков-минималистов, отрицающих связь библейских текстов с реальной историей.

Наиболее сложной проблемой, вставшей перед автором, является проблема хронологии описываемых событий. Здесь археология оказывается в большинстве случаев бессильной. Изучая относительную последовательность событий, она не дает возможности оценить их абсолютный возраст. Так вероятное время исхода колеблется в диапазоне не менее 500 лет — примерно между XVIII и XIII веками до нашей эры.

Нам представляется, что подтверждения реальности событий, описанных в Библии, следует искать не только в археологии, но и в науках о Земле. Здесь могут быть использованы геохронологические данные о времени наиболее крупных геологических катастроф, и, прежде всего, взрыва вулкана Санторин на острове Тира в Эгейском море, который, по данным калий-аргонового метода определения возраста пирокластического материала, датируется примерно 1500 годом до н.э.

Более того, описанные в Библии 10 египетских казней, по нашему мнению, отображают реальное длительное вулканическое извержение глобального масштаба, каким и было извержение вулкана Санторин, самое крупное в древней истории. Здесь и «Тьма египетская» — результат выброса огромных масс пепла, и другие египетские казни, описанные в книге «Ис-

ход». Это катастрофическое извержение уничтожило крито-минойскую культуру. Не исключено, что филистимляне, материальная культура которых связана с крито-минойской, произошли от беженцев с острова Крит.

По-видимому, именно это извержение и последовавшее за ним сейсмическое цунамигенное землетрясение в пределах Эллинской островной дуги вызвали цунами, которое спасло евреев и погубило преследующее их войско фараона. Признаки вулканической активности содержатся и в описании событий на горе Хорев на Синайском полуострове.

В своей книге Леонид Гомберг справедливо указывает, что Исход – это модель исторического движения человеческого общества от рабства к свободе. Характерно, что за сорок лет странствий беглецы прошли очень малое расстояние. За такой большой срок, казалось бы, они могли пройти всю Азию или Европу, но этого не произошло. Они постоянно топтались на месте, пытались вернуться назад.

Обращает на себя внимание, что Моисей более всего боится не преследующих египтян и даже не Б-га, а собственного народа. История Исхода — это история постоянного роптания и бунтов, неверия народа в своих вождей, создания идолов, попыток вернуться в рабство.

Самое интересное, что уже после того как практически вымерли все бывшие рабы, вышедшие из Египта, их дети и внуки, рабства не знавшие, требовали вернуться обратно под египетское ярмо.

Книга написана прекрасным литературным языком и легко читается. Она ставит перед нами немало трудных вопросов, которые остаются актуальными уже пять тысяч лет, и на которые нет ответа. Возможно, в этом ее главная ценность.

Леонид Гомберг

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

Новый проект Исаия Фридмана поражает своей масштабностью: прекрасно изданный четырехтомник «Перечитываемая Библия» (М., 2013), над которым автор работал много лет, пришел к читателю в конце минувшего года. И. Фридман — архитектор, библейская история — его хобби, ставшее делом всей жизни.

Разумеется, в кратком анонсе содержание такого объемного труда можно обозначить лишь схематично...

Перечитываемая Библия. Книга I: от «Сотворения Мира» до «Распада Объединенного царства» (IX век до н.э.). В первом разделе тома речь идет о формировании Священного писания, о языках библейских текстов и их переводах. Автор рассматривает Библию в широком, смысле этого понятия — Ветхий Завет (еврейский ТаНаХ) и Новый Завет. Далее он переходит к последовательному рассмотрению библейской фабулы (нарратива) от Сотворения, включая допотопную историю, эпоху патриархов, Исход из Египта, завоевание Обетованной земли, расцвет еврейской государственности при царях Давиде и Соломоне.

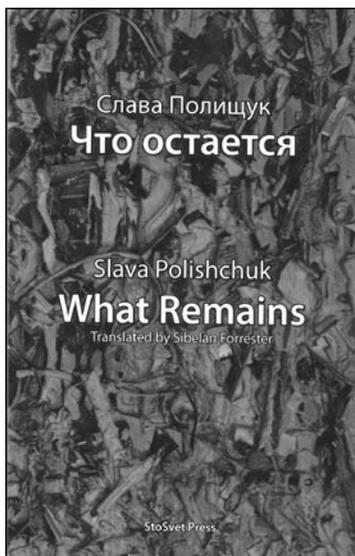
Книга II посвящена эпохе распада Объединенного царства и падению Израильского, а потом и Иудейского царств. В этом томе автор подробно рассматривает развитие «сопредельных государств» Ближневосточного региона — Месопотамии и долины Нила в контексте их взаимоотношений с государственными образованиями Земли Израиля.

В Книге III представлены Хасмонейский и Римский периоды израильской истории. Важное место автор уделит многовековой неравной борьбе еврейского народа за свою религиозно-национальную самобытность и политическую независимость – вплоть до падения Иерусалима и подавления восстания Бар-Кохбы.

Книга IV — «сборник эссе по иудаизму», где подробно рассматриваются символы иудейской веры (Скрижали, Ковчег Завета, Скиния, Первый и Второй Храмы). В четвертом томе речь идет также о выдающихся мудрецах и законоучителях прошлого, о хронологии и календаре, еврейских праздниках и памятных днях.

Все четыре тома снабжены огромным количеством наглядного материала — таблиц, графиков, карт и схем, глоссариями имен и терминов, подробной библиографией. К несомненному достоинству издания следует отнести и иллюстрации с портретами современных историков и выдающихся библеистов прошлого, с репродукциями картин, рисунков, природных и исторических ландшафтов и многое другое. Это разнообразие собранных автором материалов делает работу Исая Фридмана неутомительной для чтения, легкой для восприятия, доступной самой широкой аудитории.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Книга Славы Полищука «Что остается» (StoSvet Press, 2013) издана в Нью-Йорке на двух языках — русском и английском. Предисловие, или, лучше сказать вступительное эссе, написал поэт Владимир Гандельсман. И название его — «Мастерская художника» — точно определяет суть книги.

Полищук — мастер, творящий зримые образы. Но и оригинальный эссеист, — его работы в прежние годы не раз печатались в «Информпространстве». Автор книги приоткрывает двери своей творческой лаборатории, и сперва в полной тишине мы слышим лишь удары его сердца. И только потом до нас доносятся произнесенные им слова, явно не все сказанные.

«Начиная работу, никогда не знаешь, куда это заведет. Всегда что-то должно остаться недосказанным. Это что-то и «делает» холст. После часов дней работы перестаешь замечать себя, руки, все вокруг — стена и холст сливаются. Я превращаю себя в механизм, зависимый от движения цвета, линий мазков, пятен. Эта зависимость и есть свобода» («Стена»).

В небольшой по объему книге время сосуществует с местом хоть и взаимозависимо, но все же обособлено, часто обгоняя его, разворачиваясь назад, замедляя ход и отставая. Былое живет в настоящем, не

желая покидать арену событий. Чинное благополучие провинциальной Германии... Поражающая воображение громада Кельнского собора... Откуда только берутся эти старомодные видения, навеянные прозрачными пожелтевшими фотографиями: длинные очереди женщин с детьми, стариков, движущихся «мимо барачков с колючей проволокой, охранников в сторону здания с высокой трубой».

Всякая попытка принять, казалось бы, уже устоявшуюся риторику, кому-то кажущуюся естественной, у Полищука оборачивается горьким сарказмом...

«Сколько раз можно говорить одно и то же. «Душевые» Майданека и Бухенвальда хорошо проветрены, реставраторы ломают головы, как сохранить груды детской обуви на складе Аушвица. Кельнская миква очищена от говна и накрыта стеклянным колпаком для удобства обозрения. На месте исчезнувших Юденстратс растут музеи» («Пепельные волосы твои, Суламифь»)

Впрочем, порой место и время сливаются, и старое еврейское местечко Клинци, где родился и провел детство Полищук, оглашается неясным гулом голосов, иногда на каком-то далеком, но все же родном языке. И перед ним в который уже раз проходят толпы нелепо одетых, растерянных людей, бредущих мимо своих домов в последний путь, в никуда. Там были и его родные, да сам он знал еще свидетелей этих событий. И библейский Плач Иеремии для Полищука, художника и писателя, вовсе не абстрактная литературная фантазия почти трехтысячелетней давности, а живая история его семьи, да и его самого.

«Эта работа, — пишет Полищук в новелле «Стена», — попытка противостоять времени. Время, сталкиваясь с памятью, узнает о своем бессилии. Память низводит время до положения назойливой действительности, с которой я вынужден считаться».

Считаться — да, но не смириться.

«ИНФОРМПРОСТРАНСТВО»
2014, № 2 (184)

СМИ зарегистрировано в Московском территориальном
управлении Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ N1-00919 от 20.12.2002.

Учредитель СМИ: *Евгений Моисеевич Бень.*

Электронный адрес: *gazetapros@yandex.ru.*

Телефон: +7 (925) 089 31 61

Формат 60x90/16, бумага офсетная, 100 г/м²,
гарнитура OfficinaSansC, JournalSansC.
Усл. п. л. 10,875. Подписано в печать 07.02.2014
Тираж 620 экз.

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер».
115407, Россия, Москва,
Нагатинская наб., д. 54, ком. 4